

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Председатель совета

Бабур АЛИМОВ

Абдулла АРИПОВ

Абдулла АЗАМОВ

Баходыр АХМЕДОВ

Ольга ГРИГОРЬЕВА

Хуршид ДОСТМУХАММАД

Николай ИЛЪИН

Татьяна МОТОРНЮК

Насретдин МУХАММАДИЕВ

Кувондик САНАКУЛОВ

Мухаббат ШАРАФУТДИНОВА

Главный редактор

Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора

Ирода РАХИМОВА

Ответственный секретарь

Зиёдбек УРИНОВ

Редактор

Светлана ЩЕГЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Пахлаван Махмуд Сказать всю суть в словах немногих рад я. (Рубайи)	31
Людмила Бакирова Сентябрь откроет дверь однажды в лето. (Стихи)	40
Раиса Крапаней На островах мечты. (Стихи)	92
Елена Алимова Жизнь без любви не интересна. (Стихи).....	120

ПРОЗА

Владимир Баграмов Журавлёвка. (Роман)	3
Абдукаюм Юлдашев Близнецы. (Рассказ)	33
Ольга Григорьева Синдром страха, или закон матрёшки. (Фантастический роман)	46
Сергей Татур Железные люди. (Фантастическая повесть)	95
Рахимжон Рахмат В бездне сознания. (Рассказ)	122

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

Нодир Норматов Последнее завешание Рузы Чарыева. (Роман-эссе)	125
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Ирода Рахимова Джомолунгма – путь к вершине	140
Наргиса Исмоилова Режиссёр и педагог	148

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Саодат Камилова Некоторые тенденции развития узбекского рассказа в период Независимости	151
Бегийим Холбекова Поэзия Роберта Бёрнса на узбекском языке	156

На 2 странице обложки – картины Рузы Чарыева.

На 3 странице обложки – победное восхождение спортсменов из Узбекистана на Джомолунгму. (Базовый лагерь; гора Эверест; наш человек на вершине; в ледовом плену.)

Звезда Востока

2011 № 3-4

Учредитель
Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).
Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Акбарали Мамасолиев

Подписано в печать 10.10.2011.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1060 экз. Заказ №

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи»

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала осведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением дисков и распечаткой.
Рукописи не возвращаются.

Перепечатка без соглашения с
редакцией не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

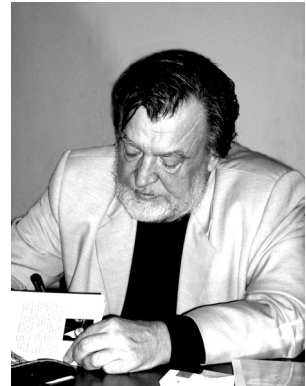
Copyright © «Звезда Востока»

проза

Владимир БАГРАМОВ

ЖУРАВЛЁВКА

Роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Стоит Бронислава у стены, замазку пальцем выковыривает, грызет соленый огурец, и плачет злыми слезами. На новом платье дыра, две пуговицы с мясом вырваны, у белого воротника одного угла не хватает. Волосы у Брониславы растрепаны, паклей во все стороны торчат, на щеке свежая царапина.

Муж ее, Иннокентий Вельский, «вольный боец газетного фронта», над печатной машинкой сопит, неверной рукой чистый лист заправляет. Косит на жену глазом, копиркой шуршит, муторно ему.

Вельский по пояс голый, брюки спереди мокрые, в дремучей бороде капустный лист застрял. Под стулом, и у стола лужа, в ней кастрюля опрокинутая, в луже рецепт шей наглядно рисуется. Вельский ноги широко расставляет, поднимаясь взять что-либо, следит, чтобы на скользких картошках не споткнуться.

Злосчастная бутылка водки на столе стоит, из-за нее сыр-бор разгорелся.

Глаза у Иннокентия маленькие, буравчиками из-под густых бровей выщеливают. Нос благородной лепки, губы узкие, уголками книзу скошены. Рост у него плевый, как говорит сапожник Нефедов, чтобы ему Броньку поцеловать, надо ей кастрюлю на голову надеть и за ручки подтягиваться.

Нрава Иннокентий Вельский пугливого, больше всего на свете боится куда-либо опоздать, из-за этого от всей жизни опоздал. Прочили Кеше когда-то хорошее будущее. Что помешало – неведомо, только бывшие способности ушли-растерялись, и будущего не вышло, а вот честолюбие непомерно распухло.

Оно его натолкнуло мир через призму бутылочного дна высматривать. Как-то так вышло, что похмелье не успевало литератора догнать. Не успеет глаза продрать, а припасенный стакан, сам собой, вверх дном кувыркается.

Писал он стихи и прозу мутные, громоздил слова на слова, шуршали они мертвым песком, осыпались на бумагу. Больше всего любил военную лирику, как «птички над пушками поют, по лафетам скачут...». У него и лисичка в лесу к танкам подбегала, нюхала и удивлялась непрошеным гостям. И солдаты, если спали, то обязательно во сне соловьев слушали. И все, поголовно, погибнуть за Родину мечтали.

Не брезговал переводами. Дело это зыбкое, поди, проверь, что какой-нибудь певец автономного округа сказать хотел на самом деле? Трактовал их Кеша, как хотел. Поэты, им переведенные, побить не раз хотели, но ко всему прочему, был Иннокентий нахален и самоуверен, чуть что, писательским билетом очень умел козырнуть.

Время от времени в газетах появлялся с очередными стихами-лозунгами, и дарил их знакомым с неперменным расчерком и надписью «С искренней симпатией».

Во дворе его не понимали. Старик Туманков, после выпитой бутылки и часовой беседы, от него как от чумы бегал. Сапожник Нефедов осторожно замечал: «Заумный мужик, таких в Сибири пришибленными зовут».

Где-то Вельский книгу выпустил, где-то рецензию написал, но кроме невнятных стихов про «костры горячие в лесах», никто результатов его плодотворного труда на благо литературы не видел. Лежал в доме роман в стихах, про который Бронислава говорила почему-то шепотом, часто оглядывалась, вертела у виска пальцем.

Во дворе он громоотводом был. Соберутся мужики посидеть, покурить, а скучно как-то... Иннокентий бредет! Сейчас его к себе. Кеша рвет душу, наизнанку выворачивается, а народ со смеху дохнет. Правда, тут еще сила инерции срабатывала, уж больно Иннокентий при своем переезде людей насмешил.

...В тридцать седьмом дело было. Приехала Максимовна из деревни, мешок с гостинцами до дома еле доволокла, передохнуть встала, а тут мужик из такси с чемаданами вылезает. Борода, шляпа, ботинки лаковые. Ботинки ее больше всего поразили, загляделась, а мужик вылез, чемоданы поставил, и на Максимовну в упор уставился. То сбоку, то прямо, то со спины зайдет...

Ходит кругами – и все тут! Максимовна обеспокоилась и спрашивает:

– Вам чего, гражданин?

Иннокентий голову назад откинул, глаза нетрезвые прищурил:

– Значит, так. Я телефон дам, сегодня вечером позвоните, ответит Константин, договоритесь о встрече. Он вас ваять будет.

– Он чего «будет»?

– Ваять. Если голая натура нужна, о цене договоритесь. Но под пролетарский типаж – вы то, что надо.

– Кто голая?

– Главное, грудь! – Кеша усмеяется. – Она у вас на полметра вперед выезжает. Тип, женщина – крестьянка, кормилица.

– «Выезжает», – эхом повторила дворничиха. – Голая?

– Советую, деньги вперед.

Потрясенная Максимовна головой тряхнула, у нее от злости родинка фиолетовой стала. Молча сумку холшовую подцепила, в ней свинина крупной деревенской резки, и погнала «советчика» до сараев впереди своего очумелого крика.

Когда разобрались, дом со смеху скис...

Если Иннокентий рядом с женой шел, несведущего человека оторопь схватывала. Бронислава – само величие, глаза синие, дымкой подернуты, рост гренадерский, кожа белая. Литератор рядом с ней огрызком смотрится, семенит мелко, руками за все цепляется, но разговаривает солидно, медленно, немного через губу.

Стоит Бронислава у стены, пальцем замазку ковыряет, грызет соленый огурец и воет.

– Бронислава, не смей, кому говорю, не вой под руку!

Просвистел соленый огурец возле литераторского уха, а у Иннокентия и ухом сил нет повести. Завешенное богемной бородой лицо скукожил. Во рту горечь.

– Тебе странно, почему я пью, если хочешь, давай разберемся. Тебе дана сторона внешняя, быт, и все вокруг. Духовного в тебе нуль! – Иннокентий показал согнутые в кольцо два пальца. – Женское начало доминирует, поэтому ты бесишься, но принимаю тебя при всей твоей дикости, и терплю.

– Как ты мне опостылел!

Вельский, улыбаясь таинственно и мудро, нетрезвой головой качает. Мол, говори, говори, а я свое дело знаю, такое знаю, что тебе, дуре бесталанной, всей жизнью не постичь.

– Твоя ноша тяжелая, но и моя не легче. Писатель – это миссия. Ты вот меня шами чуть заживо не сварила, а если бы кипяток?

– В следующий раз вскипачу, – Бронислава кивает по-деловому.

– Муки духовные, они самые мучительные. Ты за свою жизнь хоть строку создала? Тупа, как...

Вельский пошевелил в воздухе руками неуверенно, словно обнимая нечто большое и круглое. Договорить не успел, Бронислава плюнула в его бороду и вышла.

Тося от удивления отступила – стоит на лестничной клетке Бронислава, в руках чемодан.

– До утрапустишь? Потом придумаю что-нибудь, ладно?

– Господи, да иди уж, только в кухне сядем, от своего лунатика сбежала?

– Пусть подойдет от водки!

Бронька в дверь прошла, чемодан с грохотом поставила и, сев на него, заплакала. Тося испуганно прикрыла дверь, побежала за водой.

Броньку знали все. И никто не знал Броньку как следует. Она бралась за любые виды приработка, где только можно. Стирала, вышивала подзоры и пододеяльники, сидела с чужими ребятишками и готовила обеды на заказ. Ухитрялась мыть лестницы в двух подъездах и затоптанный сотнями ног вестибюль Дома пионеров.

Соседи говорили, от жадности. Но ни один человек в доме не мог припомнить, чтобы Бронька отказала ему дать займы или отпустила голодным из своего дома. Она парила, жарила, мариновала, готовила впрок, солила и консервировала.

Содержимое этих банок пробовали все в доме. Ни одно событие не обходилось без ее участия. Первые ватрушки – соседям, первые пирожки – ребятишкам. Иначе не бывало.

Но если кто-нибудь не отдавал вовремя долг! Вот тут начиналась другая Бронька. Она орала на весь двор, что ее разорили, призывала на голову должника всех чертей и немислимые кары. Наоравшись, одалживала опять, часто тому, кто еще так и не отдал. Дворовые мужики часто пользовались кредитом, суммы копились изрядные, но, рано или поздно, отдавались.

– Тось, я прилягу? Жорка на работе, а Старик с ребятами где?

– У Димки Букина картинки какие-то клеят. Повадились к нему... Он болеет, а они ходят и ходят. Про самолеты им, что ли, рассказывает? И Старик туда же.

– Как с Жоркой-то? Чего канителиться, он тебя любит.

– Сложно... На диван приляг, одеяло дам. Бронь, без тебя лунатик совсем сопьяется!

– Пальцем не пошевельну. Я, если и выйду замуж, только за генерала, еще лучше за язвенника, они не пьют.

– Еще как пьют, на хлеб мажут.

– Вот, заразы!

Повернулась Бронька к стене и с великой обидой на пьющий мир уснула.

Тося укрыла ее одеялом, улыбнулась, удивляясь иронии жизни, как такая красота охламону досталась?

Воину Грач встретил в лагере. Сидел третий год – за пьяную поножовщину...

Пока служил в армии, отец и мать в одночасье умерли. Мать пережила отца на два дня. Приехал Грач по телеграмме, схоронил родителей и вернулся дослуживать. Демобилизовали его в тридцать восьмом.

Поставив чемодан на ступеньку лестницы, долго стоял в дверях пустой квартиры, слушал тишину и дрожал лицом. Потом запил. Неделю и побыл дома...

Как оказался в его руке нож и чей он был, Грач не помнил. Осталось в памяти перекошенное лицо какого-то парня, жуткие крики людей и боль в плече, когда выламывали ему руку подоспевшие милиционеры.

Приговор выслушал спокойно. Пять лет за драку и причинение тяжелого ранения. Грач фамилию парня не запомнил, был как во сне. В лагере затосковал, но потом привык и освоился. В «рабах» ходить отказался, за что его чуть не прирезали блатные, но отступились. «Купил» их Грач игрой на гитаре с бесшабашными песнями московских окраин.

У крыльца метлу и ведра складывал, когда к бараку подбежал Ефимка Тушинов, домушник по кличке Тушканчик, истошно заорал, что началась война. Грач выслушал, пнул метлу и сел на ступеньку покурить-подумать. На окружающих внимания не обращал, накурившись, чинарик в ладони размял и в специальный мешочек табачную крошку сыпал.

У Грача через лоб челка косая, глаза зеленые, голова хромой машинкой ступенями выстрижена, согласно лагерным правилам...

Вот этой челкой косой да глазами зелеными, он ровно через десять минут перед начальником лагеря нарисовался. С ним три пятых осужденных на плацу стихийно

выстроилось. Начальник прибежавший отдышаться не может: «Что за митинг? Почему собрались?»

Алешка Грач делегатом представился. Говорить складно умел, потому его и отрядили. Вышел Грач, слова в уме повторил, и заплакал неожиданно. Только и смог выговорить, что, мол, кровью искупить хотя бы вину перед Родиной. Начальник лагеря молча выслушал, кивнул и ушел. Некоторое время их в неведении держали, а потом...

Потом Грач в заваруху попал. Весь штрафбат, где ему начинать пришлось, под безымянной высотой остался. Восемь раз Грач в рукопашной свою человеческую пригодность доказывал. Красными каплями по камням кропил, вину перед Отечеством смывал.

В той заварухе ему рот штыком порвали, длинный шрам остался, и руку прострелили в мякоти – это повезло. Шрам на лице долго не заживал, гноился и свищами прорывался.

Из тех атак на высоту их восемь человек осталось. Тушканчику грудь навывлет, красными пузырями харкал, когда его Грач после боя в медсанбат поволок. Хрипит Ефимка несуразное, сгоряча блатные песни петь наладился, потом примолк. Остановился Грач, а Ефимка затосковал лицом, улыбку с губ согнал.

– Грач, а вот мы им, знай лефортовскую шпану! Грач, я помру?

– Я те помру, – сипит Алешка, дух переводит, – только попробуй.

– Худо чего, Грач?

Не доташил Грач Ефимку. Закричал он тонко, сполз со спины, в руку Алешкину вцепился и жалобно смотрит. Потом из горла толстенную алую струю выбросил, белей бумаги стал и затих. Грач рядом плюхнулся, рукой Ефимке рот зажимает, да разве такую лавину крови удержишь? Только перепачкался весь.

За ранение и храбрость сняли с Грача судимость, перевели в часть обычную, регулярную. Воевал он истово и жестоко. Потом пропал. Одни говорили, что его из дивизии в «дальний поиск» отправили, другие, что он к немцам ушел.

Знали о том, где Грач, двое в штатском, что дней пять были в штабе дивизии. Один немой – здоровый бугай, все Алешку выспрашивал. Напишет на бумажке вопросы, где сидел, как сидел, за что сидел и многое другое. И смотрит по губам, считывает ответы.

Другой, старичок, тот больше с Грачом на политические темы беседовал. Но это для отвода глаз, хитроват был. Разговаривали они с Грачом, разговаривали, да все разом и исчезли.

Машина тормозами скрипнула, качнулась и встала.

До города километра два оставалось. Генерал напухшие веки приподнял, смотрит.

Полицай молодой к машине идет, косая челка из-под грязной пилотки мотается. Другой, здоровенный верзила с тупой рожей, за веревку шлагбаума держится. И третий, старичок, на другой стороне дороги с ноги на ногу переминается.

Генерал досадливо поморщился, веки сомкнул, чувствует, как качнуло машину – это адъютант выпрыгнул, стал на лицаев орать. Сон наваливался волнообразно, и генерал пытался справиться с ним.

Сквозь дрему думал с досадой, что понаставили дураков при въезде в город, и какую он головомою устроит коменданту. Какие тут партизаны, когда до линии фронта надо самолетом лететь? Был отряд, но его до Нового года в болотах утопили. Рядом охранник сопит, от него луком несет, генерал брезгливо губами дернул.

Сухо выстрел шелкнул. Генерал голову вскинул – охранник ему в колено ничком ткнулся, из виска черное течет. Не успел генерал сообразить, как второй выстрел – шофер о баранку головой с тупым стуком. А дальше соображать было некогда – генерала из машины выдернули.

Потянулся он к кобуре лаковой, да молодой, с косой челкой, его по шее так треснул, что фуражка с тульей высокой, виляя, по дороге покатилась. Молодой пистолетик генеральский с перламутровой ручкой из кобуры вынул, и в карман.

Адъютант посреди дороги лежит, ноги широко раскинул. Генерал руку поднял, что-то отрывисто и гневно произнес, но подошедший верзила его вокруг себя развернул и к кустам подтолкнул. Уперся генерал и... Такого пинка и во сне не бывает! Генерал тевтонским носом в землю шварк! Очки потерял, поскулил тошно, и пошел. На верзилу оглянулся. Тот ему кулак показал.

Объявился Грач на Журавлевке через три месяца после окончания войны. Челка та же, косая, только белая. На груди Золотая Звезда.

Вроде здоровый мужик, только замечали, что нет-нет, а сморщится Алешка, словно боль его точит. Постоит, сжав зубы, побелеет скулами и дальше... Соседка однажды увидела, когда Грач, по пояс голый, на лестнице перегоревшую пробку менял, и ахнула – у Алешки живот в шрамах, на левом боку кожа рубцами стянута, клочок вырван с блюде, не меньше! Ахнула и побежала рассказывать.

Что ни вечер стоит у подъезда – руки в карманах, сапоги сияют, смотреться можно. Насмешливо вокруг поглядывает, насвистывает, а то и напевать блатное начнет. Пропоеет несколько, и из кармана сигареты с золотым обрезом тянет. Фасонисто закуривает.

Где был, что делал, как воевал, что видел – про это у него спрашивать не надо. Наврет с три короба. И что ордена-медали ему за спасение интендантского склада от диверсантов дали! И Звезду Героя ему сам маршал вручал... Плетет, невесть, что. Спрашивать перестали, потому что поняли, Грач – это могила. Ему легче соврать, чем про дела свои рассказывать...

– Чего не здороваешься?

– Наше, с кисточкой...

– Все куришь? Ну-ну.

Грач усмехается, на Вадима Петровича Крючкова вприщур смотрит. У него к Вадиму Петровичу чувство двоякое. С одной стороны, жалею человека, сердце у него, того гляди... А с другой, что-то это «того гляди» затянулось! И доверия не внушает – это Грач нутром чувствует.

Давным-давно, когда Грач еще грачонком был, нашел он в лесу земляничину. Гигант, не ягода, раскусил и... С тех пор землянику ли, клубнику ли, есть не может. В этой ягоде улитка громадная оказалась. Ее и разжевал Грач, прежде чем сообразил вынуть изо рта ягоду странного вкуса.

Крючков напоминал ему тот случай.

Вадим Петрович на скамейку сел, дышит трудно. Голову откинул, похватал воздуха немного, пришел в себя, улыбается:

– Умру я скоро, Алеша, прошлой ночью так прихватило, еле до кухни дошел, надо лекарство записать, а тут... Все думаю, амба.

Грач деликатно в кулак покашлял, что отвечать, не знает. Сам Алешка в своих хворобах и родной матери, была бы жива, не признался бы. Свищ в животе зажил едва, и опять в том месте покраснение, как бы не прорвало. Вот оно, болото ржавое сказало! И рана-то была, пустяк суший, грязь попала. Еле отходили, весь живот искромсали... Бок – это потом, когда в Берлине архивами занимался...

– Грач, за что Героя получил?

– Случайно.

– Врешь! Случайно можно по морде схлопотать, а Героя – это за большой вред фашистам. Ты, видать, отчаянный мужик, недаром в лагерях мыкался.

Грачу про это вспоминать неприятно. Стыд давно на войне кровью искупил.

– Грач, а в лагерях бьют? – Вадим Петрович засмеялся. – Поди, лупят чем попало, а кто не работает, тех в мешок каменный, а? Чего молчишь, не хочешь, не говори.

– Это по человеку судят. Иногда и убивают.

– Слышал, Рокотов приехал, Мишка. С девкой, или с бабой, черт их разберет, но ничего ППЖ.

Грач быстро и внимательно посмотрел на Вадима Петровича.

– Крючков, походных и полевых жен у нас не было, понял? Фронтовые подруги – это да, мы с ними войну поровну делили, а иногда они побольше нашего хлебали, – и, бледнея, шепотом добавил, – еще услышу, гад, хрип порву! Я бандит уголовный, срок сидел, и за тебя отсижу. Запомни.

Повернулся Грач и ушел.

А Вадим Петрович тихо посмеялся. Знал бы Герой, что правая рука у Крючкова минуты три гладкий спуск «Вальтера» в кармане шупает. Чем-то его Грач раздражал, а чем – не поймет Вадим Петрович. Потому и пристает при встречах с вопросами, не проходит мимо.

Один охранник лежал на мостовой, возле машины. Другой, раненный в руку и живот, стоял на одном колене, нелепо вытянув другую ногу в сторону, опустив голову вниз, стонал. Хлестнул еще выстрел, старичок-инкассатор, взмахнув брезентовыми мешками, опрокинулся на спину...

Взревел мотор, машина, едва не ударившись бортом об угол дома, визжа колесами по асфальту, скрылась в переулке. Кричали люди. Из дверей сберкассы выбежали два милиционера, на ходу вытаскивая оружие, заметались около машины инкассатора, разом засвистели в свистки. Собралась огромная толпа.

Файзулла, сжавшись в комок, размазывая по лицу слезы ужаса, тыкал в спину шофера, что-то кричал. Шофер крутил баранку, сцепив зубы, нагнув лобастую голову.

На заднем сиденье хрипели, пытаясь отдышаться, Вадим Петрович и уголовник по кличке Кабан, кряжистый малый с маленькой головой кретина.

Через сорок минут были за городом.

Не доезжая станции, шофер круто свернул, на недоуменный взгляд Файзуллы только оскалился.

Машину загнали во двор. Закрыли ворота. Дом был старый, полуразвалившийся, но в нем, судя по некоторым признакам, бывали люди.

Сидели за столом, пили, понемногу оттаивая после происшедшего. Припасы достал шофер из багажника, мимоходом буркнув, что расходы пополам. Файзуллапил водку мелкими глотками, жевал хлеб, мутно поглядывая вокруг от пережитого страха.

Вадим Петрович пытался улыбаться, но у него жал подбородок, и он то и дело придерживал его дрожащими руками.

Равнодушный шофер, сильный и злой мужик, трудился над большим куском вареного мяса, облизывал пальцы, испачканные в жиру, по-волчьи, не жуя, глотал. Только Кабан был радостно возбужден,пил третий стакан, громко комментировал:

– Главное, баба выскочила оттудова, а? Визжит, а Вадька мешки, смотрю, поволок! Ну, думаю, накрылись! Вадька прыг, я за ним. – Кабан ткнул пальцем в шофера. – Этот по газам, по газам! А теперь жрет, гляди, не подавится!

Кабан визгливо захохотал, откинувшись на стул, закачался на нем, высоко задирая колени, упираясь подошвами в ножку стола.

– Заткнись, – поднял голову от стола шофер, внимательно осмотрел Кабана, подумал и добавил, – психуешь, в морду хочешь?

– Чего? – Кабан удивленно присвистнул, перестал качаться, поставил недопитый стакан с водкой на стол, хищно пригнулся. – Кому в морду?

– Тебе, кому, не психуй! Разорался.

– Хватит! – Вадим Петрович стукнул кулаком по столу. – Сядь, Кабан! Чтоб с этой хаты дня четыре ни ногой. Ты, Файзулла, всю бодягу с продуктами долой, что у Марковны осталось, пусть ее будет, понял?

– Петрович! – опешил Файзулла. – Там тушенки двадцать ящиков, икра, колбаса, масла бидон.

– Брось! – жестко глянул на него Вадим Петрович. – Ты, думаю, затоварился неплохо, на век хватит?

Он повернулся к шоферу, долго одобрительно смотрел в его равнодушное, рубленное морщинами лицо, потом улыбнулся:

– Ты, мужик, номера не забудь снять. Машину отгони, и сюда своим ходом, как придешь, доля твоя отстегнется.

– Доля моя сейчас.

Шофер поставил локти на стол и, уперев на ладони лобастую голову, смотрел спокойно и тяжело.

– Не доверяешь? – ухмыльнулся Вадим Петрович.

– Я тебя не знаю, я с ним, – кивок на Файзуллу, – договаривался. Его ответ, а ты для меня ноль, личность темная, с тобой говорить – смысла нет.

– Зря, – задумчиво сказал Вадим Петрович. – Очень зря.

– Петрович! – позвал тихо Файзулла. – Он нормальный парень.

Шофер улыбнулся.

– Меня защищать не надо. Я сам могу, понял? Сказано, доля здесь, сейчас. Я свое дело сделал! Больше вас знать не хочу. Без машины вы никуда.

– Завоешь с вами, – устало сказал Вадим Петрович. – Так ты езжай домой, а? Приедешь, тогда мы с тобой все и поделим, доля не убежит. Ну, что смотришь-то?

– Сказано, здесь, – шофер упрямо мотнул головой.

– Вот человек, ему все сразу! Ну, давай мешки.

Вадим Петрович откинулся к стене, прикрыл глаза.

Шофер секунду настороженно смотрел на него, потом встал, прошел к кровати, на которой лежали два туго набитых, инкассаторских мешка. Резко обернулся – Вадим Петрович сидел с закрытыми глазами. Файзулла смотрел в пол. Шофер повернулся, нагнулся к мешкам.

Выстрел грохнул в маленьком пространстве комнаты оглушительно. Шофер прыгнул в сторону, попытался обернуться, и ничком сунулся в пол.

Первым опомнился Кабан, с криком сорвался со стула, пинал неподвижное тело.

– На тебе, на, скажи спасибо, что только так тебя, я б в куски месил!

– Заткнись!

Кабан, опасливо покосившись на Вадима Петровича, сел к столу.

– Сходи, посмотри, – повернулся Вадим Петрович к Файзулле. – Дом вроде в стороне, но мало ли...

Файзулла, не сводя глаз с лежащего на столе пистолета, медленно попятился к двери, быстро прикрыл ее за собой. Выйдя на крыльцо, он с облегчением вздохнул и потянулся, четко знал, что его очередь не пришла.

Заветная коробочка с камешками была у него. Коробочка с долей Вадима Петровича, считанные камешки, на стоимость каждого из них можно было построить двухэтажный особняк. И границу ему одному не перейти. А у Файзуллы были ниточки, за которые можно было потянуть, и в дамки! Вдвоем веселее. А уж там, за границей, Файзулла не промахнется.

Он обошел дом, внимательно огляделся – все спокойно. Постоял у ворот, приоткрыв калитку, посмотрел на проулок, чисто. Вернулся в дом.

Три большие кучи денег лежали на столе.

Кабан счастливо жмурился, трогал новенькие пачки, то и дело подливал себе водки, глотал громко и противно. Вадим Петрович сидел, неподвижно обхватив голову руками, видно, болел проклятый затылок, он в последнее время досаждал изрядно. Файзулла присел осторожно к столу, налил себе водки, моршась, выпил.

– Что с ними делать будешь? – Файзулла кивнул на деньги.

– Я найду чего, я найду! – счастливо засмеялся Кабан. – Я в теплые края махну, вот чего! В Москве меня обыскали, мне нельзя здесь. Раз подхожу к дому, а из-за угла чистенький идет, ментяра с виду! Я шамальнул и ходу, пока они там нюхались, меня нет. Понял?

– Что ж ты про это раньше не рассказал? – сокрушенно вздохнул Вадим Петрович.

У Файзуллы медленно и страшно расширились зрачки, он хотел что-то сказать, но осекся, наткнувшись на пристальный взгляд Крючкова.

– Это ты, брат, зря, надо было рассказать, мало ли чего? Тебя по всей Москве шарят, а мы с тобой дело имеем.

– Я их сам рвать буду! Меня под «вышку» просто так не сунут! Чего ты?

Кабан, не шевелясь, смотрел в черный «глаз» пистолета. Хряшеватые уши его двигались сами собой, он взмок и, растерянно улыбаясь, вытирал пот с лица и шеи ладонями.

– Ты чего, я тебе чего плохое, да?

– Плохое, брат, очень плохое. Встань, отойди вон туда.

– Ты деньги возьми, слышь? Мне не надо! Я себе накнокаю, если чего, ты их бери.

Кабан мелко отступал к стене, оперся рукой о выступ печки, икал со страха. Вместе с выстрелом он тонко завизжал, но тут же захлебнулся, выгнулся, и ударился об пол, затих.

– Ну, вот.

– Теперь, моя очередь, Петрович, – неожиданно спокойно сказал Файзулла.

Вадим Петрович вылил из стакана водку на ладонь, сильно растер руки, стряхнул, только после этого повернул к Файзулле потемневшее лицо.

– Дурак ты. Мы с тобой отсюда вместе уйдем. Шофер жадный был, с такими опасно, а этого придурка я не шлепни, так «уголовка» загребет. Он бы нас заложил за милую

душу. Так что расклад верный, думаю... Деньги спрячешь, потом разделим. И мне лишнего не надо! Скоро в дорогу дальнюю, а ее нам вместе топтать? Так?

– Так.

Файзулла кивнул. Он испытывал непреодолимое желание всадить нож под этот сытый подбородок, поэтому, чтобы не выдать глазами сокровенное, отвернулся, стал сметать со стола крошки. Вадим Петрович чуть заметно улыбнулся.

В полуподвальную комнату человек пятнадцать набилось.

Всем хотелось живого Мишку Рокотова посмотреть и пощупать. Женщины его непременно целовали, по вихрам трепали и, конечно же, плакали. Мужики за руку здоровались, а потом, как сговорившись, по спине бух да бух! У Мишки от этих буханий спина онемела, а они все не кончаются.

С Фаечкой немного настороженно здоровались, оглядывали украдкой. Сапожник Нефедов, у которого трое сыновей погибли, дочь, без вести пропавшая, попробовал с расспросами приставать, кем она Мишке приходится, но Максимовна его с ходу к Старика Туманову пересаживала.

К столу, кто что мог, тот и принес. Бронька опять всех удивила, такой пирог смастерила, умереть – не встать! Сверху он американским джемом обмазан, внутри сгущенное молоко с яблоками, а в середине горка из толченых орехов. И где орехи, такое чудо, раздобыла, уму непостижимо!

Мишка за погибших на этой войне душевный тост сказал. Выпили стоя. Фаечка во все стороны глазами постреливает, кудряшки на висках толк-толк. Помалкивает, изредка «спасибо» выронит, это когда Пенкин, взявшийся за ее тарелкой следить, чего-нибудь положит.

Поплакали на Нефедова, он тоже речь сказать хотел, про сынов погибших, танкистов сгоревших, про дочь Полю, которую все ждал и ждал. Речь не вышла. Нефедов слова какие-то промямлил, потом на стул упал, стопка в руке трясется, губы трясутся, и... отвернулся, рукавом закрылся.

Митенька-почтальон Нефедову кивает. Ему водки не дали, а вот студня целую тарелку навалили. Митенька студень ест, всем улыбается, кивает согласно. Забыл убогий, что похоронку на Полю Нефедову он под кустами давно закопал...

Пенкин чуть не внес сумятицу в только-только наладившееся веселье. Показалось ему, что Алешка Грач на Тося заглядывается, повышенное внимание ей оказывает. Стал следить, а как Грач, с Тосей чокаясь, еще губами поцелуй изобразил, тут Пенкин костыли подвинул и встал. Подтянулся на костылях и тихо сквозь зубы Грачу:

– Ну-ка, ты! – шека у Пенкина прыгает. – Пойдем, покурим, ну?

Старик Туманков сноху в бок, мычит, рот студнем забит, на Пенкина головой кивает. Тося косые взгляды Пенкина давно уловила. Сначала посмеивалась, все-таки лестно, когда мужик ревнует, а потом на скулы каменные глянула, на глаза Пенкина, и испугалась.

Пенкина всем столом на место усаживали, хохочущего Грача на другой конец стола пересаживали, к Броньке. Грач Броньку оглядел, хмыкнул и петухом взвился.

– Винегрету?

– Спасибо.

– Тарелочку! Вот, теперь порядок. Платье сами шили?

– Сама, кто ж еще.

– Шикарный вырез. Бусы лежат – это хорошо.

– Что?

– Говорю, когда бусы на груди у женщины не висят, а лежат – это хорошо. Почему на «вы»? На «ты» идет?

– Идет.

– Итак, – Грач откинулся на спинку стула. – От вас, как я слышал, муж ушел?

– Плохо слышали, это я от него ушла.

– Какая разница? От меня жена никогда не уйдет. Она меня ревновать по-черному будет.

Бронька повернула красивую голову, чуть усмехнулась.

– Это почему же?

– Секрет знаю.

– Видали? – Бронька плечами презрительно пожала. – Теперь вы распетушитесь, фронтовички, нас на каждого из вас по десятку. А толку?

– Тебе, какой толк нужен? – Грач придвинулся, жарко в ухо Броньке дышит. – Ты про любовь-то слыхала, с чем ее едят?

– Говоришь, любовь... Товариши, минуту!

Бронька из-за стола выскочила, кинулась к своей сумке, копается.

– Я сейчас! Господи, где же? Слушайте, что лунатик мой бывший про любовь пишет! Это он повесть начинал, я нашла, «Потрясение» называется, значит, так.

Бронька вышла на середину комнаты с толстой тетрадкой:

– «Он бежал в атаку и пел. Перед ним мелькало лицо любимой. Улыбалось оно ему ласково, родные глаза прямо в душу смотрели. Волосы ее пахли резедой, и Павел почувствовал запах резеды. Он перепрыгнул через воронку от крупнокалиберного снаряда, перебросил автомат из руки в руку...»

– Чего? – вскинулся Грач. – Ловко, как яблоко.

– «...из руки в руку». Некоторых попрошу не мешать! «...и побежал. Беспощадная ненависть к врагу стучала в его сердце. Он крикнул: «Гады, за отчий дом, за тебя, любимая!» и кинул гранату. Все сильнее пылала в его сердце любовь. Призывала бить и бить ненавистного врага, фашистскую свору...» Все, больше не могу.

Бронька плюхнулась на стул, тетрадку небрежно бросила рядом с тарелкой со студнем.

– Чего она? – обеспокоился Нефедов. – Написал мужик красиво.

Грач скатерть задумчиво гладит:

– Попадет такая пакость куда-нибудь, и напечатают, а? Потом дети читать будут, вот, мол, свидетель живой войны.

– Не был он в атаке, – Мишка Рокотов по столу кулаком грохнул, опомнился и Фаечке виновато улынулся. – На войне убивать надо, там лица любимых не мелькают.

Отодвинул Грач стул, кивнул всем и вышел.

Бронька вечер молча просидела, то и дело, на дверь оглядывалась, а как уйти, расплакалась. Долго ее успокаивали, Тося за валерьянкой сбегала.

Невесело вечер кончился.

Максимовна в недоумении. Дождалась, когда Фаечка вышла, и к Мишке:

– Мишка, стелить-то где, вместе, ай как?

Побагровел Мишка, на мать не смотрит, гимнастерку на стуле распялил. И так повесит, и так, не нравится, снова перевешивает. Максимовна растерялась, стоит столбом среди комнаты, на сына удивляется.

– Мишка, ты что ж, не живете, что ли? – пыливо всматривается. – С ней-то, не живете?

– Мамка! – прокуренным басом Мишка взорвался. – Чего пристала-то? Товариш она, ясно? Невеста.

– Караул, – Максимовна шепотом. – Губошлеп, ирод ты мой! Невеста? Выходит, и не было ничего промеж вас? Как же ты воевал, господи, это ж с ума спятить можно? Ты хоть знаешь, что и откуда растет-то? Ушел телок, пришел телок, какие бабы на свете, не знает... У нее-то до тебя был кто, Миньк? – встрепенулась.

– Чего городишь? – Мишка с перепугу в сапоге запутался. – Чего городишь? Был, не был, какая разница? Мы записываться будем, в ЗАГС пойдем завтра.

Максимовна пригорюнилась.

– Разница ему... На полу ляжешь, я те дам, разница! Она на кровати, я на сундуке, все, – решительно рукой рубанула.

Фаечка в комнату вошла, хитрющими глазами постельный расклад сразу высмотрела. Спокойно подошла к кровати и одеяло с подушкой па пол переложила.

Максимовна совсем растерялась. С сундука тряпки бестолково на пол сваливает и опять их на сундук накладывает. Мишка усиленно в окно смотрит, у самого шея кумачом налита. Так выгнулся, что чуть ее не свернул.

– Чего я забыла? – Максимовна озабоченно. – Пойду к Клавке Самохиной, просила она меня порточки малому прострочить. Может, заночевать там, а? Комната одна у них пустая, Сашка-то в ночь.

Фаечка через голову гимнастерку тянет. Максимовна на нее покосилась, и успела углядеть, как зубы белые сверкнули в улыбке. Максимовна ни жива, ни мертва. Батюшки, облапошила моего ирода-то! Что делать?

– Иди, мамка, – Мишка буркнул, не поворачиваясь.

Максимовна толкнула дверь, вышла, долго в пролете лестничном на темноту тарашилась. Потом всплакнула и пошла к Клавке, жаловаться.

За четыре года опалила война Мишкину душу, высушив не только тело, но и присущую его возрасту суету и легкомысленность. Девятнадцатилетним парнем прошел он ее суровую школу.

Память хранила много: человеческие крики в горящих, как дрова, танках; вмерзшие в лед и снег полураздетые тела; дорожные указатели из поставленных стоямя трупов с руками-стрелками; запах пепелища с развалившейся трубой, разбросанными истлевшими вещами, куклами без волос, детскими картинками; полет человеческого тела, брошенного в воздух могучим фугасом; горечь потери друзей и неистовое торжество над поверженным врагом...

Не было в его памяти самых обыденных вещей – женской нежности, ласковой теплоты слов любви, немудреных, бесхитростных и желанных... Да и кто сказал, что это вещи обыденные?

Как бы то ни было, но он в первый раз в жизни остался с женщиной наедине.

Мишка не понимал, что шепчет ему Фаечка, просто в его молодом, но уже суровом сердце, словно оттаивала глыба скопившегося в лютном холоде льда, текли неспешные ручьи, наполняя тело сладкой тревогой, невероятной нежностью и истомой. У Мишки кружилась голова, и хотелось, как в детстве, спрятаться лицом в спасительные ладони, выкрикивая с неистовой верой и надеждой: «Меня нет!»

– Миленький! Родненький ты мой! Мишенька... Ты мой, да? Если пропадешь, я умру, слышишь?

– Я все-все слышу. Знаешь, как тебя ждал?

Тянулась ночь бесконечно. И учились они, люди, постигшие науку убивать, самой простой и непостижимой от сотворения мира науке, любви.

Максимовна ночь на раскладушке проворочалась. Утром в свою комнату первый раз в жизни постучалась. Никого. Вошла, влопыхах чуть ключ в замке не сломала. Огляделась: все прибрано, даже пол выметен. На столе записка, ну-ка, чего они там? «Мама, скоро будем, пошли в одно место».

«В одно место». Максимовна без сил на стул рухнула, заплакала в голос. Но быстро вспомнила про то, самое главное, что на раскладушке за ночь выдумала... «У вас свое, значит, место, а я... Куда они ее задевали-то? Мудрят, ироды!»

Второпях лбом о шар металлический, красу и гордость старинной кровати. Это она, хитра, ох, хитра! По фронтам-то наострилась, видать... Наметанным глазом по комнате зашарила, за сундуком нет, в тазу нет, в шкафу разве? Нет, господи, куда они ее пихнули? Белье нестиранное в наволочке – тоже нет!

Взгляд Максимовны на вешевой мешок Фаечки упал. Покружила она, себя подразнила и не выдержала, трясушимися руками тесемку развязывать стала.

«Сюда простыню затырила, точно!» – туго завязано.

«Ну-ка, мы эти штучки знаем, потом, что ни говори... В старину как, сначала на утро смотр делать, потом гостей допаивать, и позора на родителей, на невесту не дадут, если все, как надо...»

Развернула Максимовна смятую простынь и...

– Голубка ты моя, ластонька! Девчонущка моя ненаглядная! Сберегла честь для оболтуса. Отец, отец, Костя! Сынок-то, сынок нам жену привез, Фаечку!

Упала на пол, сгребла простынь в комок, к щеке прижала, и, счастливыми слезами умываясь, на портрет мужа смотрит. Теперь верила она свято, что слышит он ее из далека-далека, слышит, и вместе с ней радуется глупому, может, но бабьему счастью, что все по-людски, все, как надо, и мы не хуже, и мы живем.

И стала Максимовна внуков ждать.

Пенкин, Пашка и Кешка затеяли из доски строгать пистолеты. Шум подняли – ужас. Сначала долго вытаскивали из пашкиного грязного пальца занозу. Пашка блажил,

лягался и мотал головой. Нашли йод, и тут же разлили его по полу. Злорадный Кешка сначала сбегал наябедничать деду, потом полез за тряпкой.

По дороге он развеял в пыль деловую чашку, за что заработал от Пенкина «леша». Потом Пенкин держал Пашку, а Кешка, высунув язык и, садистски улыбаясь, лил йод на ранку.

На крик пришаркал Старик, качал головой, жевал губами и укоризненно хмыкал. Увидел чашку, вернее, то, что от нее осталось, и разорался. Но чашки не вернешь, поэтому осколки вымели, ранку продезинфицировали, а Старик ушел дремать, погрозив всем кулаком.

Пенкин строгал, Пашка и Кешка стояли напротив, высунув языки, голова к голове, встывали с советами.

– В ручке надо дырку сделать, обойму совать. А «Вальтер» как бьет? Насквозь всего, или не шибко?

– погоди, дурак, сперва надо мушку сделать. Кешка, черт, не пихайся! У Серого во дворе с мушкой, ему отец сделал. А с винтовки через все поле летит?

– Дядь Жор, ты его не слушай, у тебя все равно лучше.

– Сафрониха сказала, дядь Жор, тебе ногу из железки сделают, на нее можно сапог или валенок одевать. А как тебе ее прикрепят, пришьют, что ли? Где их делают, ноги железные?

Тося через широкую дверную шель смотрит: Пенкин двойняшек между костылем и ногой зажал, попеременно то одного, то другого в носы чмокает. Они дрыгаются, но не сильно. Правда, от нетерпения скорее пистолет заполучить и на лютой стрельбе его испробовать то и дело косятся на стол, где пистолет этот самый лежит. Выстругано «оружие» аккуратно, обожжено и, для пушей важности, покрыто лаком.

– А чего ты с мамкой не женишься? Нам тетя Броня говорит, не слушаемся, от этого ты нам не папка.

– Правильно говорит. – Пенкин с одного веснушчатого лица на другое глаза переводит. – Если б еще убирали за собой, а то за вами мать с дедом ходят.

Пенкин, через дверную шель Тосю увидел. Перепугался, двойняшек с кухни турнул, руками по карманам шарит – курево спасительное.

– Ты сядь! Ну, вот... погоди, так сразу-то не получится, а? Папиросы сырые, глянь, расплзаются... Так вот, Тосенька, уезжаю.

– Что?

– Не клеится у нас, вот чего. Помолчи, я эти слова всю ночь обдумывал. Люблю тебя смертно, и нет таких слов, чтоб я это в точности описать мог. Но, не дойдут они до тебя – все, амба. Вот и получается, что один выход, надо мне ехать. К детям привык, они тоже ко мне прикипели.

– Жорка, они скучать будут.

– Кому сказать, не поверят, что у нас с тобой и не было ничего. Мужик в доме... Смехота, говорю, одна. Ладно.

Пенкин положил руку на Тосино плечо, легонько сжал, смотрел ей в глаза грустно и сильно как-то. От этого у Тоси голова закружилась.

– Тосенька, девочка моя фартовая, дед вон влять на тебя собрался, а я не разрешил. Если не лежит душа, что ж... Нога – это плевое, мне в футбол не играть. Учиться пойду в Литературный институт, а билет взял на послезавтра. Ты ребятишкам не говори, только Старика, он и проводит потихоньку. Пацанам рогатки сделал, ты их не выбрасывай, ага? Слышишь?

– Слышу...

– До лета в Туле поживу, у друга, списался с ним. Потом в институт, а там обшага, как положено. Так-то вот, Тосенька, такие дела, ну, чего молчишь?

– Я молчу... Я очень молчу, Жорка! Так молчу, что... Дурак ты.

Встала и пошла с кухни. И остался Пенкин с разинутым ртом, и незажженной папиросой, приклеенной к уголку нижней губы.

Ночью он опять в потолок смотрел, светлые капли от фар наплывающих выглядывал, прислушивался к звукам ночного города. Идут машины, и все мимо, мимо, мимо... И он, выходит, тоже мимо проехал. Потянуло теплом и счастьем неведомым, а так ничего, оказывается и мимо – тоже хорошо. Вроде, прикоснулся к чему-то светлому, его теперь надолго вспоминать хватит.

Крутит Пенкин дырку в ветхой тельняшке, горечь от табака проклятого во рту копится.

Дверь скрипнула. У Пенкина испарина на лбу выступила – идет к нему в ночном сумраке фигура тонкая, тихо плывет, под босой ногой пола не слышно, а половичам лет тридцать, не меньше!

– Тоська! – Старик из темноты другой комнаты всполохнулся. – Чего ты?

– Спи, пап, спи.

Фигурка опять к двери на цыпочках, плотно ее прикрыла, ни шели, ни зазоринки. Будто ворота, только куда – в рай, ад ли?

...И пил Пенкин пригоршнями березовый настой-сок текучий... Вроде не ко времени, да береза сама знает, когда ей наливать, соком набухать. Пил, томясь всем наболевшим за годы сердцем, бродил по его крупным венам хмельной напиток, кидался в голову круженьем радостным. И не было этой жажде конца и края...

Утром Старик просунул в их комнату кудлатую голову.

Все внимательно разглядел, зашел, встал посреди, ехидно шурясь, тоший живот под майкой чешет. Губами пожевал и ближе просунулся.

– Ну и чего? – шепотом.

– Чего «чего»? – Пенкин на спящую Тосю покосился, не разбудить бы.

– Зачевокал! Ботинки, говорю, шантрапе справлять надо, слякоть скоро.

– Ну и чего?

– Сбрэндил, что ли, на радостях-то? Ты теперь кто?

– Кто? – удивленно Пенкин брови поднял.

– Голова, вот кто! – разозлился Старик. – А раньше шалтай-болтай был, вот кто. Раз голова, ты и думай, я, может, помру скоро.

– Мы тебе не велим, да, Жорка? – Тося, не открывая глаз, тихо.

– «Велилка» нашлась, мои сверстники давно на кладбище с птичками беседуют.

– Скучно, пап. Ну их, птичек-то? – Тося хитро один глаз открыла.

– Тошадь начал ты, дед, – в тон ей Пенкин сочувственно. – Это от вредного характера. Сначала характер надо исправить, потом о душе думать.

– Тыфу ты, господи, ну вас к чертям! Я про дело, а им язык чесать. Жорка, ты Пашку выдери, он нынче целую банку тушенки с самой рани ухайдакал. Пока я в комнате был, а вы дрыхли, так он прибрал, триста граммов – это какую утробу надо иметь? Выдери беспреренно, а ты, Тоська, накажи, чтобы с ними, дьяволами, Сонька на Язу не бегала. Утопнет девка. Мужик прошлый месяц утоп?

– Все вопросы, пап, к Пенкину. Ему поручи. Ой, мамочки, вставать неохота!

– Жорка, ты ей спать много не давай, от этого баба портится, в ней червь заводится. Точить будет.

– Кого, пап?

– Мужика точить будешь, кого. Вставай! Опять мне похлебку варить? Совсем заездили, все, уйду от вас, в сторожа пойду, там зарплата и чаевые.

– Это где ж? – Тося руки за голову закинула, тянется.

– В ресторане, где. – Старик с неодобрением смотрит. – О, потянулась, ишь, того гляди, кобылицей, заржет! Уйду, вот крест, уйду, там мундир дадут с галунами, генералом стану. Вставайте, проклятые, не то водой окачу. Мало в доме двух басурманов и девки несмышленной, еще и эти вывелись.

– И чего кричит, Жорка, чего он кричит-то? Кто в доме хозяин?

– Вот как? – Старик вытарашил глаза. – Забастую, будет вам хозяин-то, Жорка, пихни ее с кровати, чего скалишься? Ровно полтинник нашел, бестолочь...

– Мам, а Паска с Кеской делутся!

– И эта пришла!

Крошечная Сонька протопала, с разбегу за руку Пенкина уцепилась, и в кровать между ними. Тося дочь в ухо чмокнула. Сонька смеется, в калач свернулась.

– Караул, вставать неохота, так и лежала бы!

– Мам, свали кисель сладкий, ага?

– Дед сварит. Все, встаю, а ты лежи, доченька, с отцом лежи, ладно?

Пенкин побледнел, только хотел голову к Тосе повернуть, как она через него прыгнула, и босиком ушлепала в другую комнату. А Старик всей пятерней от затылка до подбородка провел, заморгал, но справился. Крякнул и пошел, дверь прикрыл тихо.

Вскоре оттуда рев Пашкин, Тосин смех и дедово ворчание – все разом.

Пенкин лежал, молча Сонькино личико разглядывал, словно в первый раз увидел,

и веснушки, и ресницы длиннющие, и картошку носа маленького, и все в первый раз. И Соня на него, совсем по-новому, смотрела. Немного испуганно, чуть насмешливо и ласково. И тоже все разом.

Так не бывает? Еще как бывает. В жизни все разом случается, И смерть, и рождение, и радость, и беда – все разом приходит, короткая она, жизнь.

Что Пенкин и Тося зарегистрировались, Старик узнал последним, со злости плюнул, наорал, что они «шпионы, дураки и скрытники». И уволокся куда-то за речку Хапиловку, где у него жил друг, а у него можно было разжиться вином за умеренную плату, тем более, что крепость этого вина, была выше государственного.

Гостей пригласили на субботу.

Алешка Грач на свадьбе больше всех суетился. Броньку умотал. Все со смеху умирали, когда он с ней «мазурку» начал выделывать. Никакой мазуркой там и не пахло. Танец Грач на ходу выдумал. Ногами кренделя выписывает, а лицо каменное, не поймаешь. Это, по его мнению, буржуи в таком танце жизнь свою прожигали.

Бронька пробовала вырваться, чувствуя, как некая пуговка на спине, того гляди, отвалится. Но Грач ее так стиснул, что она только ойкала. Пуговка, наконец, отвалилась, и Бронька, вырвавшись, убежала.

В самом начале свадьбы Грач стакан граненый поднял:

– Тося и Жорка! В победный год решили вы жизнь соединить. Самую красивую женщину Москвы умыкнул – это я ему официально говорю. И выпьем мы за Пашку, Кешку и Соньку, что нашли они себе отца.

Выпил Грач стакан до дна, на свое место сел. Тося ему широко улыбнулась. Пенкин понимающе кивнул. А Старик тоста Грача не понял, обиделся люто, на ухо Нефедову жужжит.

– Старый, чего этот черт плел-то? Детям желает, а про молодых ни слова!

– Брось, про Жорку он говорит, мол, без выпендрежу парень, чего тебе еще? Тоську самой красивой в Москве назвал.

– Слепошарый ты! Это он на Тоську губиши распустил, – Старик отвернулся, посидел немного, застолье оглядел, и взревел жутко. – Горько, не идет, мать – честна! Ну-ка, ты! – Броньку за руку из-за стола ташит, пихает ее в бок, суетится. – Пляши, чего сидишь-то? Горько!

Милиционер Кривин сладко прищурился, взял гармонь, растянул меха...

А Старик, неожиданно для окружающих, рявкнул такую соленую частушку, что все сначала опешили, а потом грохнули со смеху. Прямо покатились, до того смешным оказался испугавшийся собственной выходки, с открытым ртом и выпученными глазами Старик. Он махнул с досадой, и пошел на лестницу курить.

Несчастливая Бронька от Грача руками-ногами отбивалась. Он ее к потолку бросал, и вокруг себя вертел, и на руки поднимал. Плечами дергает и вскачь по комнате, а Бронька вокруг него бабочкой вьется.

Фаечка с милиционером «Рябину» на два голоса петь пытаются. Милиционер Кривин одно и то же выпевает – «...до самого тына» и все... Остальное забыл. А Фаечка на его завывания морщится и дальше песню ведет. Мишка на нее блаженно шурится, то и дело, что-то с плеча снимает, или руку под столом гладит.

Максимовна не нарадуется, Любке Букиной весь бок протолкала, та даже заругалась. Муж ее, Димка, перебрал маленько, на спинку стула откинулся, дремлет, но сквозь сон ли, дрему ли, а улыбается.

А Бронька с Грача глаз не сводит. Тревожно смотрит, немного жалобно. Ее муж, литератор беспутный, на другом конце стола сидит. Его из приличия Грач по поручению Пенкина пригласил, а он возьми, и приди! Рядом с генеральшей Михеевой оказался, пытался ей спяна стихи читать.

Генеральша, дама деликатная, сначала хихикала, а когда вольный боец газетного фронта такое загнул, что даже у нее, к командному фольклору привыкшей, чуть парик с головы не слетел, отсела от литератора.

На другой конец стола перебралась, оттуда весь вечер на Вельского изумленно выглядывала.

Влюбилась Бронька в Грача мучительной и тревожной любовью женщины, обжегшейся семейной жизнью. А выяснилось это случайно, благодаря Вельскому.

Открыл Грач с руками мокрыми и мыльными, холостяцкие постирушки устроил. Открыл дверь, и от удивления отступил назад, чуть на половой тряпке скользкой не упал. Стоит перед ним Иннокентий Вельский, при галстукe, богемная борода расчесана, в руках свертки, из кармана бутылка торчит, горлышко ее газетным свертышем заткнута.

– Можно? – Вельский ногу с форсом отставил.

– Ноги вытирай, а то полы мыл.

– Ноги мы вытрем, ноги – это пустяк! Я их так вытру, что все будет «гутен таг!».

Бормотал Вельский невразумительно, туманно, ногами о половую тряпку долго шаркал, а Грач смотрел изумленно. Сроду у него никаких дел с этим балаболкой быть не могло.

Грач мыльную пену с рук ополоснул, и в комнату. А Вельский закуску на столе разложил, ногу на ногу закинул, сидит – форс показывает. Брезгливо немудреную обстановку в комнате Грача осматривает. И чего ее смотреть-то? Буфет обшарпанный, кровать с тонким матрацем, стол, три стула и книги на подоконнике – все.

– Разговор будет мужской.

Вельский хмурится, богемной бородой дергает. Поднял на Грача глаза, смотрит сурово.

– Ну, так что? – Грачу смешно, еле сдерживается.

– Не перебивать! Слушать внимательно, – Вельский переносицу потер. – Ты, Грач, правительственной наградой отмечен? Человек интеллигентный. Так вот, жена моя, Бронислава, от меня ушла.

– Сбежала, – сочувственно кивнул Грач.

– Чужая семья – потемки, имела несчастье, короче, если доходчиво, в тебя влюбиться, Грач, – с завыванием произнес Вельский, и Грач встревожено вгляделся в него. – Это она мне приватно вчера сказала, и еще сказала, что у вас взаимно. Я ее, Грач, знаю, что в голову вобьет, ничем не вышибешь. Бронислава тонкая женщина, она тебе не ровня, хоть и Герой, наградами увешан, но ты на это не рассчитывай. Я, может, сегодня просто, а завтра кто? Кто я завтра, Грач?

– Кто ты, Кеша?

Ласково спросил Грач, разглядев, что литератор держится на чудовишном волевом усилии. Лыка не вяжет.

– Классик я! Повесть пишу, там правда о войне, вся как есть.

– Не «Сотрясение», случайно? – коротко осведомился Грач.

– Сотрясение в мозгах бывает, а повесть называется «Потрясение».

– Ты, Кеша, больше не пей.

– Мое дело. Ты ей больше глаза не мозоль, понял? Мне без нее нельзя.

Вельский выпил полстакана водки, поморщился, помотал над закуской рукой, вздохнул, и не закусил. Навалившись на стол грудью, приблизил к Грачу измученное, скукоженное лицо.

– Что ты ей дать можешь, а? Страдалица она, ясно, но брошу я, Алеша, пить брошу, я талантливый. Для вас я попугай, попка дурак! А если у этого попки Бронька – все, что в жизни осталось? Приходят такие Герои, и бежит баба, куда глаза глядят. Грач! – Вельский испуганно смотрел Алешке в глаза. – Я тебя убью, Грач, возьму топор и по башке твоей героической тресну, что тогда?

– Тогда, Кеша, посадят тебя. – Подумал Грач и покачал головой. – Нет, расстреляют. Героев убивать нельзя, так что иди домой.

– Отлуплю! – взорвался Вельский. – Я отлуплю тебя, и всю морду побую!

Смешно Грачу, стыдно и грустно. Взял он литератора под локти, в карман недопитую бутылку сунул, в другой сверток с колбасой и повел к двери.

Дальше...

А дальше, как было, Максимовна бывшему боцману Карасеву рассказала.

– ...и бегу, ног не чую! Фаечке молока надо? Хоть и порошковое, все витамин. Дорого, а дочка все ж таки, Ну, вот, бегу, ног не чую. Только из-за угла, а они из подъезда. Тут лунатик разворачивается и Грача по уху хрясть, а потом он его оседлал и давай ему, как свинье, уши накручивать.

– Грачу? – изумился боцман.

– Зачем, Грач ему уши крутил, чтобы протрезвел, лунатик-то. А уж орал, писака-то наш, ну, думаю, стекла повывадают! Я Грача тащить, а он, не смотри, что сухой, здоровый. Все, думаю, отвинтит он ему уши, быть суду.

– Кто ударил первый?

– Говорю тебе, лунатик.

Бойман насмешливо посмотрел на Максимовну, откашлялся.

– Ладно, мне до их дурацких дел дела нет. Замуж пойдешь?

Максимовна виновато улыбнулась. Сидела, потупившись, ботинки свои «фэззушные» рассматривала. Потом тихо так говорит:

– Дети взрослые, Фаечка, может, забеременеет, кому глядеть за ребятишками-то?

Она жалобно, снизу смотрела на Карасева, то и дело поправляла выбивавшуюся из-под платка прядь волос.

– Зря ты так, – Карасев махнул рукой и пошел, у подъезда остановился, оглянулся.

– Ключ там же. Кончай ты эту болягу, Максимовна. Нам не по двадцать, и даже не по тридцать... Чего стыдиться? Украли или долг не отдаем? Дети, они и так, при нас останутся. Ладно, я к сестре, а потом домой.

– А чего у нее, заболела, что ли?

– Племянник вернулся из плена, забрали его. Сестра воет, а чего я могу? Может, проверят и отпустят... – он зашел в подъезд.

Максимовна с сомнением покачала головой.

Грач рядом с Митенькой на скамейку сел, руку почтальону пожал. Митенька Грачу рад, заулыбался, закивал, за плечи его трогает.

– Чего это ты, Митька, как майская роза цветешь?

– У Михеевой чай пил-пил, пил-пил, Митя мог лопнуть.

– С чем чай-то пил, с пирогами?

– С сухариком, потом с пещенюшкой, – ласково протянул Митенька.

– Чай, говоришь? Могла бы еще чем угостить, генеральша твоя, а то с сухариком. И силен, ты, Митька, видно, рубать? Ну, брат, молодец. И есть у меня к тебе одна просьба.

Грач огорченно брови выгоревшие свел, челкой мотнул, на скуластое, худое лицо почтальона покосился.

– Мить, ты мне друг?

– Длуг, как зе, босой длуг. Вот какой! – почтальон руками развел.

– А раз друг, выручай, Митя. Сварил, понимаешь, борщ, а есть некому. Кастрюля целая борща этого. Боюсь, прокиснет, что делать будем, а?

– Беда! – почтальон не на шутку встревожился, к Грачу подвинулся, рот открыл, глазами хлопает. – Мяса есть?

– Не говори, Митька. Здоровушая кость с мозгом. – Грач кулак показал. – Что, брат, делать? Не знаю... Пропадет, прокиснет борщ-то, а ты вот сидишь тут, и другу помочь не можешь.

– Я? – на Митенькином лице отразилась борьба, он чуть не заплакал. – Мамка побьет меня, Глач, она сыбко лугается, када я кусать к людам хозу.

– Не скажем мы ей, Митька. Я – могила. Ну, ты мне друг? Выручай.

– Безым хлебать, Глач, плопадет болш! – Митенька встал решительно.

У Митеньки живот «внутри выпуклый», как говорит Максимовна, но если надо – Митенька в него много чего уместить может, а ради друга – это еще больше. Тем более за Грача. Грач, он кто? «Он гелой всего мила, у него такеенная звезда есть! Он всех влагов убивал-убивал, устал дазе...», – вот так Митенька своим другом в районе хвастался.

Только собрались идти борщ выручать, им навстречу через сквер «каравелла» плывет, форштемнем прямо на утес одинокий – Грача растерянного – правит.

– Лунатик мой бывший у тебя был? Ну и что?

Бронька руки в бока, ноги на ширине плеч, грозно смотрит.

– Ничего.

Грач в глаза ее нырнул, скользнул взглядом по губам, мягким линиям шеи, оробел.

– У нас болш плопадает, ты, Блонька. иди. Безым, Глач! – Митенька влез.

– Ты, Грач, не вздумай ничего в голову брать, поняя? Он болтал, наверное, что я влюблена в тебя, так? Ничего особенного, ясно?

– Совсем? – Грач перепугался.

– А ты, как хотел бы, чтобы не совсем?

– Пойдем мясу есть, ну ее. Она лугается всегда, ну ее, Грач!

Только Броньку знать надо. Бронька на весь свет одна бывает.

– Тоже борща хочу. С мясом. Женщина голодная с работы идет, при ней про борщи разговаривают – это как? Вы что же, от голодной женщины мясо в борше сквалыжить будете? Мужчины или нет, а ну, ведите, где борш выдают!

И пошла.

И они за ней поплелись. Переглядываются два мужика – один растерянно и восхищенно головой качает, другой с обидой, Митенька и сам может с боршом как-нибудь, без помощников управиться.

Митенька вторую тарелку доедает, борш – что надо, так что с него пот градом, бедный почтальон, то и дело, рукавом телогрейки утирается. Хлеб в солонку истово макает, сначала соль языком слизнет, потом хлеб кусает, прожует и – ложка за ложкой! – поехала мельница.

Когда Грач здоровую кость из кастрюли выволок и перед Митенькой на тарелке устроил, у него от восторга слезы выступили. Губы трубочкой сложил, на кость прищурился. Осторожно ее за горло, за то место, откуда толстым розовым шнуром мозг выставился, и – хлоп! Горячий сок течет, Митенька ладонь подставил, на Грача косится, во весь рот улыбается.

У Броньки с Алешкой едва по пять ложек убавилось. Глаза поднять боятся, словно застыли разом. Бронька ложку медленно наклонит, глотнет неслышно, и так же медленно вниз несет.

Грач, словно кол проглотил, слушает столовые звуки, сам не смотрит, очень сосредоточенно капусту в тарелке гоняет.

Не успел Митенька вторую тарелку освободить, с костью справиться, как Бронька ему:

– Господи, ты и не ел ничего! Тарелка пустая, а он сидит.

– Митька, я тебе погуше? Рубай, боец, рубай, пропадет борш, беда.

– Беда... – согласно кивает Митенька, с опаской на новую полную тарелку смотрит, такая напасть свалилась.

Хотел отказаться от третьей, но не додумался. Шмыгнул носом, напрягся, и съел. Встал из-за стола, качается на слабых ногах. Блаженной улыбки, как и не было, вместо нее ухмылка редкой злорадности – не пропал борш. Для верности в кастрюлю заглянул – пусто.

Бронька неверно поняла, так и вскинулась.

– Митенька, не наелся? Хозяин непутевый попался. Давай я тебе из своей тарелки добавлю.

У почтальона вместо скудных слов, то ли хрип, то ли мычанье вышло. С ужасом на Броньку посмотрел, и из комнаты попятился. Хлопнул дверью входной.

Бронька и Грач вдвоем остались.

– Голодный ушел, – вздохнула Бронька.

– Недоглядел, – и Грач вздыхает.

Бронька сидит за столом строгая. Руки перед собой странно положила, ладонями вверх. Грач смотрел на ладони, смотрел, нагнулся и поцеловал одну, а другую свободной рукой накрыл. Другая рука в это время незаметно сердце придерживала – чуть не выскочило, проклятое! Когда на Броньку глаза поднял, то ее глаза, полные слез, ему всю душу перевернули.

– Ты чего? – шепотом.

– Знаешь, Алешка, а мне никто вот так руку не целовал.

– Я еще могу! – уверил Грач растерянно.

– Сядь сюда.

Грач свой стул мгновенно к ее стулу подвинул. Бронька слезами умывается, и не поймешь – то ли смеется, то ли жалобное что-то выговаривает, словно защиты просит.

Шепчет Грачу на ухо, шепчет. Локоть его отпихнула, под руку пролезла, головой ему в подбородок уперлась, сидит там уютно. А как успокоилась немного, то с металлом в голосе сообщила:

– Сегодня перееду. А борш без чеснока не варится. Понял? Надо его с салом истолочь и всыпать. Теперь я пойду. Ты посуду не мой, сиди здесь. Переживай событие,

если сбежишь от невесты, то ненадолго. Ключ можешь не оставлять, я и так замок сломаю. Теперь ты от меня не запрешься.

– Чего ж я запираюсь буду? – удивился Грач.

– Мужики все такие... Тебе, Алешка, повезло, понял? Мужики все одинаковые, а я одна.

Встала Бронька быстро, чмокнула Грача куда-то за ухо, и ушла.

Грач недоуменно на дверь смотрит – была или показалось? Пошел к окну, долго бездумно стоял, смотрел, потом на кровать лег и... уснул.

А когда проснулся, первым делом на часы – вскочил в ужасе. Три часа проспал, а ее все нет! Вот в этот момент и звонок тренькнул...

Перешла Бронька к Грачу в одном, платьишке и в босоножках.

Документы в руке держала. Грач ее за плечи взял, в губы поцеловал, потом ногой дверь в комнату пихнул, и жестом широким, мол, живи, владей, властвуй! Бронька босоножки скинула, по комнате зашлепала.

– А грязыша-то, мама родная! Значит, так, Алешка, у меня в жизни ничего не было, понял? Я вещи ему все отнесла, мне ничего не надо. И брать от него ничего не буду. Деньги у меня есть, это еще от мамы, куплю. Вот, какая есть, принимай. Босая девочка, раздетая, шуб, колец, колье разных – нуль. Принимаешь?

Грач улыбается растерянно и счастливо, курит.

– Улыбочки мне твои «до лампочки». Я это платье сама сшила, и материал сама покупала! Босоножки чужие, а документы государство выдало. Если ты мне в женитьбе откажешь, наплевать. Главное, запомни, я есть, я вот она, а там и трава не расти. Где тряпка? Вставай, показывай, потом можешь сидеть барином и курить. Я пришла.

Ночью она близко-близко к его лицу свое бледное лицо придвинула, дух перевела, зрачки с сумасшедшинкой так близко оказались, что в один кружок слились, и горько зашептала:

– Где ты был? Где же ты шлялся столько лет, засуха моя ненаглядная? Где тебя черти носили, окаянного, сколько ждала.

– Ты чего, Бронь?

– Худуший, изрезанный, психованный, прямо ужас какой-то.

– Ну и брось!

И повелела Бронька:

– Чтоб мне был ребенок. И только сын.

Грач захохотал, ногами от восторга задрыгал в воздухе.

– Если ты, блатняжка несчастный, герой мой фасонный, если ты мне ребенка не состряпаешь – из дому выгоню.

– Другая подберет.

И захохал Грач не на шутку – это его Бронька, сначала за косую челку трепанула, потом укусила пребольно. Мало показалось, так за обе щеки уцепилась, и ну трепать из стороны в сторону:

– Помни, Грач проклятуший, что есть я твоя судьба отныне и на веки вечные. И не должен ты никаких мыслей окаянных в своей башке ветреной заводить.

Мишка Рокотов с матерью разругался. А получилось вот что.

Купила Максимовна на толкучке шляпку по случаю. Продавала злосчастную шляпку дебелая накрашенная дама в богатой, но местами потертой шубе.

Максимовна мимо раз пять туда-сюда прошла, краем глаза разглядывая хитро переплетенную, блестящую «чуду», из которой торчало и качалось на ветру длинное перо неизвестной птицы. Очень Максимовне хотелось невестке что-нибудь такое подарить, от чего дворовые бабы, по ее мнению, должны были в обморок упасть.

Особенно перо фиолетовое потрясло, но Максимовна виду не показала, скучающе и безразлично шляпку оглядела. Баба в шубе на нее посмотрела и отвернулась, как видно, решила, что эта плотная, краснолицая тетка не может быть покупателем ее редкости.

Максимовна шляпку повертела, с умным видом золотую наклейку «почитала», про себя чертыхаясь, что на не русском пишут. Спросила сколько стоит. Шуба такое загнула, что Максимовна в столбняке, замерла. Плюнув, пошла к салу, прицениваться, но заморское чудо все стояло перед глазами, особенно перо фиолетовое. И что за птица такая его обронила? Такое и в сказках не бывает.

Максимовна кошелек достала, грозно по сторонам посмотрела, пересчитала деньги – господи, только на перо, а про сало забудь. И вернулась, купила не торгуясь. Домой шла, под собой ног от радости не чуяла.

Мишка из туалета с прочитанной газетой вышел, дверь в комнату открыл, и замер. Стоит его жена посреди комнаты в новом плаще, в ботинках, а на голове... Мишка медленно, с опаской подошел, рассматривает. Фаечка хотела подмигнуть ему, но не успела.

– Это чего? – Мишка в фиолетовое перо пальцем ткнул. – Это чего, говорю? Его носить, что ли, будешь?

– Миш, – Фаечка Максимовне улыбается вымученно, – так праздники будут, по будням такое не наденешь. На демонстрацию или...

– Я те дам на демонстрацию! – заорал Мишка. – Совсем ополоумели, Мамка? Ты купила? Я с ней из дому не выйду!

– Господи, ну не дурак ли? – всплеснула руками Максимовна. – Это ж какаду!

– Кто? – изумился Мишка. – Какаду?

– Птица, паралич тебя изломай! Попугай такой, чтоб ты понимал, деревенщина! Смотри, ирод, гляделки разуй, как она ей идет-то, красовунечка сплошная... Не лапай ручищами, перо сломаешь! В таких какадах генеральши ходят. И стоит-то сколько, страсть!

Тут она цену назвала. И Фаечка с Мишкой в «столбняке» постояли.

– Ну, дела! Мамка, ты б еще одно перо прикупила, мы б его на зад приспособили. Снимай! Какаду эту снимай, матери отдай, пусть с метлой во дворе красуется. Из дому ты не выйдешь, а выйдешь – развожусь.

– Чего? – это Максимовна руки в бока уперла. – Я разведусь, дьявол, пошумлю на жену-то! Много воли взял, кудахчем, а он бароном, сидеть будет? Файка, мы нынче в этой какаде в кино идем, другого найдем, а он пусть дома! Кто тебе, черту конопатому, страшному, велел на жену шуметь? Деньги плочены, все, будем в ней в гости ходить, генерала найдем, а этого взащей выгоним.

– Мамка, ну чего ты мелешь-то? – Мишка растерянно.

– Погляди, ирод, статуэтка, где еще такую девчонку сыщешь? Мы к этой какаде шубу справим и ботиночки. Я еще участок взяла, проживем.

– Вот дает, мать! – усмехнулся Мишка, когда Максимовна вышла.

– Миш! – Фаечка к нему прижалась. – Тошнит меня, и ничего нет, второй месяц...

– Чего не сказала-то? Фай, ты эту, какаду спрячь подальше, ну ее, срамота.

– Может, Броньке отдать? – Фаечка вздохнула. – Ее Алешка из дома выгонит.

– Тяжести не таскай, ага?

– Мать и так ничего не дает делать.

– А она знает?

– Первая и заметила.

– Ну, конспираторы. – Мишка покрутил головой. – Черт с вами, носи какаду, но не дальше подъезда.

Мишка у пожарной лестницы стоит, курит. Дома курить ему запретили, оно лучше, и подышать, и вечер посмотреть можно. Не холодно еще.

Маленький, юркий к подъезду сунулся. Смотрит Мишка, вроде хромой, а шустро идет, в руке сумка, зашел в подъезд, тихо дверь прикрыл.

Стоит Мишка в углублении – нише, за пожарной лестницей. Самое его любимое место, не хочешь стоять, сесть можно, для этого и ящик притащил сюда. Выкурил Мишка папиросу, хотел выходить, смотрит, а из подъезда Вадим Петрович идет, с ним этот шустрый, но без сумки.

Мишка остановился, ну его, сердечника-то! Зануда, может про свои болячки час гудеть, не остановишь. В углубление отступил, а они вдоль дома, мимо пожарной лестницы, где Мишка затаился, идут. Разговаривают.

– Не нуди, Файзулла, не нуди! Твое дело маленькое. Документы справные, так что все в порядке будет. Ты, главное, хромай сильнее, не убудет, инвалид домой идет.

– Война уж полгода, как нет ее, – буркнул Файзулла.

– Ты мне камешки принеси, какие оставил у тебя.

– Нет, Петрович, я принесу, а ты и того... Смоешься с камнями-то! Их не на сотни

тысяч, их на больше будет, так что, Петрович, вместе уходить будем. А камни при мне, они от тебя никуда не денутся. На границе получишь.

Тут у Мишки челюсть отвисла, сердечник так хромого об стенку стукнул, что у того фуражка упала. Прижал его, как раз, не доходя двух шагов до лестницы, и слова сквозь зубы выговаривает:

– Ты, гнида, меня не тревожь, за своей хромой душой следи, чтобы не выскочила! А камни мне завтра принесешь, в это же время. Ночью уйдем, и торго у нас с тобой не будет, понял? Это моя доля, и дал я ее тебе, потому что так надо было. У меня Танька везде роется, ей про это знать ни к чему. Золото – плевать, а про камни ей лишнее. Чтобы все сорок пять капелек на месте были. Иначе умрешь, Файзулла, нехорошо умрешь.

– Отпусти горло! – хромым хрипит.

– Продуктами мою попадью затаришь, ей голодать ни к чему. Моим горбом, моим умом жили, твари, так что не рядись со мной, тля!

– Хватит, Петрович...

– То-то. Ну, пошли, смотри, попадьё ни звука, что уходим, просто на ночь по делу и все. Плохое чую, меня нюх никогда не подводил.

Прошли они мимо притаившегося Мишки, и за угол свернули. Он озадаченно шею потер, на освещенные окна дома посмотрел, и на рысках к Грачу, за рукав рубашки его на лестницу вытянул.

Удивленная Бронька, было, сунулась к ним, так Мишка на нее цыкнул, она и убралась, ругаясь втихомолку, какие могут быть дела, на ночь глядя?

– Ошалел?

Грач рукав высвободил, хмурится, растрепанного Мишку оглядывает.

– Этот, сердечник-то, с хромым бежать собрались, про границу трепались! – Мишка дух перевел. – И никакой он не сердечник, хромого об стенку шваркнул, я думал, пришибет на месте. Еще про золото и камни разговаривали...

– Погоди, можешь не тарыхтеть? Давай по порядку.

Мишка обстоятельно, не торопясь, рассказал про разговор, невольным свидетелем которого стал, стоя за пожарной лестницей. Грач слушал, остро всматриваясь в Мишку, прикуривал вторую папиросу.

Из двери уже трижды выглядывала Бронька, недовольная «секретами», звала зайти, но мужики от нее отмахивались.

– Заявить надо бы, а? – Мишка вопросительно смотрит.

Грач долго думал, потом покачал головой.

– Брать их надо, завтра, как хромым придет, пропустить его в подъезд, потом на выходе брать обоих.

– Стволы у них, голову даю на отсечение, Алешка, мы с голыми руками!

– Перестань, – поморщился Грач. – Хромым да дохлый, кого бояться? В милицию сообщим, так неизвестно, чего они придумают. Или вспугнут. А эти, по всему видать, крупные караси! Ты хромого придержишь, я с сердечником разберусь, у меня к нему давно губа не равнодушна. Давай, Мишка, спать, с утра подробнее прикинем. Мне на работу завтра не идти, к тебе пораньше загляну, поговорим. До завтра они никуда не денутся.

Двое из подъезда тихо вышли, Грач головой покрутил – ну, конспираторы! От стены дома отошел немного, вздохнул и на пути у этих двоих оказался.

– Кто?

Вадим Петрович резко назад отпрянул, пригнулся, но, узнав Грача, спохватился, выпрямился. Хромым недвижим остался, но Грач очень ясно с его стороны шелчок услышал. Сзади Мишкина фигура выросла.

– Здорово, полуночники! – Грач улыбается. – Ты не так хил, браток, а?

Вадим Петрович на Грача глаза прищурил, потом оглянулся неторопливо. Хромым в тень дома перешагнул, со спины у Грача оказался, тот его угрюмый взгляд кожей чувствует.

– Куда, ребята, намылились, с мешком, с чемоданом... Мы вас минут тридцать дожидаемся. Так чего ты, Вадик, про камешки и золото тут болтал, шутил, может?

Грач говорит, сам дыхание хромого чутко слушает, ловит его и правую ногу расслабляет. Свой солдатский маневр опаленным войной нутром намертво впитал. На

Мишку мельком глянул – молодец, как раз на два шага от хромого оказался. И сердечник рядышком... Эх, хоть бы пугач какой, эти дьяволы не один ствол в карманах припасли. Ну, солдатский Бог вывезет.

– Про что ты, Леша? – Крючков ласково. – На рыбалку мы. «Камешки», говорит...

Вадим Петрович засмеялся, руками развел.

– Ты, гад, руками не маши! – Мишка не выдержал. – Я вот тут стоял, слышал, как ты про золото и продукты шипел! В двух шагах от меня...

Вадим Петрович задумчиво посмотрел на углубление за пожарной лестницей, на Мишку, потер ладонью подбородок.

– Подслушивать нехорошо, значит, там стоял? Это меняет дело, мужики, в корне меняет. Ну-ну...

– Я тебе понукаю!

Мишка шагнул вперед, но Грач его жестом остановил.

– Напарника ты себе горячего взял, Леша. Большой у вас ко мне интерес появился. Просто так не разоидемся, я так понимаю, товариш Герой Советского Союза?

Грач ловил малейшее движение Вадима Петровича, ощущая то странное состояние веселости, что приходило в мгновения настоящей опасности.

– Чего нам расходиться-то? Мишка рассказал, как ты этого об стену стучал, я думал в живых тебя не застать, а ты крепкий. Ну-ка, из-за спины выйди, у меня нервы по лагерям расшатаны, свободно могу ноги тебе из спины выдернуть! – рявкнул Грач на хромого.

Файзулла, руки в карманы, исподлобья смотрит, у ног чемодан стоит. Крючков хмыляется.

– Грач, если наградные и зарплаты сложить, половины не выйдет, сколько я дать могу. Так ведь не возьмешь?

– Не возьму, – вздохнул Грач. – В милицию пойдем, если пустяк, извинюсь. Только чую, не пустяк все это.

– Правильно чувствуешь, – Вадим Петрович лямку мешка с плеча сдернул.

– Ну, пошли?

– Нет, Алешка, не пойду я, – Вадим Петрович скорбно, – нельзя мне идти.

– Стрелять будете? – Чувствует Грач знакомый зуд в ладонях.

– Стрелять что, попасть бы. Мне всегда, Алешка, трудно было в жизни не опоздать!

И везде опаздывал, везде, что ни возьми.

Только зарождалось движение руки у хромого, только начинал он разворачивать плечо, чтобы выбросить вперед заготовленное оружие, как заработала «на прорыв» отлаженная нервная система бывшего подрывника и разведчика Алешки Грача.

Точно и ясно уловил он миг зарождающейся опасности.

Ударил сапогом, согнулся пополам хромой, застонал от боли, рухнул ничком. Грач резко развернулся и покатился на землю, сбитый разлетевшимся Мишкой, увернулся от него Вадим Петрович.

Вскочил, а хромой пистолет поднимает. Упал Грач на одно колено, другой ногой, с разворотом, по руке, и, не давая опомниться, навалился, руку за спину рванул, так что завизжал хромой. Только тогда поднял голову и увидел – мелькнула за угол ночным нетопырем фигура сердечника.

– Я его! – Мишка следом побежал, пиджак на ходу скидывает.

Грач пистолет подобрал, на стонущего хромого посмотрел. Видно, сильно он ему руку завернул, держится за плечо, стонет жалобно.

Со стороны сквера гулкой выстрел хлестанул, рванулся Грач, на хромого оглянулся и остановился, со злобой:

– Вставай, гнида тыловая, нечего корчить рожи, быстро!

Причитая, распрямился хромой, со страхом смертным на Алешку глазами посверкивает. А Грач к нему, по карманам руками – хлоп, нож из бокового кармана выташил. Хороший нож, рукоять из самолетного «стекла» прозрачного.

– Вооружился, тварь. Вперед! Руки за спину, побежишь, как собаку из твоего же ствола грохну! И кости переломаяю, чтоб неповадно было ножиками баловаться.

Повел его сквером к мосту, оглядывается, не видать ли Мишки? За сквером тупик, в заборе дыра, через нее к мосту кратчайший путь, а за мостом милиция.

У моста хромой дернулся, но Грач его левой рукой за шею придержал, правой, где пистолет зажат, так рукоятью под ребро саданул, что заскулил хромой в голос, глянул на Грача и смолк, со страху на здоровую ногу припадать начал.

– Мы этого в КПЗ, я на Петровку позвонил, оттуда едут, – дежурный лейтенант от волнения заикается. Будут указания?

– Какие указания, – отмахнулся Грач, – Мишка там где-то, мне бы сердечника, вырубить, получилось наоборот. Ну, Мишка не оплошает, думаю.

Милиционер с сомнением качал головой, стал наливать в кружки чай. Ту кружку, которая больше, поставил перед Грачом.

– Чайку, погрейтесь.

Мишка в это время полз по заваленному мусором двору фабрики мягкой игрушки, куда завела его ночная погоня. Полз, зажимая горячую рану на груди, как раз посредине. Отплевывался кровянистыми пузырями, хрипел и кашлял...

– Кто, а, чего? Стрелять буду!

Фигура в чудном плаще коробом перед ним выросла, в руках не то палка, не то ружье. Ветхий дед с опаской наклонился, трех сдвинул, прислушивается, а Мишка хочет громко говорить, вместо этого хрип получается.

– Ты чего ползешь, пьяный? Кто шумел, стрелял-то, кто?

Мишка силы собрал, на локоть приподнялся.

– Милицию... Давай, дед, тут он, тут!

Приговаривая и причитая, дед утрусил в темноту, повторять не понадобилось.

Мишка лег на левый бок, прижимая ладонь к ране, чувствуя, как вместе с кровью, покидают его последние силы.

Спасли Грач с Мишкой жизнь хромому. Вышел из дома Вадим Петрович с пустым мешком... И никуда он не собирался в эту ночь бежать, а проводил бы Файзулу до Хапиловского спуска, и нож ему под лопатку. Пояс с бриллиантами снять – это дело пяти минут.

Но не так все получилось, пояс на хромом остался.

К подъезду дома он с пистолетом в руке выскочил. Рискнул по сторонам глазами: «Так... Не успели ментам прозвонить, живем, это хорошо, что не успели. Как успеть, минут десять всего прошло-то! Может, в квартире ждут? Нет, время есть. Мало, но есть!»

Прыжками по лестнице, кнопку звонка утопил трижды, как условлено. Открывшую Татьяну отпихнул и в комнату. Смотрит попадья, как он деньги в вешевой мешок пихает, ничего не поймет.

– Ты куда?

Вадим Петрович из-под шкафа коробку вытянул, на стол опрокинул, руки расставил – желтые монетки так и покатались. Он их в кучку сгреб, в носовой платок – не помешаются, другой взял со стула, завернул, и тяжелые свертыши в карманы.

«Время, господи, время! Ладно, перед смертью не надыйшишься! И уходить с музыкой буду, если что...» – пистолет в боковой карман, другой за ремень под пиджак. Три кругляша – гранаты...

– Вадька, а мне куда?

Татьяна горой на кровати сидит. Крючков летучей мышью по комнате мечется, за ним ночные тени шарахаются. Кое-что из харчей быстро в мешок покидал, завязывает.

– Ничего, Татуська, найду тебя при случае.

– Все врешь, Вадька, на вовсе уходишь, больше не свидимся.

– Только без скулежу, – Вадим Петрович второй свитер одевает, – вас по свету пруд – пруди, нахлебался, хватит!

– Я тебе шкатулку от отца Таисия отдам, – Татьяна в пол смотрит.

– Вон как? – Крючков замер, потом у виска пальцем покрутил. – Прорезалась, тумба правоверная? Сколько клянчил – нет, не дам, а теперь мне не надо, поняла? На мой век хватит, таких дур, как ты, воз найду.

– Не найдешь, – Татьяна глаза холодные подняла. – У тебя, Вадька, сердце справа.

Вадим Петрович к столу присел, обойму из пистолета вышелкнул, патроны проверяет. Обрато вставил, из кармана документы достал, смотрит бегло, торопится.

– Ладно. Прощай, Вадька, подлый кот и вор. Пусть земля тебя из чрева своего исторгнет, осиновым колом в твою сердечную неправильность вопьется.

Татьяна медленно слова выговаривает. Вадим Петрович не слушает – последнюю бумажку в бумажник укладывает.

– Вадька, давай навечно поцелуемся?

– Напоследок, что ли?

Вадим Петрович усмехнулся, со стула привстал, Татьяну в губы чмокнул, по плечу похлопал.

– На дорожку посидим.

Попадья губы утерла рукой громадной, к Вадиму Петровичу со спины подкралась...

Умирал он медленно, страшные Татьянины руки на шее никак плотно сомкнуться не могли, пальцы мешали... Но сомкнулись.

В последний миг перед ним котенок избитый возник, потом лицо сына Туманкова мелькнуло и пропало, и опять котенок. Шипит, спину дугой выгнул, зеленые глаза в шель сошлись. Долго угасающее сознание эти два зеленых фонарика из темноты вылавливало, мигнули они в последний раз, и пропали.

Татьяна тело на кровать перенесла, руки крестом сложила, простыней укрыла.

Из мешка деньги вытряхнув, на столе горкой собрала. Из кладовой гору меха дорогого, отрезы и картины старые приташила, все это на столе и стульях уместила. Вспомнила про золото в карманах у Крючкова, его достала, к столу не пошла, а небрежно из платков на пол вытряхнула – звонко кругляшки покатались.

Грохот тишины взорвал – упала входная дверь вышибленная, трое с пистолетами в комнату влетели! Татьяна не шевелилась.

Вшедшие удивились, слишком все чудно – баба слоноподобная, труп на постели, золото на полу рассыпанное... Пригласили понятых, те, заикаясь, опознали Крючкова и его сожительницу. Тарашили глаза на ценности невиданные, переглядывались.

Попробовали Татьяне вопросы задавать – ничего не вышло. Смотрит пристально, молчит и на все головой кивает, мол, так, люди хорошие, что скажете – все так! В машине голосить стала, всю свою любовь животную, всю горечь-скорбь по «Вадьке убиенному» поведала.

Молчали оперативники, придавленные могучей глыбой невиданного чувства.

Один, правда, попробовал объяснить ей, мол, вор-убийца-грабитель был Крючков ее, но другой в бок толкнул, он замолчал.

В камере Татьяна пять часов из угла в угол проходила.

Села на табуретку привинченную, стала тихо и жарко сама с собой разговаривать. То попа зовет, то Вадьку. Приглашенный врач руками развел, велел везти в больницу.

К вечеру ей совсем плохо стало, температура за сорок. Безумным взором палату обвела и глубоким басом сообщила:

– Нет шкатулки. Вадька, отца Таисия не тронь, он добрый, и не ревнуй.

Выдохнула воздух из груди необъятной, за спинку кровати, прутья железные, взялась и умерла.

Дежурный санитар и медсестра долго ее окоченевшие пальцы разжать не могли.

В следственной камере выл хромой Файзулла, стоял на четвереньках, дрожал всем телом и выл на дверь. И не в «болезнь» играл, а просто ноги его со страху не держали.

Мотал головой лохматой, слюни пускал и выл.

Мерещилось Файзулле страшное. Пробовал руку грызть, но боль отрезвила. Замер, и до самого суда, два месяца молча в камере сидел, на стену смотрел сошуренными глазами, хрустел суставами.

Дал судья последнее слово. Встал Файзулла, грязным пальцем по губам провел:

– К расстрелу меня... Короче, от «вышки» не уйти, но я не к тому. Спасибо, что расстреляете, если бы срок дали, я б удавился.

И заорал людям в зале, потрясенным его смертной веселостью.

– Сурки голопузы, коровки божьи! Я скоро червяком накроюсь, а вы-то, чего? И вы там будете, что, нет? С ума сошел, думаете, да? Сдохнете, сдохнете, как по нотам все будет. И ты сдохнешь.

В судью пальцем ткнул, засмеялся и сел.

После приговора, когда уводили, зал со страхом ему вслед глядел....

Он оказался в колоде.

И колодец был странный – вверху сужался, оттуда бил ослепляющий свет, а книзу расширялся, стены темнели мрачно и страшно. Внизу стояла такая густая темнота, что кружилась голова, и сердце дрожало мелко и быстро...

Мишка бесплотно парил между светом и мраком, не зная, куда кинуть неощутимое тело. Потом наступило «прозрение», он увидел себя сверху – голое, неподвижное тело лежало на столе, глаза открыты. Он раздвоился – одно зрение показывало, что над ним потолок, вокруг тени в халатах, другое зрение видело белые шапочки сверху.

Потом появилась еще тень. Мишка почувствовал к ней доверие и чувство сопричастности. Странная истома овладела Мишкой, он потянулся к этой огромной тени, от нее исходило спасение.

Приятный низкий голос произнес: «Напрямую... большая кровопотеря, адреналин в сердце...» В Мишкино сердце ударила пронизывающая боль, но он обрадовался ей, потому что эта боль была ему во благо.

Невыразимо прекрасное лицо вынырнуло из мрака, звало его нежно и страстно – от этого Мишке стало жутко.

Свет бил в зрачки, он стал ощущать, как они суживаются, и свет начинает растекаться по его безвольному телу, наполняя теплотой и радостью. И Мишка поплыл к нему, уходя все дальше и дальше от этого прекрасного, но страшного лица.

«...выкарабкался... силен мужик... Ну и ну...» – произнес голос.

Мишка злорадно улыбнулся.

Очнулся ночью, повел глазами. Горел ночник над дверью, у кровати на стуле дремала мать, свесив голову в косынке, уронив на колени руки.

Мишка улыбнулся, попытался облизать губы, но только поводит сухим языком по ним, и негромко пришелкнул. Но этого оказалось достаточно. Максимовна тут же подняла голову, всмотрелась в его лицо, испуганно расширив глаза:

– Чего ты? Батюшки, пришел в себя-то?

– Попить, мамка...

– Молчи, молчи! – заплакала Максимовна. – погоди, Бронька клюквы дала, тут она, на-ка, сын, на-ка! Только не шевелись! Сама поднесу.

Она попоила его из поильника с отбитым носиком, обтерла испарину со лба своей горячей, сухой рукой.

– Чего у меня? – Мишка трудно шевелил языком.

– Стрельнул тебя враг, чего! Чуток левее и все, какую-то «аорту» тебе тронул, чуть не перебил, коснулся только. Что ж ты с нами делаешь, Фаечка почернела, господи, смотреть страшно. Ох, Минька, был ты непутя – беспутная, так и остался. Кой черт тебя за ним погнал-то? Из милиции, ругал вас с Алешкой, почему их не вызвали?

– Поймали?

– Поймали, – Максимовна, отвернувшись, стала в тумбочке копошиться.

– Кого поймали?

– Что орешь-то? – перепугалась Максимовна. – Тебе нельзя говорить, врачи сказывали! Молчи, сама скажу, остынь... Нет его, врага-то, баба придушила, что жила с ним, страшное дело!

– Нормально.... Спать хочу.

– Поспи, а то сколь крови вытекло! Спасибо, кочегар знакомый тут оказался, свою кровь дал. Спи.

Мишка повернул голову к стене и уснул. Максимовна все шептала про себя, жаловалась кому-то о своем, сокровенном.

И плакала.

Митенька-почтальон на углу дома стоит, сумку на землю бросил, навзрыд плачет-заливается. Пенкин увидел, подошел.

– Побил кто?

– Бумазка Нефедову опять! – Митеньку трясет всего. – Молоток будет кидать!

Пенкин историю, как Нефедов в почтальона молоток кинул за похоронку, наизусть знает. Вздохнул, по плечу убогого погладил, тот из сумки письмо тянет, протягивает, смотри – «Беда!»

– На, ты отнеси, он с тобой не будет драться, ты вон какой большой.

– Погоди! – Пенкин обратный адрес смотрит. – Тут подпись «Нефедова Полина!». Митька, беги, он тебе за это письмо мешок пряников во все карманы рассует!
– Лупить меня будет, у меня головка слабая.
– Уж это, куда деваться, а письмо неси, тут и адрес обратный, гляди. Он этого письма, знаешь, сколько ждет? Неси, хуже не будет.

Нефедов почтальона увидел, страшно побледнел, за косяк дверной руками ухватился, стоит – ни жив, ни мертв.

– Цево? Холосое письмо, мне дядя Пенкин сказал. Длаться будес, да? Ты пахой, я тебе не лублю.

Митенька письмо на порог кинул, подальше на лестницу отбежал, прижался к стене, сумку перед собой держит, заслоняется. Нефедов нагнулся, письмо поднял, сослепу его и так, и эдак вертел, очки с затылка передвинул, распечатал и...

Захлебнулся счастливыми слезами, заиграл морщинами глубокими, Митеньку рукой манит:

– Иди, золотой мой, иди сюда-то, от дочки, от Полюшки письмо, из госпиталя, с Урала! Жива она, Митюшка, почтальон ты мой золотой. Женя, Евгения Семеновна, иди, старая, пляши, от Полюшки письмо!

Митенька за ним робко в дверь прошел, стоит в коридоре.

– Мать, чайку ему подлей.

Нефедов лаской плавится, морщинами играет, слезу нечаянную с глаз смаргивает.

– Конфету бери, ешь. Довоенные, Полюшке берег, пяток и осталось. Ешь, милый, с хлебом, тебе сальца бы, отошал.

– Ключков салу ел, и колбаску, а Мите не дал. Он пахой, мамка говолит, Его тетя Таня плидусыла. Он насовсем умел?

– Умер, Митюшка, Крючков. Оттуда не ворочаются. Ну и тварь был, и банк, сказывали, он грабил. Мишке в грудь стрельнул... Натворил дел, сердечник! Пей, что это ты, чего замер, рот разинул?

– Я бумазку одну закопал, плинесу, ты погоди! Ты мне исо конфету дас, да?

Выскочил почтальон из-за стола, минут через десять вернулся, в руке жестянка, испачканная землей. Отогнул крышку ржавую, камешки на стол посыпались, из-под них истлевшую бумагу тянет...

Нефедов с трудом, но разобрал бумагу. Задумчиво на плачущую жену смотрит:

– Убогий, а как выдумал! Закопал, значит, а я, Митька, отдай ты ее мне вовремя, вполне мог копыта откинуть.

– У тебя конфетка есть?

– Найдем, Женя, принеси тот свитер, что в прошлом году вязала, молчи, ему память будет. За письма до самой смерти по кульку пряников в неделю должен, не жалей, старая, в гроб в нем меня не положишь.

Одели на Митеньку красивый серый свитер. Немного великоват, но это не мал, Нефедов довольный остался, обошел вокруг Митьки несколько раз, где поддернул, где поправил. Почтальон сразу целоваться полез, три раза старику шеку обмусолил.

– Молотком не будес? Бить не будес? И свител не отнимес?

– Носи, золотко, носи. А молотки кончились.

– Я тогда испузался, меня мамка побила сильно. Я за денюски лаботаю, да? И холосые бумазки, и пахие совсем... Всякие.

– «Лаботай», милый, «лаботай». Спасибо тебе.

Проводили Митеньку Нефедовы, сели дорогое письмо читать. С начала и с конца, и отрывками выхватывали, пока наизусть не выучили.

Решено было, что поедет мать на Урал к дочери, в госпиталь, а за это время Нефедов будет потихоньку квартиру в порядок приводить.

Лежал Мишка в палате, улыбался, заклеенную марлей грудь ошупывал. Не заметил, как задремал, а там и Фаечка пришла. Веселая, и такая красивая, что Мишка чуть не прослезился, на нее глядя. Вот до чего человека болезнь довести может, слезы близко-близко.

Фаечка его с ложки супом кормила, потом убиралась. Крошки с постели стряхнула, на тумбочке прибралась. Мишка за ней глазами водит, до того ему хорошо, что слов нет.

Правда, боль в груди, тупая и ноющая, но Мишка притерпелся, внимания не обращает. Договорились с Фаечкой, что в эту ночь никто возле него дежурить не будет.

Ночью спал хорошо. Проснулся часов в пять утра, долго лежал, слушал больничную тишину, настоящую на невнятных столах, скрипах пружин кроватей, шарканье тапочек дежурных врачей и сестер. Пить захотел, протянул руку за поильником...

Изогнулась палата, поехали ее углы в разные стороны, свело их в круг непонятный.

Пали бесшумно стены, сверкал тусклый ночник в хороводе кругов туманных и погибал мир в жутком беззвучном разломе!

Приподнялся Мишка на локтях, заскреб пальцами простынь, выгнулся и умер.

Тихо лежал до утреннего прихода сестры с градусником. Тонкая струйка крови изо рта высохнуть успела.

Не выдержала задетая пулей аорта, выплеснула кровь, могучим сердцем гонимую, прямо в легкое. Лежал Мишка белый, как бумага, с открытыми глазами, что двумя окнами удивленно в мир распахнулись, постигая его жестокость, его краски, его доброту и веру...

Словно ушел некто из квартиры навсегда, а перед уходом окна раскрыл, чтобы выдул ледяной ветер нажитое тепло. Для чего? Гонял сквозняк обрывки обоев, трепал забытую занавеску холодным ветром одиночества.

Увезли Мишку в маленький домик на кафель, лежал один, в ту ночь больше никого в морг не приносили, и было нелепо видеть его большое и неподвижное тело среди шкафов, тазиков и немудреного, сурового инвентаря скорбного домика.

Ноябрь расплюшил нос о стекло, мы встретились с ним взглядами. У него были большие глаза бездомной собаки, заискивающие и тоскливые.

Учитель удивленно поднял на меня голову, потом перевернул лист, осмотрел его белую и чистую обратную сторону, прищурил потемневшие глаза.

– Ты зачем его убил дважды?

– Так надо.

– Мишку принесли домой мертвого! Во дворе фабрики, его убил Крючков, а ты заставил его доползти... Дал нам надежду с операцией, зачем оставил ему эти дни в больнице? Ты жесток, мальчик, это слишком, даже для правды. Читая про палату, я радовался, Мишка жив, значит, ты понял главное, почему такие люди, как он, догоняют преступников.... И потом с почтальоном, почему он остался жив? Это он вышел в тот вечер на улицу и помешал ребятам схватить Крючкова и Файзуллу? В почтальона выстрелил Крючков, в первого выстрелил! Несправедливо, оставляешь на земле калеку, и кладешь в нее здорового, сильного парня.

– Они живут вне меня, сами распоряжаются своими судьбами, сами выбирают – оставаться в повествовании или нет.

Учитель повернулся к окну, на стене появился профиль – замученная старостью птица сидела неподвижно и скорбно, горбатый нос почти касался подбородка, плечи-крылья поднимались высоко, прикрыв худую шею...

– Не пиши про Мишкины похороны, не надо. Это было так нелепо, страшно и больно, что пересказа не получится, уверен. Сползти на мелодраму ничего не стоит, не пиши.

Из-за угла живот страшный выплывал, потом вся Бронька показывалась.

Само величие. Волосы тяжелым пучком на затылке собраны, лицо белое, спокойное, а глаза! Надо видеть, как смотрела она на окружающий мир, исполненная материнского торжества и удивления, мол, что вы там копошитесь? Суетитесь, бедные...

Что ваши заботы в сравнении с моими завыками? Видите, какая я? То ли еще будет, попробуйте сказать, что я некрасивая!

Разговаривает медленно, длинными ресницами хлоп-хлоп, полные губы в усмешке изогнуты, ноздрями вздрагивает – запахи одолели. Особенно одеколоны терпеть не могла.

Грача извели разговорами, не иначе, как Бронька тройню замыслила! Он сначала отшучивался, потом притих, с опаской стал на огромный живот поглядывать. Но и с этим возможным вариантом смирился – тройня? Давай, и мы не лыком шиты.

Ночью тихо жене на живот руку положит, шевеления ловит, улыбается. Бронька делает вид, что спит, сама от удовольствия краснеет.

– Алешка, где ты?

Бронька на машинке что-то маленькое строчит, от усердия язык высунула. Грач на кухне с утюгом возится, чертыхается, никак ручку привинтить не может.

– Ну?

– Алешка, совсем каблучки оторви на туфлях, а то все ноги поломала.

– Ладно.

Задумался Алешка, папиросу достал, только спичку к ней, а из комнаты:

– Марш на лестницу!

Усмехнулся, встал покорно, на лестницу пошел, ему вслед:

– Думаешь, не вижу? Шинель накинь, кашляешь, новое пальто не тронь, нечего обтираться.

Стоит на лестнице, курит. У новых соседней внизу гулянка – шум, что-то грохает, голоса слышны.

«Ругаются?» – Грач лениво думает.

– Алешка! – в квартире Бронька вскрикнула.

Грач дверь сданул, одним прыжком в комнату, а Бронька белее бумаги, за живот держится, глаза безумные.

– Ша рожу!

Алешка руки растопырил, ничего не соображает, топчется бестолково.

– Беги за врачихой, ой, мамочки!

– Бронька, погоди рожать, я мигом! Сиди, слышишь, никуда отсюда, погоди!

Вслед запоздало:

– Шинель-то? Ой, мамочки...

Как до роддома они с врачом из седьмой квартиры Броньку довели, этого Алешка и через много лет вспомнить не мог. Сдал жену врачам, час вокруг здания круги описывал, пытался в окна заглянуть. Напротив роддома, на скамейке, еще два часа сидел, чуть не уснул, с досадой домой пошел, ничего не высмотрел.

А Броньку, как привели, посадили на стул, попросили подождать, мол, сейчас врач придет. Действительно, приходит врач, старичок розовый, улыбается...

– Рожая я, – Бронька ему.

– На здоровье, первые роды? Красивая, приятная мамаша, главное, не боитесь. Вам поздновато немного, по возрасту, но это ничего, посидите, без нас не родите.

– Рожая!

Бронька ему вслед, но врач только улыбнулся приятно и пошел к двери.

Тут нянька заходит старая, Бронька ей:

– Рожу я, тетечка!

Нянька губы поджала.

– Врачу вианей, а вас миллион, сказал, жди, значит, не рыпайся. Все по порядку будет, а так не родят, схваток нет.

И пошла, Бронька вслед удивленно посмотрела, но уже не до разговоров стало. Боль низ живота опоясала, не выдержала, со стула встала – еще хуже! Попробовала шаг сделать к кушетке, чуть не упала, так голова закружилась.

Села на корточки, в мозгу одно бьется: «Только бы не упасть! Ой, мамочки!» Крик рвался из горла, но Бронька зубы сжала, замычала глухо, руками под собой шупает.

Родила. Прямо в подставленные руки родила.

Боль такая, что Бронька задохнулась на пределе, чуть сердце не лопнуло, но сдержалась. Как почувствовала под собой мокрое и скользкое, осторожно на кафельный пол легла, приняла сыночка или дочку, не соображая от боли, первым делом стала ребятенку в полу юбки заворачивать. Он басом, басом, господи! Или она?

У Броньки круги разноцветные перед глазами, едва-едва вздохнула, тут врач входит. Ахнул старичок, закричал, тут все забегали, полная комната народу оказалась. Переполох, одним словом.

Когда все кончилось, врач пот со лба отер и руками развел:

– Не ожидал, ни по виду, ни по поведению.

– У меня там еще ребеночка нет? – Бронька устало спрашивает.

– На этот раз двойни не будет.

– А вы посмотрите, доктор, миленький!

Врач брови поднял, улыбнулся, повернулся уходить, но вдруг остановился:

– Дайте-ка, осмотрю, кто вас знает... Ну, слава богу. Везите в палату.
 – А ребенка? – привстала Бронька, оглядывается.
 – Принесут на кормление, – акушерка с неудовольствием оглядывает Броньку. – Лежи спокойно, хватит, наскакалась, весь роддом на ноги подняла. Это надо, на полу родила, господи!

– Не перепутают мальчишку-то?
 – Лежи, кулема.

– Грач есть?

– А?

Грач отчего-то на Жорку Пенкина смотрит испуганно.

– Что стоишь, забирай сына.

– Забирайте, папаша, ребеночка! Осторожно, руки прямой держать надо, вот так. Сейчас мамаша выйдет. Господи, папаша, вниз головой кто несет, ну-ка, дайте сюда!

Старенькая нянька приняла сверток, перевернула, на руки Грачу положила. Грач сверток принял, и пошел... А про Броньку Алешка забыл, она ему вслед смотрит, губы кусает, того и гляди, расплатится. Алешка со свертком идет, ничего не видит, подмышкой цветы приготовленные.

– Грач, а я? – обиженно Бронька, а он не слышит, сына несет.

Потом облился, будто не четыре двести, а все сто килограмм вытягивает. Пенкин на костылях вымахал, ему негромко, но резко что-то сказал, тот на полном скаку, как конь – стоп! И к Броньке.

Всхлипнула с завыванием, от жалости к себе и любви к мужу, когда он ее между ухом и шеей поцеловал.

Всем домом «грачонка» обмывали.

Максимовна с Фаечкой маленького Мишку принесли, тот уже агукает, смеется, кулаки сжимает. Люба Букина с дочкой Наташкой, у той уже и волосы отросли, первый бант завязали.

Пенкины пришли, Тося Жорку под столом пихала, чтоб не пил много, им с утра надо к врачу идти, вот-вот, рожать....

Бронька глаза приоткрыла, смотрит, а Грач на цыпочках к кровати крадется. Наклонился, шепчет что-то. Бронька вся внимание, голову приподняла, вслушивается.

– Спишь? Ну-ну... Качай здоровье. Володькою будешь. Эх ты, солнышка – подсолнушка! Человек, а?

Почесал Алешка голову лохматую, хмыкнул изумленно, выпрямился. Бронька украдкой глаза-щеки утерла.

Грач под нее холодные ноги засунул, скоро засопел, а Бронька «вполглаза» спала. То большого, то маленького слушает.

Большой перевернулся на спину и захрапел, а маленький молчун оказался, первую ночь не покряхтел ни разу.

– Баба с возу долбанулась – подол завернулся, вот кобыла улыбнулась, и мужик проснулся! – Старик бровями шевелит, думает. – Шах, офицера тресну, только пар пойдет. Баба с возу...

– Дурацкая твоя песня! – Нефедов ему с досадой. – Не выпендривайся, раз бьешь, бей, нашелся «Касабланка»...

– Капабланка, – поправил Старик. – Пешку «за фук»? Это не шашки, мил-человек, зачем подставлять-то? Или жертвуешь?

Нефедов с досадой смешал шахматы. Некоторое время сидел молча, не глядя на Старика, потом повернулся:

– Черт паршивый, расставляй сначала, распелся...

– Может, фору дать, туру хочешь? И не надо... Вот кобыла улыбнулась, а мужик проснулся!

Нефедов плюнул со злости, полез за куревом.

– Чего поет, дуболом? Как это «кобыла улыбнулась», где видал?

– Очень даже улыбнулась, прямо душевно. Тебе, чтобы выиграть у меня, надо год в ситцевые тренироваться, понял?

– В «ситцевые»? – с подозрением переспросил Нефедов.

– Нарезать из ситцу фигурок и тренироваться в тряпочные. Вашу королеву мы – трясь, не зевай!

Нефедов посмотрел на доску, поднял багровое лицо и пошел к буфету, на ходу зорко поглядывая – не идет ли дочь или жена? Открыл дверцу, достал графин, обернулся к Туманкову и выразительно причмокнул, тот кивнул.

Содержимое графина уместилось в стакане. Выпили пополам, закусили вареным яйцом.

– Полине протез прислали? – спросил Туманков.

– Прислали, только никак не приспособится. Была левая, а то правая рука, самая деловая. Пойдем во двор?

– Тебе врачи запретили ходить, помрешь, а я чего?

– Раньше тебя не помру, понял? Чекушку там спроворим...

– Ты отпил свое, глянь, синий весь.

– Мне куда, за девками бегать? И синий сойду.

Сидели на сквере, довольно шурились на солнце.

И была это их последняя весна.

В июне умер Старик Туманков, всего неделю попестовал родившегося Кольку Пенкина. Через месяц умер Нефедов, поднял угол шкафа, чтобы подложить фанерку под перекосившуюся дверцу, и упал, не приходя в сознание, умер.

Лежали оба на Преображенском кладбище, недалеко друг от друга. И оградки одинаковые были – Пенкин расстарался.

Если аллежкой пройти, то у забора, третья от мраморного ангела купца «третьей гильдии» Трефильева, могила Мишки Рокотова – пирамида со звездой, а у стариков кресты дубовые.

Бывший боцман Карасев три хромированные дощечки раздобыл, на них именная фамилия исполнить заказал – Нефедову, Туманкову и Рокотову.

Знакомый Максимовны заказ хорошо выполнил, аккуратно. А Грач с Пенкиным привинтили дощечки на кресты и пирамидку.

Боцман Карасев Максимовну долго ждал. Как в деревню уехал, письма от него каждую неделю приходили. Она плакала, но куда от сорванца Мишки денешься? Фаечка учиться пошла, и есть-пить надо, одеваться, на стипендию не разгуляешься, так что, работай, бабка, пока силы есть!

Можно было бы продолжить рассказ, как истаявший от бессонных ночей Пенкин в Литературный институт прорывался, мучился с повестью... Как родила Тося Кольку, потом Аленку, и стало их в доме с ними семеро.

Какая лютая война разгорелась между Володькой Грачом и ребятами с Хапиловки, сколько было пролито крови и материнских слез. Как бегала «топиться» на Язузу Бронька, показалось ей сдуру, что Алешка Грач ходит к Дусе из молочного ларька.

Можно заглянуть к Букиным, где призрачно и ветхо доживали почти столетний век Димкины родители, а сам Димка яростно занимался живописью.

Много можно было бы поведать, только это будет другая книга. Другое время, где летают иные птицы, иные люди провожают их в дальние края.

Осень стучится в окна худыми пальцами. То ли милостыню просит, то ли напоминает, что пора в межоконье вату затыкать, к холодам-ветрам готовиться.

Вот и улетели, курлыкая, далекие птицы моего детства.

Повернул Вожак гордую голову:

– Летим, малыш? В детстве трава шелковой, вода хрустальной! Обопрись крылами на воздух, держись за него, не подведет!

Долго следили глаза за стаей, а когда скрылась она в розовеющем небе, опустилась тишина, и замигали колючие, непостижимые звезды.

Конец

ПОЭЗИЯ

Пахлаван МАХМУД

*Сказать всю суть в словах
немногих рад я*

Рубайи

Более семи веков живет творческое наследие великого хивинца, непобежденного борца-курашиста, одного из виднейших деятелей суфийского ордена «Жавонмардия» Пахлавана Махмуда. От жавонмардийцев требовались физическая сила и выносливость, стремление к знаниям, а также исключительное благородство, подкрепляемое конкретными делами. Пахлаван Махмуд, несомненно, обладал всеми этими качествами, и, вдобавок ко всему, он был гениальным поэтом.

От огромного наследия Пахлавана Махмуда до нас дошло лишь немногим более трехсот рубайи. Но и они, эти рубайи, дают возможность получить яркое представление о чаяниях и духовном поиске наших предков, обо всем том, чем жила та много-страдальная эпоха.

Известный поэт Матназар Абдулхаким, ушедший от нас совсем недавно, осуществил перевод рубайи Пахлавана Махмуда на узбекский язык и готовил их перевод на русский, но не успел закончить работу. Сейчас у читателей нашего журнала есть возможность познакомиться со стихами великого хивинца в завершенном переводе на русский язык.

* * *

Сказать всю суть в словах немногих рад я:
Цените каждый миг, пока мы вместе, братья.
Слетелись чудом мы под счастья крыло,
А разлетимся – трудно вновь собраться.

* * *

Всей нашей жизни смысл мы видим только в том,
Чтоб счастье принести в сердца и каждый дом.
Иди же к нам: комар орлом здесь станет,
И муравей переродится львом.

* * *

Душа, внимая злым, будь очень осторожна:
Ведь все, что вне любви – поддельно или ложно.
Что различит с душой? – одна кончина:
При жизни с ней расстаться невозможно.

* * *

Кому-то этот мир, как будто счастьем мечен,
А кто-то скорбью в нем с лихвою обеспечен.
А мне он кажется могилой ненасытной,
Что дня не проживет без жертвы человеческой.

* * *

Те мусульмане лишь, кому сердца все рады,
В их благочестии сомнения не надо.
Но кто приносит боль – тот еретик –
И пост с молитвой не спасут от ада.

* * *

Ты помнишь ехавшего в Мекку? – он вернулся.
Покинул нас змеей – драконом обернулся.
Не обольщайся, что лицом он к Каабе –
Душой он точно от Аллаха отвернулся.

* * *

Имуший, ты простак в своих мирских делах:
Утрата золота в тебе рождает страх.
А ведь в конце весь скарб – один лишь саван,
И тот достанется ль тебе – решит Аллах.

* * *

В душе моей печаль справляет торжество:
Так много в мире зла – не назовешь всего.
И если кто-то счастлив в этом мире,
То или мир – не мир, иль он не из сего..

* * *

«Что значит жизнь?» – спросил я старца так.
Сказал он: «То свеча и мотылек и мрак».
– Но кто же тот, кто ею мог прельститься?
– Невежда, пьяница, или простой дурак.

* * *

Хоть не верна она – я разлюбить не смог:
Я верю, для меня ее лишь создал Бог.
«Все! Хватит!» – я кричу, но сердце молит:
«Побыть, опять побыть у этих милых ног».

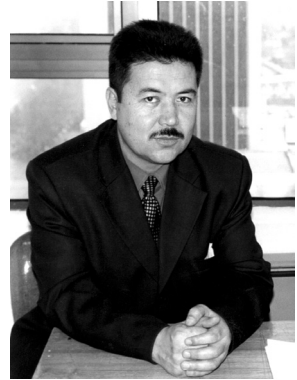
*Перевод с фарси Матназара Абдулхакима и
Николая Ильина*

проза

Абдукаюм ЮЛДАШЕВ

БЛИЗНЕЦЫ

Рассказ

Творческий союз писателей-фантастов Абдукаюма Юлдашева и Владимира Васильева сложился в конце 80-х годов прошлого века, когда в Ташкенте было создано Узбекское отделение всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов. Было переведено на русский язык несколько рассказов Абдукаюма Юлдашева, которые были опубликованы в сборниках, в «Звезде Востока» и в других журналах Узбекистана.

Абдукаюм Юлдашев – один из наиболее талантливых и оригинальных писателей-фантастов Узбекистана. Был в составе редколлегии узбекского фантастического журнала «Сирли олам».

Владимир Васильев – поэт, писатель-фантаст, публицист, член Совета по русской литературе Союза писателей Узбекистана. Публиковал свои произведения в Узбекистане и за рубежом (Россия, Украина, Израиль).

1

«Мозг без мысли, как вода без течения – протухает. Наверное, человек это чувствует и потому интуитивно забывает информацией, чаще всего ненужной. Если заглянуть в память человеческую, то у девяти из десяти она подобна захлапленным кладовым Скупого рыцаря или Гобсека или его восточного коллеги – Коруна, которого поглотила земля за его неумную и неразборчивую алчность...»

Это когда-то сказал я. Точнее, в незапамятные времена написал.

Теперь мне чужда подобная изошренность мышления. Лень. Тем более писать. Мой словарь предельно прост. Я похож на поэта, оставившего горные выси суперметафоричности ради долин простоты. Так бы я выразился в прежние времена, когда глотал без разбора любую печатную продукцию – от газет-однодневок до бессмертных древних фолиантов.

Мне кажется, что с тех пор прошли, промелькнули, смешались с глиной миллионы и миллионы лет, а я – обреченный на бессмертие, потерявший вкус к жизни горбатый старик, и впереди у меня еще миллионы и миллионы однообразных дней, неотличимых друг от друга, как две капли воды. Жизнь иногда кажется мне бесконечным коридором, на стенах которого беспрерывно мигают лампочки: день-ночь, день-ночь. А я иду, иду, иду, и конца не видно... Но и так я подумал бы тогда, а сейчас так бредит смертельно больной, который никак не может умереть.

Я же теперь только усмехаюсь, когда какой-нибудь наивный болван кричит, что жизнь – проточная вода, а время летит, как стрела. Я презирал бы их, если бы не жалел в той степени, на какую еще способен. Они напоминают сумасшедшего, который торчит каменным истуканом у моря, а когда кто-нибудь зачерпнет ведро воды, исходят криком: «Караул!.. Грабят! Вода кончается!..»

Я долго жил.

Я буду жить вечно.

А тогда... Тогда я был сентиментален. Из-за чего ко мне прочно приклеилась кличка «плаксон». При первых же титрах индийских фильмов из глаз моих неудержимо лились слезы, и я сбежал из кинотеатра, не дожидаясь конца фильма, чтобы не дать друзьям возможности поиздеваться над моей заплаканной физиономией. Новеллы с трагическими финалами доводили меня до иступления – я читал их, не замечая смены дня и ночи, я заливал слезами страницу за страницей, а потом заучивал их наизусть. Я был уверен, что подлинная жизнь существует лишь на этих страницах и на экранах кино, а реальность, к которой я прикован цепями судьбы, как Прометей к скале – эта тусклая земля, тусклое небо, тусклые города, тусклые люди – лишь чернотелая тень настоящей жизни, которая почему-то растеряла свои цвета.

Тогда... О, тогда я был добровольным невольником мечты, и она казалась мне столь же материальной, как книга, лежащая на моей ладони. Она притягивала меня к себе, как магнит – железные опилки.

«Я буду жить по-другому, по-другому!» – твердил я, не представляя, как именно, но пребывая в абсолютной уверенности, что буду жить по-другому.

Когда земля купалась в лунном свете, крылатые ангелы шептали мне на ухо нежные слова, и от их горячего дыхания кружилась голова. Ранним утром меня будило не пение птиц, а прикосновение тончайших шелков, влажных от росы... Днем же я спотыкался на ровной дороге – мир расплывался перед моим взором, как стереофильм перед зрителем, потерявшим стереоочки.

Я всегда стремился к одиночеству, желая оставаться единственным невольником и возлюбленным своей мечты. Для меня было невыносимо тяжким испытанием трижды в день садиться к дастархану, чтобы наполнить свой желудок. Меня раздражали застольные беседы, пережевывающие давно пережеванные мелочи жизни. Поэтому когда старший читал благодарственную молитву, я первым восклицал «Аминь! И с превеликим облегчением покидал общество, скрываясь в своем углу, погружаясь в свой таинственный мир.

Грезы легко возносили меня на небеса, а земля казалась лишь временным пристанищем грешных людей. Когда сердце сжимала тоска, когда кинжал ненависти вонзался в душу, меня спасала молитва, состоявшая всего из трех слов: «Завтра будет по-другому...»

А «завтра» почему-то не спешило наступать...

2

Не знаю, Хасан или Хусан, проскрипев кровать, перевернулся на другой бок и застонал, скрежеща зубами. Бедняге, наверное, приснился какой-то кошмар. Хотел было его разбудить и предложить пиалушку холодного чая, но лень... К тому же в полночь в белом халате с растрепанной бородой – спросонья меня вполне можно принять за привидение. Как бы чего не случилось с перепугу. Хватит с них и того страха, которого они натерпелись от меня вчера.

Ох, пацаны несчастные, у самих кожа желтая, как осенний лист, а туда же – пытаетесь надо мной поиздеваться...

Мысли прервались.

Я уже давно не сплю по ночам.

Как обычно, почувствовав внутренний толчок, понял, что пора вставать. Осторожно поднялся со скрипучей кровати. Вышел во двор. Во дворе лежала куча земли. Полмашины. Я ее с вечера размочил. Все, что будет дальше, могу исполнить с закрытыми глазами. Сейчас возьму пудовый кетмень, заверну штанины выше колен, начну месить глину. Я мастер этого дела. Сейчас приготовлю жидкую глину. Она до вечера будет доходить. Как тесто. Если бы из этой глины испечь лепешки – они непременно получились бы сдобными.

Умылся. Зашел в хуждру. Поднял с пола свечу. Хотел поставить ее на подоконник. И вдруг увидел детскую ногу, высунувшуюся из-под одеяла. Пятка что-то мне напомнила. Поднес свечу поближе и осмотрел остальные пятки. Все четыре были совершенно одинаковыми...

Значит... Значит... Теперь я понял, что напомнили мне детские пятки. Нет никаких сомнений – близнецы идут по моим следам. На-след-ники, по-след-ователи...

Глупые наивные пацаны, вы не испугались бы меня вчера вечером, если бы знали, что вы – такие же, как я. Я иду чуть впереди, но конечный путь у нас один... А пока спите в неведении. Пока еще способны спать...

Если бы я попытался подробно описать ваше будущее, вы не поверили бы ни одному моему слову, назвали бы меня сумасшедшим и долго смеялись надо мной. Но вы бессильны что-либо изменить, как уже родившийся ребенок, как камень, летящий в пропасть. Вернуться с этого пути выше сил человеческих.

Не зря, оказывается, хвалился вчера ваш отец:

– Мои близнецы – моя опора! Я начал строить новый дом, поверив в их силы. Уже два года, ака, они были учениками известного мастера по жидкой глине. У вас, Уста-ака, не будет с ними никаких забот – можете лежать на боку и только давать указания моим батырам, все остальное за ними!

Я тогда сказал: «Хоп-хоп», решив, что все это сказано ради красного словца, но оказывается...

Обратной дороги нет, бедные вы мои близнецы. Нет дороги. А впереди... Впереди у вас длинная-длинная жизнь, которой не позавидовал бы самый последний раб.

3

У меня это начиналось так же. Было мне, как и близнецам, лет двенадцать-тринадцать. Отец тогда впервые привлек меня к работе с жидкой глиной. Старший брат только что женился, и мы – четырнадцать душ и, хуже того, тел – до отказа заполнили собой малогабаритную двухкомнатную квартиру в сырой бетонной многоэтажке. После нескольких месяцев изнурительных, унижительных и безрезультатных поисков подходящего жилья отец решил строить дом своими силами. Настоящий обожженный кирпич и в то время шел наравне с птичьим молоком, и поэтому было решено стоять из сырца. Мы с энтузиазмом взялись за дело, и с конца мая до конца августа отлили больше шестидесяти тысяч кирпичей.

Так я – живший ожиданием прекрасного и таинственного «завтра» sentimentalный юнец – впервые познал науку землевладения.

Вставали мы до восхода солнца, съедали по целой чашке куртавы с лепешкой. И брались за работу. Начинали с того, что вытаскивали из воды, где она отмокала всю ночь, четырехгнездную форму, валяли ее в песке и только после этого бросали в гнезда приготовленную гувалу – глиняные катыши яйцеобразной формы. Излишек жидкой глины убирала с заполненной до краев формы. А загруженную форму переносили на ровную площадку и быстро переворачивали. Это очень ответственный момент в изготовлении сырца. Скорость и сноровка решают все. Если переворачивать медленно – глина потечет, и кирпич получится кривой. Я освоил и эту науку.

Я был еще совсем пацаном, да, наверное, и физически слаб. Поэтому далась она мне с большим трудом. На второй неделе я чуть не повредил себе позвоночник в пояснице. После этого любимый старший брат перевел меня на жидкую глину. Я обрадовался новому делу. Во-первых, потому что мне надоело ворочать эти тяжеленные формы. Во-вторых, я думал тогда, что перестал мечтать из-за того, что надрывался на этих проклятых формах. Они забирали все силы... Вот теперь все встанет на свои места... Однако, – но это я понял гораздо позже – на самом деле я попал из огня да в полымя...

А сначала меня даже обуревали романтические восторги: я гордо стоял по колени в жидкой глине, опираясь на большой кетмень, и с сознанием собственной значительности взирал по сторонам, как бы говоря: «Смотрите – я уже взрослый джигит!».

Со временем я пришел к выводу, что приготовление жидкой глины – это искусство, которое не поддается теории. Глину надо чувствовать – хороша ли она или солона, жидка или суховата, сколько добавить воды или, наоборот, сухой глины. Пока я постигал это искусство, минуло три года, и я вместе с аттестатом зрелости получил уважительное звание «Уста ака» .

А тогда... Едва закончили дом, понадобился хлеб. Потом кухня, потом забор из гувалы, потом тандыр, потом позвали на хашар.

В общем, мне казалось, что я выбираюсь из жидкой глины только затем, чтобы поесть и поспать. Не успеваешь закончиться одна стройка – начинается другая. Особенно не могли нарадоваться на меня отец и братья – я начал приносить домой деньги. Ведь за стройматериалы для дома отец задолжал немалую сумму.

«Вот вернем долги, – убеждал я себя, когда, застыв в жидкой глине, на несколько секунд закрывал глаза, в которых темнело от усталости, – потом по-другому буду жить, по-другому...»

Долги – большое бремя. Надо освободиться. Все это временно. Потом я снова начну мечтать. Потом все будет по-другому.

В первые годы попадавшие в засоренной земле куски стекла, острые камни и другой мусор оставляли на моих ногах глубокие раны. Иногда от пятки до колена. Но со временем, когда меня стали величать Мастером, на них не оставалось даже царапины.

– Вай, Уста-ака, – говорили мои наемники с откровенной завистью, – да у вас ноги стальные, а!

А я только отмахивался, тайно гордясь своими ногами.

Изготовление глины – работа чрезвычайно тяжелая и изматывающая. Она требует колоссальных физических сил. Глина, как пиявка, высасывает из человека всю энергию. Только обильная пища может насытить эту пиявку. И я не ограничивал себя в пище. Даже самый скупой из моих наемников по щедрости в пище становился равным легендарному Хатамтаю. Только горячие блюда подавали четырежды в день.

По ночам я задыхался от переизбытка, голова кружилась от нескольких пиалушек водки. Какое там чтение! Даже телевизор смотреть не хотелось. Одно желание – лечь и отключиться. Так и было – засыпал в то же мгновение, когда голова касалась подушки. А в полночь, словно срабатывало реле, вставал и автоматически месил глину. Потом смывал ее с ног и опять отключался. А перед восходом солнца автомат срабатывал вновь...

Но работал я отменно – до седьмого пота. Впрочем, иначе здесь работать невозможно – конкуренция большая. Даже в моем родном Узбекауле было несколько претендентов на звание «Уста».

4

Точно не помню, сколько лет прошло с тех пор, как я погрузился в жидкую глину. Но однажды ночью, закончив работу, я умылся и пошел в пристройку. И вдруг увидел, что прошел по раскаленным углям кострища, в котором хозяйка вечером сжигала мусор, – на красных угольях четко отпечатались черные следы моей босой ноги. Я решил, что пятка сожжена, и на одной ноге доскачал до чайника с водой – я был уверен, что на ступне появились волдыри. Но когда облил ногу водой, обнаружил, что с ней ничего не случилось. Ступня напоминала иссохшую землю. Как и пятки Хасана и Хусана, которые я увидел сегодня.

Сначала я решил, что сработал инстинкт самосохранения и, как пишут в некоторых книгах (в каких – уже не помню!) между кожей и раскаленными углями образовался защитный слой жидкости.

Прошло несколько дней. Я уж, было, совсем забыл об этом случае, но...

Как однообразно озорство детей!

У хозяина, который меня нанял, был сын лет десяти. Этот озорник и решил надо мной подшутить. Точно так же, как Хасан–Хусан! Однажды ночью, решив, что я сплю, он засунул между пальцами моих ног по клочку бумаги и зажег их. Старая шутка под названием «велосипед», ибо я, по идее, должен был задрать ноги и дрыгать ими так, словно кручу педали невидимого велосипеда. Я хотел было встать и наказать как следует этого хулигана. Но продолжал лежать, потому что... В последнее время мне стало казаться, что ноги мои перестали реагировать на изменение температуры. Что холод, что жара... Короче – лежу, слежу. Пацан весь дрожит от нетерпения в ожидании кульминации. Совсем как Хасан–Хусан вчера вечером. Лежу... Жду... Ничего не чувствую. Ни малейшего тепла. Бумага горит... У пацана глаза на лоб полезли – забился в истерику и выбежал из комнаты. Близнецам было легче – все же вдвоем.

Потом несколько дней избегал меня, даже заболел – обметало губы. Но молчал. Никто ничего не узнал.

На следующий день в укромном месте я провел эксперимент со своими ногами: тыкал иголку, резал ножом – и убедился, что они потеряли чувствительность до колен. В них не осталось и следа жизни. Часть ног, постоянно находящаяся в жидкой глине, сама превратилась в сухую глину...

Прошли месяцы. А может быть, годы или тысячелетия? Если сделать насыпь из всей земли, что я вымесил своими ногами, то получится гора, превышающая знаменитые египетские пирамиды...

Постепенно потеря чувствительности миллиметр за миллиметром стала ползти вверх. Я определял это время от времени с помощью иглы и ножа.

Сначала был порыв бросить к черту эту проклятую работу и найти себе другое занятие. Но у меня не было другой профессии. Я больше ничего не умел. И, главное, не желал ничему учиться. Я физически чувствовал, как мой мозг постепенно освобождается от «лишнего груза» – это было похоже на сухой шорох сыплющегося песка и...

Последнее время мне стало проще превратить в кирпич два кубометра земли, чем прочитать одну-две страницы. А эта профессия, помимо уважительного звания «Уста ака», дает еще и немалый доход. К тому же не иссякла длинная очередь заказчиков. И все – свои люди, кому откажешь – обидится.

И я, махнув на все рукой: «А, будь, что будет!», прекратил эксперименты над своим телом...

5

Пролетели годы.
Или миллионы лет.
Я забыл этот мир, а мир забыл меня...

Однажды ночью после работы я с хозяином и его гостями смотрел по «ди-видишнику» эротический фильм. Было видно, что моих соседей переполняют чувственные ощущения. А у меня ни один мускул не дрогнул. Я был холоден, как глыба льда. Или... замороженной глины до пояса. А сердце еще билось...

Это открытие на месяц повергло меня в бездну мучительных кошмаров. И, как назло, именно в это время отец собрался меня женить:

– Ну что, будем жениться? В чей дом идти?.. А вообще-то, у меня давно есть уговор...

Потом появился старший брат:

– А ну, танцуй! Я тебе фотографию красавицы принес: увидишь – умрешь!

Я, естественно, как мог, отнекивался. Выискивал кучу «объективных» и «уважительных» причин для отказа. Но безрезультатно. Сваты шли косяком: снохи, тети, дяди, друзья, даже племянник...

Не мог же я им признаться, что я не могу жениться...

Поэтому однажды в полночь я взял свой чапан и незаметно покинул Узбекаул.

С тех пор я, наверное, миллионы лет странствую по аулам, у меня отличная профессия – мастер по изготовлению сырцового кирпича. А пока существует мой народ и пока он живет в кишлаках и аулах – эта профессия не исчезнет. Во всяком случае, на отсутствие клиентов я не жалею.

Правда, первое время ходил тише воды, ниже травы, словно виноватый в чем-то. Не мог смотреть людям в глаза. А когда случайно видел женщин или слышал их звонкие голоса, горькое мучительное чувство шемило сердце, и казалось, что вот-вот мир перевернется, и я закричу во весь голос: «До-о-од!..»

Тогда. Чтобы скрыть слезы, я бросался к кетменю и работал, работал, работал до изнеможения...

Но, слава Аллаху, эти муки продолжались недолго – через пару лет глиняным стало и сердце...

С тех пор я потерял счет дворам, где превратил в кирпич неимоверное количество глины, где получал деньги и отправлял часть их домой, чтобы там, наконец, рассчитались с долгами. Я знал, что родня, особенно, отец обрадуется моему переводу, но это знание не доставляло мне никакой радости. Я погрузился на самое дно моря безразличия. Или на дно ямы с жидкой глиной...

Я ел, не ощущая вкуса пищи, я пил, но не от жажды, а потому что знал – пить надо. Я курил, пил водку, но лишь для того, чтобы казаться таким же, как все, чтобы не выделяться, не пугать людей. Когда все смеялись, я не забывал показывать зубы. Когда все рыдали на поминках, я пониже опускал голову и вытирал платком сухие глаза...

6

Судьба сводила меня с разными помощниками. Кто-то любитель выпить, кто-то лентяй, кто-то болтун, а кто-то молчун. Я не запоминал ни их лиц, ни их имен. С меня хватало работы.

И только однажды...

Глины не хватало. Ютившийся в хибарке хозяин был богат только на детей. И мы с помощником решили передвинуть скирду гузапаи и из маленького холмика под ней наскрести немного земли. Скирду перекинули. Я стал рыть кетменем глину, как вдруг

из-под скирды выползла змея и вцепилась в ногу моего помощника, присевшего на землю. Змея так сильно впилась в его ногу, что изо рта ее показалась капля черной крови. А помощник продолжал сидеть неподвижно, словно это была не змея, а муха. На его черном лице не дрогнул ни один мускул. Наконец, он взял обессиленную змею за хвост и с размаху шваркнул ее головой о камень. Потом швырнул на землю. Словно полуметровый аркан. И с каким-то исступлением стал топтать босыми ногами. Он заметил, что я наблюдаю за этой экзекуцией, и только тогда прекратил ее. Сначала он растерялся, а потом взял кетмень и изрубил давно издохшую змею на мелкие кусочки. Тогда я понял, что помощник – тоже мой «близнец», но, похоже, что у него еще бьется сердце... Бедняга пометался по двору туда-сюда, а потом исчез. По-моему было ему от силы лет девятнадцать-двадцать. В армию его, как и меня, скорее всего, не взяли из-за плоскостопия. Гордый джигит... Быть может, через год другой, когда глина поднимется до пояса, он бросится под машину или с помощью петли аркана оставит этот мир. Я бы его вполне понял – сам сколько раз был готов, но... В предсмертной записке он напишет: «В моей смерти виновата...»

Хотя записки пишут сентиментальные юноши. Глиняные люди умирают молча, если не соглашаются жить миллионы лет.

Я живу.

Я буду жить еще долго-долго. Я бессмертен.

7

...Кровать опять скрипит. Не знаю, Хасан или Хусан – кто-то опять стонет. Смотрю в маленькое оконце. Скоро рассвет.

А ну, Хасан-Хусан, близняшки-барашки, подъем! За работу, мои наследники, мои «близнецы»! Сейчас выпьем по чашке куртавы и...засучим штанины. Глина ждет. Она давно готова. А меня не бойтесь. Я – это вы. Завтра. Мы все возникли из глины, туда же и вернемся. Другого пути нет.

Вчера ваш отец рассказывал, как какие-то романтики облазили все горы и леса в поисках снежного человека. Слепцы со сдвинутой крышей! Ведь бок о бок с ними живут глиняные люди...

Подъем, верблюжата мои, подъем!..

Мардикер по имени Муслим, которому исполнилось тридцать три года и который в детстве мечтал стать Поэтом, потер друг о друга высохшие ладони. На пол посыпалась сухая глина...

Перевод Владимира Васильева

ПОЭЗИЯ

Людмила БАКИРОВА

Сентябрь откроет дверь однажды в лето

Людмила Бакирова родилась в Кировской области (Россия). Окончила медицинское училище. Позже – факультет журналистики Ташкентского государственного университета (ныне – Национальный университет Республики Узбекистан).

Стихи Людмилы Бакировой публиковались в журналах «Новая юность» (Москва), «Звезда Востока» и «Молодая смена» (Ташкент), «Книголюб» (Алматы), а также в альманахах «Анор» (Москва), «Молодость», «Малый шелковый путь» и «Ark» (Ташкент), в «Антологии женщин-писателей Центральной Азии» (на русском и английском языках), в коллективных сборниках «Поэзия-88», «Под знаком осени». Участница Ташкентских открытых фестивалей поэзии.

Живет в Ташкенте.

* * *

По асфальту проносятся мимо авто,
на обочине иней на рыжем суглинке,
среди белого дня не заметит никто,
вдоль арыка бредя по тропинке,
между гравием мелким и мокрой травой,
среди камушков пестрых в коричневой тине –
на дремучем кустарнике вниз головой,
стрекоза золотая висит в паутине.

* * *

Короче дни становятся.
Дворы
Уходят в сумрак,
пробираясь к дому,
лохматый ветер, попинав костры,
из скирд горстями дергая солому,
по полю бродит,
из лесу туман
крадется к речке, оглядев округу,
и в небесах крикливый караван гусей

плывет и проплывает к югу.
черкнув – пока селенье видит сны –
цепочкой черной желтый круг луны.

* * *

На деревьях и охра, и кадмий, и медь,
и в пространство широкие дыры,
в нем трамвай, тротуары, дувалы, мечеть,
и коптящие небо тандыры.
Светофор, магазин, за арыком кишлак,
по дорожке, бегущей к базару,
мохноногий, гнедой, длинноухий ишак,
на тележке везет стеклотару.

ПЕЙЗАЖ

Двор, арык, айван, ограда,
след коровьего копыта в глину вмят на тропке сада,
курпачей тахта прикрыта,
кое-где дымят тандыры,
притаившись у дувала, тень заштопывает дыры
кружевного покрывала..
Меня издали приметив, куст теряется в догадке,
не со мной ли шустрый ветер затевает игры в прятки.
И, попав в четверостишье,
завернувшись в солнца сетку,
притворясь летучей мышью,
бурый лист вцепился в ветку.

* * *

Луна в осеннем небе гаснет,
на мокрых лапках бродит дождь,
в дыханье ветра звуки гласных
мне больше слушать невтерпеж.
Под заунывный вой собаки,
Во тьме кромешной, как йод,
Как будто кто-то там во мраке
рассвета берег не найдет.

* * *

Красное лето ушло.
Лес с того берега в речку
лист «отряхает»,
село
топит за печкою печку.
В доме тепло, но зато, сдвинув гармошкой штору,
Вижу, как птичье гнездо ветер уносит к забору.
Снова бредут холода.

В лужах пустынные грядки.
С плесенью тусклой вода стынет под крышею в кадке.
Дождь постучал в барабан...
В эти – четверг или среду,
вещи собрав в чемодан,
не навсегда ли уеду.

* * *

Слова за словами, сырье для своих собираю страниц,
леплю их из воска, из глины, из снега,
слова оживают, в ладонях моих, превращаются в птиц,
летят в небеса и опять возвращаются с неба.
Чтоб я их встречала, оставив другие дела,
одних отгоняла, и в стаи других собрала.

* * *

На пруду закрывает кувшинки
среди деревьев густых полумгла,
предзакатно алеют тропинки,
из подсолнуха желтой корзинки
мед на лапках уносит пчела.
Птицы прячутся вечером в гнезда,
дремлет сад, отступает жара,
месяц тает,
хозяйка с утра
топит печь и упавшие звезды
выметает метлой со двора.

* * *

Дорога мокнет под дождем,
последний снег на веках тает,
когда его заносит в дом,
где по страницам жизнь листаю.
И кто внутри там, не извне,
сидит во мне, как мышка, тихо,
кто, кто там прячется во мне
и отыскать не может выход.

* * *

Пестрый август срывает звезду,
среди ночи дома, как улитки,
кто-то прячет в них боль и беду,
чья-то жизнь повисает на нитке.

Кто-то пишет стихи на ходу,
ну, а там за дорожкой к дому,
среди гвоздик и пионов в саду
под деревьями прячутся гномы.

ВЕЧЕРНЕЕ ОКНО

Так, наливая в кружку черный чай, в стекле вечернем, в пору листопада,
двойник твой встречен взглядом невзначай, в деревьях смутных пасмурного сада,
с двором соседним, лужей под кустом, дорогой в поле, смазанною далью,
с цветком в горшочке, люстрою, зонтом...

На лист бумаги встанут в зазеркалье,
за буквой буква в строчках под рукой, как на проверке в длинный ряд солдаты,
как лес густой в селенье за рекой, что был тобой покинутым когда-то.
Они – стихи – твой обживают дом, смотрящий взглядом пристальным в столетье,
ты их хранишь во времени, потом... становишься над ними кем-то третьим.
Читая строки... строчки... между строк,
на перекрестках всех своих дорог.

* * *

Проводы днем.
Уезжает на запад соседей семья,
ночью не спится, встречаешься где-нибудь с собственным я,
дождь, морося, превращается в слякоть и снег.
Поутру,
город восточный знобит на стеклянном ветру.
А в голове телеграфные воют и ноют столбы.
направо, налево –
по краюшку ходишь судьбы
Ночи стеклянные бьются в стеклянные дни,
режут до крови осколки босые ступни.

* * *

Сентябрь откроет дверь однажды в лето,
в нем ночью выйдя за пределы света,
я вижу свет в оконной дальней раме,
с рисунком крыш темнеющих,
и вот –
деревья вдруг заговорят стихами,
им нужен мой дословный перевод.

* * *

Теплого берега лодка коснется,
на гору влезет кустарник густой,
на коромысло возьмет из колодца,
бабка соседская ведра с водой.
Мама на грядках с коричневой лейкой,
в воздух стреляет горохом стручек,
там, где червя под дошатою скамейкой,
видит в земле петушиный зрачок.

* * *

Чуть брезжит свет.
На полпути жара,
Село из сна выходит,
очевиден
стук в наковальню молотком с утра...
Хоть мир вещей нечетко в доме виден,
в столь ранний час – в печи горят дрова,,
дят коров,
а мне из всех отдушин,
углов и трещин выводить слова,
как лошадей выводят из конюшен.
В луга, за речку, на дорогу, в поле,
чтоб прирученных выпустить на волю.

* * *

Нас что-то сводит вопреки,
уверткам, страхам, ухищрениям,
как будто время две реки
сомкнуть готово на мгновение.
Ввести в свои Париж и Рим,
из сеток улиц без названия,
где мы пока что два молчания,
но вот, вот-вот заговорим...
Двойное обрета дыхание.

* * *

Птица сидит на корявом суку,
гаснет костер и уносит золу,
может быть в вечность, а может в строку,
путь твой длинней по прямому углу.
Быстро темнеет... Не видно ни зги,
только слышны за спиною шаги...
может попутчики?..
Что из того,
а... обернешься... и нет никого.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Ловит сетью старик пескаря,
заяц в заячьей скачет капусте,
и, живя в голове без царя,
отчий край покидая без грусти,

кто-то ищет добра от добра,
а в домишке убогом, забытом,
баба мужа прогнав со двора,
голосит над разбитым корытом.

ИЗ ДЕТСТВА

На солнце розовый шиповник – цветок, цветок, еще цветок,
роняют лепестки под бревна и в мелкий гравий и песок.
И чучелу в ростках моркови,
свивая воздух в кружева,
салятся бабочки на брови, ныряют птицы в рукава.
Из леса ягоды в корзинах несут и в речке ищут брод,
И у разинутых ворот стою я тоже рот разинув,
на то, как по холмам, ухабам, туда, где ранняя звезда,
цыган уходит в небо табор, покинув здешние места.

* * *

В саду пустынном нежно вянут розы,
и на зиму унылые прогнозы
с горы доносит холодно и сухо
осенний ветер,
близь метро старуха
ждет подаянья,
каверзная муха
з...з...з...ззудит над ухом,
вечера черед,
гулять выходит молодой народ.
Кафе бомбит шумами тишину,
шашлычным дымом обмотав луну.

* * *

«Нами говорит предмет»
М. Цветаева.
В гортани дрожь, с касаньем языка
согласных букв,
деление на слоги
смыканьем губ.
На речь издалека от всех кустов, оврагов, от дороги,
пока мой голос вовсе не строка,
на выдох после вдоха,
а в итоге:
о чем предмет со мною говорит,
по буквам свой составлю алфавит.

проза

Ольга ГРИГОРЬЕВА

Синдром страха, или закон матрёшки

Фантастический роман

34

Березовая роща, бело-зеленая летом, прекрасная и светлая, очаровывающая своей нежной, трогательной, то грустной, то веселой красотой, сейчас была снежно-серебристой и торжественно-строгой.

Клэр шла рядом с Николаем по ровной широкой, очищенной от снега дорожке и рассматривала коттеджи, стоящие в роще на одинаковом расстоянии друг от друга.

Зимой большая часть коттеджей пустует, только в некоторых живут пациенты неврологической клиники – прекрасно оборудованного двухэтажного здания, стоящего на огромной лужайке. Летом эта чудесная, ярко-зеленая лужайка утопает в россыпи цветов, образующих красивые ухоженные клумбы. Сейчас она тоже выглядела уныло-белой.

Николай (он же Ник, Николс, Николаус, Николя – в зависимости от того, в какой стране жил и обитал этот алант), был хозяином этого заведения, выполняющего две функции: одну (явную) прекрасной неврологической клиники с небольшим штатом высококвалифицированного медперсонала; другую (тайную) надежного прикрытия для «особых дел», важных именно для алантов. Эти «важные и особые дела» совершались в правом крыле здания клиники, куда, помимо хозяина и директора клиники, имел доступ очень узкий круг врачей.

По поводу «правого крыла» медперсонал клиники знал только то, что там проводятся какие-то серьезные и важные эксперименты, что оно содержится в особо стерильном состоянии.

Пациентов «правого крыла» откуда-то привозили в специальном автобусе и через некоторое время увозили – живых и здоровых. Поэтому никаких особо темных мыслей жизнь секретного отделения клиники ни у кого не вызывала – ведутся секретные исследования, ну и пусть себе ведутся, никому от этого ни холодно, ни жарко.

Следует отметить, что периодически меняющиеся пациенты «правого крыла» даже и не подозревали, что они (по мнению наблюдавших за ними «издалека и со

стороны» работников клиники) участвуют в каких-то «секретных разработках». Эти люди были совершенно точно и искренне уверены в том, что просто-напросто периодически сдают кровь в элитной частной клинике, в особо стерильных условиях, что вполне закономерно, учитывая «разгул» такого страшного заболевания, как СПИД. А если еще и учесть, как дорого данная клиника платила за сданную кровь, то желающих попасть туда было предостаточно. Правда, клиника отбирала для этих целей только здоровых людей, что проверялось весьма тщательно.

Однако сейчас, гуляя по заснеженной дорожке, Клэр беседовала с Николаем не о способах питания для исчезающего рода алантов, а именно о том, что это *род исчезающий*. Она рассказала ему о состоянии Елены, которую, безусловно, уже надо переводить на *правильное питание*, и Николай сказал, что к ее приезду все готово, что он лично будет наблюдать за ней вместе с очень опытным врачом – высококвалифицированным профессионалом, преданным и проверенным.

– Елена – это несомненная удача, – продолжал свою речь Николай, с нежностью поглядывая на идущую рядом с ним Клэр. – Елена носит ребенка уже полтора месяца и пока с ней все хорошо. Да в случае удачи и других «желающих» нашли бы – это без сомнения! И тогда *наша неразрешимая проблема была бы, наконец, решена!*

– Когда ты собираешься привезти ее ко мне?

– Думаю, через неделю с небольшим, как только ее муж выпишется из больницы. Они приедут вместе, и вместе будут лечиться в твоей прекрасной неврологической клинике. Их будут сопровождать Джастин и Ло, которые тоже приедут к тебе «подлечить нервы», полюбоваться Москвой и ее ближайшими окрестностями, а заодно... – Клэр улыбнулась, хищно сверкнув своими острыми белыми зубами, – а заодно немного поохотиться в этом чудесном зимнем царстве, ну и, конечно, насладиться своеобразным процессом твоего «гуманного питания».

– Прекрасно, милая, я жду их! – Николай нагнулся и поцеловал Клэр в холодную алебастровую щеку.

35

Олег выглянул в окно. Погода была прекрасной: всюду светило солнце, на дорожках снег стоял, и больные потихоньку прогуливались, поглядывая на заснеженные клумбы и дыша свежим воздухом.

– М-да, какие перепады, – подумал он, отстраняя от себя свои тоскливые мысли, – то снег, ветер и чуть ли не сибирская холодрыга, то ясное синее небо, ласковое солнышко, одним словом, весна в декабре. После Нового года схожу к врачу. Это надо сделать. Страшно, но надо. Может быть, действительно ранний склероз? Приятного тоже мало, но уж лучше эта гадость, чем раздвоение личности. И сегодня же выясню, что с Риткой? По крайней мере, попытаюсь. Умид приедет и провезет меня к ней, на квартиру, погляжу, что там...

Открылась дверь в палату, и Олег, резко обернувшись, увидел Джастина.

Этот англичанин не понравился ему сразу же, в первый же день их знакомства, там, в горах, когда он спас Анвара.

И вдруг, в пик своих агрессивных мыслей, Олег сам получил весьма осязаемый удар – не физический (Джастин как стоял, улыбаясь у двери, так и продолжал там стоять), на ментальном уровне. В голове как будто взорвалась маленькая, но убийная по силе граната (Олег покачнулся, сдавив руками виски), и абсолютно четко прозвучала команда: *стоять, непокорный раб! Стоять! Слушаться и исполнять волю твоего господина!*

– Что с вами, Олег? – прозвучал заботливый голос Джастина. – Вам плохо?

В голосе появились нотки тревоги, но глаза гостя смотрели на «раба» холодно и настороженно.

– Нет, ничего... – ответил Олег, потрясенный услышанной им командой (что это?! чей это голос?! точно раздвоение личности! точно!), и сел на кровать. – У меня иногда бывает... видимо, спазм сосудов... ничего, сейчас пройдет...

– Может, позвать врача? – Джастин взял стул, отодвинул его подальше от кровати и сел, закинув ногу на ногу.

– Не стоит... уже лучше... Видимо, я рано поднялся, врачи требуют, чтобы я лежал...

– Ну, Олег Владимирович, раз врачи «требуют», следует выполнять их предписания. Вас мучают головные боли и бессонница?

– Да, бывает... и то и другое бывает... (какого черта ему от меня надо?! какого черта он задает мне эти дурацкие вопросы?!)

– Это следствие сильного переутомления и череды нервных стрессов, – тоном опытного лектора, просвещающего аудиторию, заговорил Джастин. – Я и сам испытывал подобные муки. Одно время со мной вообще творилось странное: мне казалось, что Я это не Я (услышав эту фразу, Олег насторожился и стал слушать более внимательно), что я раздваиваюсь, а может быть, и растраиваюсь («и я тоже», – подумал Олег). Скверное состояние... Мне посоветовали полечиться в Подмосковье, в знаменитой неврологической клинике, хозяином которой является один из богатейших людей России, некто Бертенев. Я вам, кажется, уже говорил об этой клинике? Так вот, я познакомился с этим Бертеневым и теперь знаю его довольно хорошо. В его клинике работают специалисты высочайшего класса, естественно, за очень хорошую зарплату. Так вот, я принял совет к сведению: поехал, полечился, и все пришло в норму. А то одно время уже со страхом думал, что стану пациентом психиатрической больницы

– Да, я знаю об этой клинике. Кажется, вы мне уже рассказывали о ней, да и из других источников я тоже получил соответствующие сведения и о Бертенева, и о его суперспециалистах. В общем-то, я уже запланировал отвезти туда Елену. В январе нас там будут ждать, я заказал коттедж.

– Прекрасно! – искренне воскликнул Джастин, – прекрасно! – снова повторил он, – мудрое решение! вы все сделали правильно! У вашей жены, как я понял, был весьма сложный период в жизни. Она потеряла мужа, долгое время не имела детей. Это все стрессовые ситуации и довольно серьезные. Человеческая психика – дело тонкое, и потому требует деликатного обращения. Кстати, Олег, мы с Ло недели через полторы летим в Москву. Планируем с ней и данную клинику еще раз посетить. Уж очень она нам понравилась! Воздух – чудо! А березы и зеленые лужайки с россыпью цветов – просто сказка! Вот теперь хотим немного пожить в березовой роще с семьей. Может быть, отправимся в это путешествие вместе? И тогда я познакомлю вас с Николаем Федоровичем.

– С кем?

– С Бертеневым, с Бертеневым Николаем Федоровичем. Он отдаст соответствующие распоряжения, и тогда для вас в этой клинике луну с неба достанут, сделают все возможное и невозможное. Месяц-полтора поживете у него в «гостях» и гарантированно укрепите как свое здоровье, так и здоровье своей жены, прекрасной госпожи Елены.

И вдруг Олег, неотрывно смотревший в глаза Джастина, почувствовал, что ему удивительно симпатичен этот человек! Какой он милый, заботливый, корректный. Как он искренне переживает и за него, и за его жену. И еще: было очень приятно, что Джастин похвалил его за принятое им «мудрое решение». Страшно захотелось, чтобы он еще за что-нибудь похвалил, еще сказал что-нибудь ласковое и доброе.

В волнении Олег прикрыл глаза, потому что почувствовал, что переполняющая волна радостных эмоций вдруг подхватила его и понесла, понесла, понесла, как мощный поток своенравной реки. С одной стороны, безумно хотелось отдаться этому потоку, слиться с ним, стать частью его сумасшедшей быстрины; с другой стороны, где-то в глубине души стал зарождаться и разрастаться страх – страх захлебнуться, погибнуть в непредсказуемых кипящих водоворотах.

Грудь сдавило так, будто Олег действительно захлебывался, вырываясь из стремнины. Он глубоко вздохнул и, стиснув зубы, огромным усилием воли погасил в себе эту странную, нервозно-ликующую волну.

И тут же в его голове прозвучал насмешливо-иронический голос Умида: «А ты одно время совсем в его цирковую собачку превратился. Служить! Апорт! Мо-лодец!» Эта фразочка окончательно привела его в чувство, затушив идиотский шенячий восторг.

– Спасибо, – сухо ответил Олег, и, коротко взглянув на Джастина, с интересом наблюдавшего за своим собеседником, уставился глазами в пол. Да, есть в этом англичанине что-то противное,стораживающее, нарочитое. Даже разговаривает не как нормальный мужик, а как... как актер на сцене, хорошо выучивший свою роль. А может быть, у иностранцев вообще принято подобное лицемерное общение? А может быть, оно принято только у Джастина? Хотя нет... иногда он может быть таким своим парнем... Иногда... И это тоже в его исполнении похоже на лицедейство, на игру...

– Спасибо, да, или спасибо нет? – улыбаясь, обратился Джастин к Олегу, а про себя подумал: до чего же эта человеческая особь противна ему! Изменись ситуация – и в ту же секунду это жалкое существо прекратило бы свое жалкое существование! Но нет, пока нельзя... Нельзя! В процессе беседы Джастин даже не «придавил» его как следует, побоявшись, что тот чего доброго по-настоящему сойдет с ума, или отправится на тот свет. Пока рано, пока этот раб нужен живым и здоровым, поскольку обязан исполнить отведенную ему роль. Он должен отвезти Елену в Подмосковную клинику-санаторий, и заботиться о ней, и оберегать ее на правах любящего мужа. Ничто не должно волновать Елену! Все должно выглядеть естественно и закономерно! А уж там, в санатории, как только Николай получит подопытную самку в свои руки, «спектакль» будет разыгрываться по новому сценарию.

– Спасибо, я подумаю, – сдержанно ответил Олег. – Вот выйду из больницы, и тогда мы с вами поговорим об этой поездке... э-э... более конкретно.

Джастин удовлетворенно кивнул головой, встал, собираясь прощаться, и вдруг как бы невзначай спросил:

– Кстати, Олег Владимирович, а где же ваше великолепное кольцо? Не вижу драгоценной печатки на вашем пальце. Надеюсь, не потеряли? Уж очень красивая и мастерски выполненная вещица! Я достаточно хорошо разбираюсь в золоте и... подделках из него. Ваше кольцо меня просто поразило! Такая тонкая работа!

– Да нет, не потерял. Просто, когда я почувствовал себя плохо... на работе, в офисе... то снял его и положил в сейф.

Джастин был потрясен услышанным, хоть внешне и не подал вида, только в глазах загорелся недобрый огонек. Что он сейчас услышал! РАБ, почувствовав себя плохо, СНЯЛ КОЛЬЦО! Этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! В его практике такого не было никогда, да и быть не могло! Раб не только не снимет заговоренной вещи сам, но и под страхом смерти не позволит сделать это никому на свете. Может быть, он недооценил это животное? Не пригляделся к нему внимательно и потому не понял, какие в нем скрыты тайные силы?

Олег взглянул на замолчавшего Джастина и тут же внутренне напрягся, поймав его «горящий», злобно-напряженный взгляд, который, однако, в ту же секунду переплавился в медовый, ласково-заботливый и немного ироничный.

– Показалось что ли, – подумал Олег, а Джастин уже уходил и, прощаясь, желал скорейшего выздоровления. Все мило, дружески, корректно...

Наконец, за неприятным посетителем закрылась дверь, и Олег смог с облегчением вздохнуть. На протяжении всей их беседы ему казалось, что чьи-то мерзкие и холодные руки, в буквальном смысле слова, ошупывают его мозг; нет, не руки, шупальца... мерзкие и холодные шупальца – ползают, шевелятся, сдвигают... Да, именно сдвигают, навязывая какие-то смутные и странные мысли, желания... В этот момент зазвонила сотка, и Олег, ушедший в свои мысли, от неожиданности вздрогнул.

– Совсем в истеричную барышню превращаюсь, – недовольно хмыкнув, подумал он и подключился к разговору. Это была Елена. Олега насторожил ее голос – тусклый, больной. Сначала разговор был ни о чем. На вопрос Олега – как она себя чувствует? – прозвучал ответ: неплохо, но болит голова, тянет в сон. Возможно, она сегодня не сможет приехать к нему в больницу

(Конечно, Леночка! О чем разговор! Раз плохо себя чувствуешь, ложись и спи! Не надо куда ехать!).

Затем таким же потухшим голосом она сообщила Олегу совершенно потрясающую новость, новость, которую он так долго и так страстно жаждал услышать:

наконец-то состоялся ее важный разговор с адвокатом, сообщившим о том, что из умеренно состоятельной женщины она превратилась в даму с миллионным состоянием.

И еще один потрясающий для Олега сюрприз: Елена сразу же составила завешание, в котором, в случае ее смерти, он, как ее законный муж, станет владельцем практически всех ее миллионов за исключением определенной суммы, которую она завешала своей подруге Сабине. Услышав это, Олег недовольно поморщился, но промолчал.

Ласково попрошавшись с Еленой и еще раз наказав ей беречь себя, он отключил телефон и в изнеможении опустился на кровать.

Сбылось! Господи, неужели сбылось! Он сумел повернуть всю задуманную им операцию! Он богат! По-настоящему богат! Да, теперь надо как следует заняться своим здоровьем! Имея миллионы, нет никакого резона превращаться в развалину. Теперь он обязательно уговорит Елену поехать в этот чудесный санаторий и на месяц-другой «передоверить» свои нервы специалистам. А потом... потом можно будет закатиться хоть в Париж, хоть в Лондон, хоть в Нью-Йорк. Нет, сначала в Токио... всегда мечтал посмотреть Японию.

Нет, сначала надо закатиться к Ритке. Надо узнать – что с ней? черт бы ее побрал! – чтобы это не давило душу. Олег посмотрел на часы – пятнадцать минут второго. Сейчас он пообедаст, потом переоденется и будет ждать Умида, чтобы, потихоньку удрав из больницы, съездить на Риткину квартиру.

– Рита, Риточка, ну перестань, перестань, все будет хо-ро-шо, – Сергей притянул к себе Ритку и ласково чмокнул ее сначала в лоб, потом в щеку. – Я понимаю, что избавиться от синдрома страха не так-то просто, но если ты позволишь этому «синдрому» овладеть собою, то это... – он покачал головой, – это, мягко скажем, плоховато будет.

Ритка ласково «боднула» Сергея головой в грудь и, обняв его за талию, крепко прижалась к нему всем телом.

– А я, Сереж, ничего не могу с собой поделаться. Я стала трусихой! Я боюсь темноты, я боюсь смотреться в зеркало (разве это не ужасно!), я стала настороженно относиться к красивым людям. Вот ты уговорил меня пожить эти дни в моей квартире, я согласилась, но я боюсь. Моя квартира наполнена призраками.

– Ну, перестань, Рита! Ну, какие тут призраки?

– Правда, правда! Вот я захожу в спальню и тут же у меня перед глазами Ксюша, подруженька моя любимая – ласковая, веселая – спит себе на моей постели, свернувшись калачиком. За окном льет дождь, а я собираюсь в магазин, купить ей что-нибудь вкусенького. А через полчаса... эта толпа под моим балконом, и Ксюша...

Ритка всхлипнула, и Сергей, еще крепче прижав ее к себе, нежно погладил по спине, по голове.

– Рита, перестань, ну... перестань... – тихо проговорил он, – нельзя закикливаться на таких вешах.

– Знаю, Сереж, знаю... Я стараюсь, но не получается...

Диалог происходил на маленькой Риткиной кухне. Она и Сергей стояли, обняв друг друга, и Ритке было хорошо. Какое все-таки счастье, что она нырнула в эту страшную ледяную реку, а Сережа ее выловил. И теперь он здесь, с ней, рядом, такой большой, добрый и любимый. С ним так хорошо и так спокойно! Подобной фразы Ритка близко не смогла бы произнести, когда жила с Олегом. Тот был большим мастером создавать «неспокойную жизнь».

– Помни, Рита: СТРАХ – действительно сильное чувство, и если только человек позволит ему овладеть собой, пустить, так сказать, «корни и веточки», то он может весьма отрицательно повлиять на его психику. Он подчинит себе человека, его душу, его мысли, и, в конечном счете, уничтожит его как личность, а то и вовсе сведет в могилу. Ты у меня умная, сильная, здравомыслящая и очень смелая женщина. Если бы было иначе, ты не выбралась бы из той ситуации, в которую попала, поэтому не позволяй СТРАХУ завладеть твоей душой, твоими мыслями, твоей жизнью.

Лучшее лекарство – переключиться на засушные проблемы, а еще лучше – немедленно крепко и страстно поцеловать любимого мужа и столь же страстно заняться своим насморком. Поняла?

– Поняла, – засмеялась Ритка. Ей очень понравилось, что Сергей назвал себя ЕЕ МУЖЕМ. – Мужа я сейчас страстно целовать не буду, чтобы не заразить его своим насморком. Пойду, приберусь на кухне и лягу. Только ты все равно побыстрее возвращайся, ладно?

– Ладно, ладно, – улыбнулся в ответ Сергей. – Я же тебе сказал: я быстро, одна нога здесь, другая там. Все, я побежал. Будь умницей и выполняй распоряжения мужа.

Закрыв за Сергеем дверь, Ритка прибралась на кухне и, включив телевизор, легла, укрывшись теплым пледом, на диване, в гостиной. Минут через пятнадцать ее потянуло в сон, веки стали слипаться...

Телевизор иной раз исполняет роль отменного гипнотизера – под него хорошо, очень хорошо и крепко спится!

Открыв Риткину дверь своим ключом, Олег вошел в квартиру и сразу понял – она, безусловно, обитаема. Нос ощутил запах вкусной пищи (кажется тушеного мяса), а уши уловили звук работающего телевизора, значит, в квартире кто-то есть: или Ритка или ее бабушка.

Своей кошачьей бесшумной походкой Олег скользнул по коридору, заглянул на кухню (никого!) и вошел в гостиную.

Работал телевизор. На диване, свернувшись уютным «калачиком», спала Ритка, подложив ладонь под щеку.

Олег почувствовал, как огромный стопудовый камень скатился с его души. Жива! Слава богу, жива! Только бледная очень. Может быть, заболела?

Он вышел из гостиной, прошел на кухню и, вызволив по мобильнику Умида, который сидел в это время внизу, у подъезда, в своей машине, попросил его заехать за ним через полчаса.

– Ритка дома? – спросил Умид.

– Да, дома, – приглушенным голосом ответил Олег.

– Все нормально?

– Да вроде бы.

– Ну ладно, разбирайся там сам. Через полчаса буду. Мне как раз в одно место смотаться надо.

Положив сотку в карман, Олег снова вернулся в гостиную и тихонько сел на диван, в ногах спящей Ритки. Если бы вместо узкого дивана она лежала на широкой и удобной тахте, он, не раздумывая, уже бы разделся и нырнул к ней под одеяло. Только сейчас, глядя на гриву ее темных с сиреневым отливом волос, пухлые красивого рисунка губы, чуть вздернутый носик и темную бахрому ресниц, четко выделяющуюся на бледном и немного осунувшемся лице, он понял, как страшно соскучился по этой женщине, – ревнивой, горячеей, иной раз не в меру эмоциональной, скорой «на язык» и... и такой страстной!

Олег не удержался, протянул руку и провел рукой по знакомому изгибу фигуры своей незабываемой подруги, но в ту же секунду Ритка, открыв глаза, резко отмахнулась от него левой рукой, до этого безвольно лежавшей поверх пледа, и тут же вся съехала, подобралась, как бы ожидая ответного удара. В ее глазах, немного туманных, «спросонья», плескался самый настоящий ужас. Во сне Ритке показалось, что по ней кто-то ползет, кто-то мерзкий и волосатый, как гигантская гусеница, которую она и постаралась смахнуть. Но теперь, придя в себя, она вновь онемела от ужаса, вызванного уже реальным видением: на диване, рядом с ней сидел... Олег!

– Ну что, привет, сеньорита Маргарита! Как ты сладко спишь, а! Просто зависть берет! Так и хочется к тебе под теплый бочок, – «бархатным» голосом, в котором уже «плескались» нотки пробуждающейся страсти, проговорил Олег. – У меня такое ощущение, что мы с тобой лет сто не виделись, не меньше. Я, между прочим, частенько думал о тебе и, честно говоря, немного соскучился. А может быть, даже и не немного...

Ритка молчала. В ее глазах по-прежнему плескался страх.

– Что ты на меня так смотришь? – усмехнулся Олег, – Я знаю, что ты на меня злишься из-за Елены, но что поделаешь, Риточка, таковы грустные реалии жизни. Я женился на ней. Да, женился. Это факт. Но это вовсе не значит, что я ее люблю, понимаешь? Это брак по расчету, и если ты будешь умницей, то и тебе щедро перепадет от этого «расчета». По крайней мере, эту скромную квартирку – Олег скользнул небрежным взглядом по Риткиной гостиной – ты поменяешь на более престижные апартаменты. Ну что, котенок, поговорим об этом более подробно или как?

Скользнув жадными глазами по прикрытому пледом Риткиному телу, он снова протянул руку, чтобы коснуться ее, но девушка, резко подтянув под себя ноги, вжалась в угол дивана.

– Ты? – с испугом и в то же время брезгливо прошептала она, и рука Олега застыла, не коснувшись ее тела. – Как... как ты здесь очутился?

Олег, почему-то ожидавший совершенно другой реакции на свое появление, – реакции бурной, страстной, со слезами, обвинительными речами, но в конечном итоге, со страстными поцелуями и горячим сексом – почувствовал поднимающееся в нем раздражение.

– То есть как это «как»? – резко произнес он. – Если ты помнишь, у меня есть ключ от твоей квартиры, так же, как и у тебя от моей? Я, между прочим, волновался... Ты куда-то пропала, не звонишь... Катка по поводу тебя несет какой-то бред, вот я и приехал... поговорить, проведать... Мы ведь все-таки давние друзья, верно? Надеюсь, ими и останемся? Ты скучала по мне, хоть немного, а? Ну что ты на меня так смотришь? – снова раздраженно проговорил он. – Я что, похож на привидение или монстра из жустиков?

Точно, – мелькнуло в голове у Ритки, – как она могла об этом забыть! Ключ! У него же есть ключ от ее квартиры! Господи, зачем она послушалась Сергея и согласилась пожить здесь, в это чертовом доме! Олег невменяемый! Ритка хорошо помнит его глаза безумного зомби, его действия в ту ночь, когда она пряталась за шторой в «зеркальном коттедже». Страшная сатанинская секта снова нашла ее! Это конец! Сейчас, наверное, явятся и те двое: жуткая красотка из зеркала и противный «телохранитель»! А может быть, они уже здесь! Прячутся в соседней комнате! – Риткины глаза метнулись к двери, ведущей в спальню, и ей показалось, что она тихо открывается... – Они там! А она одна! Одна!! Одна!!! И Сергей ушел! А ей с ними не справиться! Они убьют ее! Убьют, как убили Оксанку!

Страх, как океанская волна, огромная и страшная в своей слепой силе, накрыл Ритку с головой и поташил в бездонную пучину...

Ритка потеряла сознание.

– Это еще что за фокус! – изумился, ошарашенный подобной реакцией Олег. – Она что, чокнутая что ли? Раньше никогда в жизни не падала в обморок! Кстати, это и сделать-то не так просто! А теперь вот, пожалуйста вам, – хлоп и лежит, белая, как мел, и губы посерели... Да она, точно больная! Начала сходить с ума еще тогда, у него, в квартире... точно!.. точно!.. – лихорадочно вспоминал Олег, – потому и орала тогда, как резаная, всех соседей переполошила. А потом и вовсе, видимо, спятила на почве того, что он ее бросил и женился на другой? Она ведь ревнивая была, как... как черт его знает кто! На этой почве и свихнулась! Точно! Все именно так... это все объясняет...

Вот черт! Только этого спектакля ему и не хватало! Надо убираться отсюда под добру-поздорову, жива и ладно! Он ведь именно это хотел узнать, ну, узнал и все, хорошего понемножку, надо сваливать. Не хватало еще из-за этой истерички вляпаться в какую-нибудь историю! (Память тут же выдала прочитанную им когда-то и понравившуюся фразу: «В историю можно войти, а можно и вляпаться»). Вот он и «вляпывается»! Да еще и сейчас, когда у него все так... Нет, нет, уж лучше спокойная, сдержанная, благоразумная Елена, чем эта непредсказуемая девица русско-татарского разлива с уклоном в испанские страсти...

Олег быстро двинулся к выходу, но вдруг резко остановился и посмотрел на белое, как простыня, застывшее Риткино лицо.

Нет, надо привести ее в чувство. Не дай бог, отбросит сейчас коньки, а кто-нибудь из ее соседок видел, как он входил в дом или, того хуже – в ее квартиру! Соседи-то его здесь знают, не один год сюда таскался.

Да, точно, – вспомнил Олег, – когда он входил, как раз какая-то бабуся поднималась с сумками на верхний этаж. Еще и оглянулась на него. Если Ритка помрет... Вот это будет дело, если она помрет! – ужаснулся он своей мысли, – только следствия ему сейчас и не хватало! Отмазывайся потом, объясняй ментам, что ты в ее смерти неповинен! И Умид подозревать будет... А уж про Елену и говорить нечего! Как ей объяснить его появление в данном доме и данной квартире? Что он тут, спрашивается, забыл? Да она мигом завешание перепишет! Оставит все ребенку и своей подруженьке! С нее станется! Чего-чего, а характер у этой бабы железный, и понятия о порядочности, совести и чести тоже по идеально классическим меркам – это он уже понял. Как пить дать, выставит его! Если не из бизнеса, то из дома и из своей жизни однозначно!

Все это в одну секунду промелькнуло в голове Олега, и он, ринувшись на кухню и набрав в стакан воды, вернулся к Ритке. Наполнив пригоршню, брызнул ей в лицо – раз, другой... Резко похлопал по щекам...

– Рита, Рита... очнись, слышишь меня? Что с тобой? Рита, ты слышишь меня? Ну, открой глаза!

Ритка судорожно вздохнула, ресницы затрепетали, и из-под них на щеки покапали слезы.

Жива, слава богу, жива! Уже хорошо. Теперь надо заставить ее позвонить какой-нибудь соседке и попросить немедленно прийти к ней. А я тут же уйду. А она останется с соседкой – жива и здорова... Ну, пусть не совсем здорова, но жива. И ноги моей здесь больше не будет! При соседке же и ключ ей оставлю. Главное – будет свидетель, что, когда я ушел, Ритка была жива.

– Рита, – теперь Олег ласково гладил ее по щеке, – ну, что это ты? Давай... давай... приходи в себя... открой глаза... что же это ты такое вытворяешь-то, а! Что с тобой? Вот, попей водички, попей...

Он поднес стакан к ее губам, и Ритка, приоткрыв глаза, сделала несколько судорожных глотков. Ее дыхание постепенно выравнивалось, на лицо возвращались краски.

– Ритуль, что это с тобой, а? Ты что, больна что ли? Что это еще за обмороки за такие? Раньше была такой крепкой девчонкой – сама кого угодно могла до обморока довести, – улыбаясь, тихим успокаивающим голосом говорил Олег.

Ритка села на диване и, потерев ладонями лоб, виски и щеки, уставилась на человека, по которому когда-то сходила с ума, а теперь ненавидела. Ненавидела до боли в груди и ломоты в висках!

– Как ты мог прийти сюда, ко мне, после всего, что сделал? – ровным, лишенным каких бы то ни было эмоций голосом, произнесла она.

– То есть, как это? – искренне удивился Олег, – что же это я тебе такого сделал?

– Что ты мне такого сделал? – зло передразнила его Ритка, и в ее «ожившем» голосе зазвучал сдерживаемый гнев. – Ты увез меня, беременную, в горы, спрятал там в каком-то долбаном коттедже, наврав, что скрываешься сам и скрываешь меня от своих врагов по бизнесу, которые якобы хотят нас убить. Я жила там... одна! почти две недели! – Риткин голос повышаясь, постепенно переходил на крик. – Меня охранял плоскомордый тупой охранник! Такому только убийцу-маньяка играть! А может быть, он и есть убийца-маньяк, а? Ты-то ведь это знаешь? Да? Знаешь? А ты, сволочь, оставил меня с ним, одну! А потом вместе с тобой в коттедж заявили еще двое ублюдков: красавица-блондинка и красавец-брюнет! Такие штампованные красавцы! Омерзительные рожи! Ты чуть ли не ползал перед ними на коленях, только и знал, что повторял – «слушаюсь, господин», «хорошо, господин»... А потом они приказали тебе спать, и ты свалился на кровать и уснул, а они отправились на какую-то охоту, чтобы пить кровь! Кровь! Ты понял! Я стояла на окне, за шторой – понял?! Я все видела и слышала! Я чудом осталась жива! Если бы эти ублюдки нашли меня, то убили бы, как они убили Ксюшу! Это ты помог им убить Ксюшу! У тебя есть ключ от моей квартиры! Теперь я все поняла! Все! Ты в их сатанинской секте! А потом ты вместе

с ними решил убить и меня! Поставить на мне какой-то эксперимент! Ты сатанист, сектант! Убирайся отсюда! Немедленно!

С ужасом слушая несвязную Риткину речь, точнее крик, Олег понял: перед ним совершенно невменяемая женщина. Да что там невменяемая – чокнутая! Однозначно чокнутая! Что она несет? Да черт те что она несет! Бред идиотки! Какие горы? Какой плоскомордый охранник? Какие секты? При чем здесь смерть Ксюши?

И за каким чертом его сегодня принесло к ней! Убедиться он, видите ли, хотел – жива она или не жива! Убедился на свою голову! Скорую вызвать что ли? Она, по видимому, еще и буйная... Вон как орет, и глаза, как у бешеной кошки... Только что пена изо рта не валится... Что делать-то?

– А потом, чтобы не погибнуть, – перешла на зловеший шепот вышедшая из себя Ритка, – я бросилась в Чаткал и чудом, ты слышишь, грязная скотина, чудом осталась жива! Меня спасли, но я потеряла ребенка! Ты убил своего собственного ребенка! Убийца! Ненавижу тебя! Ненавижу! – Ритка снова перешла на крик. – Убирайся из моего дома! Немедленно! Сейчас же! Брось на диван ключи и выметайся отсюда!

Олег молча снял с основного кольца связки Риткин ключ и бросил его на диван.

– Вот и хорошо! – снова злым шепотом констатировала она, – а теперь пошел вон! Видеть тебя не могу!

– Хорошо, Рита, хорошо... я уйду, успокойся... пожалуйста, успокойся... – Олег хотел сказать ей, что ни черта не понял из ее обвинений в его адрес (еще и ребенка какого-то приплела!), но потом раздумал. Если человек невменяем, никакие объяснения не помогут, и не только не помогут, но могут вызвать новую волну гнева и истерии. – Все, спокойно, Рита, я ухожу...

Не поворачиваясь к Ритке спиной (черт его знает, что может взбрести на ум этой бесноватой, еще шархнет вазой с журнального столика по голове; буйные непредсказуемы, агрессивны и очень сильны!), он попятился к выходу и, быстро миновав коридор, с силой захлопнул за собой входную дверь. Сбежав по лестнице вниз и выйдя из подъезда, Олег быстро направился в сторону небольшого скверика, располагавшегося в пяти минутах ходьбы от Риткиного дома. Умида он подождет там. Достав сотовый, начал набирать номер друга. Сейчас больше всего на свете ему хотелось оказаться в своей палате, раздеться, нырнуть в постель и, закрыв глаза, спокойно подумать, сосредоточиться и спокойно подумать. Ритка, конечно, несла полную бредятину, но... но что-то царапнуло его в этой бредятине, что-то очень сильно царапнуло! Он должен успокоиться, подумать и понять «что».

Услышав стук закрываемой входной двери, Ритка, схватив в руки тяжелую хрустальную вазу, метнулась в спальню – никого! слава богу, никого! – затем в коридор – ушел! слава богу, ушел!

Закрыв дверь и на цепочку, и на засов, она снова обежала всю квартиру, заглянула и в ванную, и в туалет. Одна, никого... Вернувшись в гостиную, поставила вазу на журнальный столик и рухнула на диван.

Ужас! Они снова нашли ее! Пережитый ею кошмар может повториться! Позвонить! Надо немедленно позвонить Сергею! Никогда и ни за что она больше не останется одна! А уж в этой квартире ни на секунду одна не останется! Надо позвонить Сергею... немедленно... чтобы он скорее... скорее вернулся... приехал...

Ритка тыкала пальцем в кнопки телефона и все время ошибалась: дрожащие руки и такие же «дрожащие» нервы не позволяли сосредоточиться и правильно набрать номер. Наконец, после нескольких неудачных попыток ей это удалось.

– Алло! Алло!

– Алло, Ритуля, я слушаю тебя!

– Сережа, пожалуйста... – тяжелый вдох и выдох – приезжай поскорее домой!

Пожалуйста!

– Что-то случилось? Рита, почему у тебя такой голос? С тобой все в порядке? – заволновался Сергей.

– Да... сейчас в порядке... но ты побыстрее... хорошо... я тебя очень прошу...

– Еду, еду, Рита, я уже еду, я сейчас в такси... минут через десять-пятнадцать буду дома...

– Хорошо, я тебя жду... только ты побыстрее, ладно!..

Ритка опустила руку с зажатым в ней телефоном и расплакалась.

– Скорее бы завтра! Скорее бы уехать отсюда! Больше сил нет бояться! Просто нет больше сил! От этого бесконечно терзающего ее страха можно умом тронуться! Если уже не тронулась...

36

Богиня «разглядывала» Тану. После того, как она передала ей Часть Себя, прошло уже несколько дней по земным меркам. Богиня, конечно, не мыслила такими категориями (в ее измерении не было понятия времени), она просто наблюдала и была удовлетворена тем, что эта особь еще жива, значит, есть надежда, что она выживет и в нужном ей измерении, и не только выживет, но и поможет укрепиться и разрастись ЕЕ ЧАСТИ, поможет ЕЙ стать частью иного мира и овладеть им.

Пожалуй, скоро можно будет переправить это странное, но сильное существо туда, в измерение с названием Земля. Сейчас Богиня щедро «подкармливала» Тану, наполняя и ее, и Часть Себя в ней щедрым потоком энергии.

Еще немного... пусть наберется сил и тогда... тогда она вернет ее другому существу, называющему себя алант, или Джастин. Он считает эту особь «Своей Частью», очень дорожит ею и хочет вернуть ее себе. «Часть» вернется и ... и «выпьет» его, получив столь необходимую ей порцию чудесной энергии.

37

Елена не смогла поехать к Олегу, у нее не было на это сил. С трудом выдержала она посещение адвоката и достаточно долгий разговор с ним о свалившемся на нее солидном капитале, удивив его тем, что, во-первых, не выказала бурной радости, совершенно естественной для такого уникального момента, отнеслась к услышанному сдержанно, а во-вторых, проявила настойчивое желание составить завешание. Немедленно!

– Голубушка, Елена Михайловна, – прогудел своим низким сочным голосом несколько удивленный подобным поведением Семен Гургенович, – что за спешка? Давайте-ка мы с вами сделаем так: пусть пройдет некоторое время, вы все осмыслите и, так сказать, освоитесь с тем, что стали весьма состоятельным человеком, побеседуете об этом с мужем, ошутите с ним свое... ммм... скажем так, новое положение, а уж потом, не наспех, не второпях, мы с вами составим соответственное... ммм... продуманное завешание. А? Как вы на это смотрите? Я думаю так будет логично и по-деловому... Тем более, что сегодня, вы – извините меня за подобное замечание (спустив очки на кончик мясистого носа, адвокат исподлобья и с тревогой посмотрел на Елену) – при всей вашей красоте... ммм... не совсем хорошо выглядите: бледны и как будто расстроены чем-то. Так что, давайте-ка встретимся с вами в другой раз, скажем...

Но Елена, проведшая мучительно-тяжелую бессонную ночь, временами «уплывающая» в какие-то кошмарные видения и внутренне уже приготовившаяся к самому худшему, категорически настояла на немедленном составлении документа. Адвокат пожал своими тяжелыми плечами, вздохнул и сделал все так, как требовала его клиентка.

Оставшись одна, Елена, взяла в руки телефонную трубку и, позвонив Олегу, передала ему свой разговор с адвокатом, предупредив заодно, что не сможет сегодня приехать в больницу, потому что плохо себя чувствует.

Потом она долго сидела на диване, в гостиной, продолжая сжимать телефонную трубку в руке и не решаясь набрать номер Анфисы. В сотый раз прокручивала она в голове все аргументы «за» и «против». Идти – не идти... а может, пустить все на самотек и... будь что будет? Но выдержит ли она этот «самотек»? Уже сегодня ночью ей казалось, что она тронулась умом. Проваливаясь в тяжелый больной полусон, упорно видела одно и то же: парящую над ней огромную птицу с круглыми, горящи-

ми желтым светом холодными глазами, – то ли совы, то ли филина – не разобрать. Да и не отличит она совы от филина. Широкий размах крыльев, крючковатый нос, когтистые сильные лапы... Птица висит над ней, нацелив в ее грудную клетку свои острые, как отточенные кинжалы, когти, и сердце Елены сжимается так, что, кажется, – еще секунда – и оно перестанет биться, разорвется, лопнет, как с громким хлопком в одну секунду лопается яркий надувной шарик.

Было очень страшно. Не хватало воздуха, хотелось сделать глубокий вдох, но не было на это сил. Не было сил выплыть из этого страшного забытья, очнуться, ошутить себя в реальном, а не в искаженном мире осязаемо-ошутимых убивающих сновидений.

Птица исчезала, и Елена приходила в себя, садилась на кровать, прерывисто дышала, прижимая руку к груди и ощущая под ладонью тяжелые удары сердца, выходила на кухню, пила воду, смотрела на часы, на секундную стрелку, размеренно и неторопливо скользящую по циферблату. Бесконечная ночь! Но стоило ей, измучившейся, опустить голову на подушку, как вновь наваливался тяжелый полусон-полубред, а с ним вместе появлялась и зловещая когтистая птица.

– Нет, никакого «самотека» я не выдержу, – прошептала Елена. – Надо решиться и покончить с этим, и будь что будет! Это не жизнь! Сегодня, во время разговора с адвокатом, с ней снова, как тогда, в палате у Олега, стало происходить нечто странное, а точнее – жуткое. Вдруг, в какую-то секунду, в сознании Елены произошло «смещение»: резко обострился слух, зрительное восприятие окружающего стало не просто более четким, но каким-то физически ошутимым что ли. Сидящий напротив нее и что-то говорящий человек (в этот момент она перестала воспринимать смысл его речи) стал ассоциироваться... с пищей! Мгновенно возникший страшный голод «нарисовал» в ее сознании путь к получению этой «пищи»: Елена в секунду раздирает рубашку на выпукло-мягкой груди человека и с огромной силой, наотмашь, стремительным ударом разрывает когтями его короткую шею. Мгновение – и оттуда хлещет горячим фонтаном кровь. Еда! Непередаваемое блаженство!

И вдруг Елена услышала тихий, но полный тревоги голос:

– Елена Михайловна, с вами все в порядке?

Как будто на голову опрокинули ушат холодной воды! Елена в растерянности посмотрела на Семена Гургеновича и с ужасом перевела взгляд на свои руки: ей показалось, что сейчас она увидит свои скрюченные от напряжения пальцы, увенчанные длинными, острыми и окровавленными когтями.

Пальцы, действительно, были скрючены от напряжения, но никаких окровавленных когтей не было. Елена пришла в ужас от своего видения и, с огромным трудом справившись со своим волнением, ответила прерывающимся и враз осипшим голосом:

– Нет... ничего... у меня последнее время бывает... головокружение... извините меня... ничего... не обращайтесь внимания...

Вспомнив еще раз эту жуткую сцену, Елена застонала. Да, с ней происходят страшные вещи. С ней происходят ИЗМЕНЕНИЯ! Она об этом уже читала... Интернет предоставил ей соответствующую информацию в «бездонном» объеме. Читать – удивляйся – ужасайся... Хочешь – верь, не хочешь – не верь. Хочешь, называя все это чепухой, выдумкой, сказкой, записями психов. Можно скептически усмехнуться и отместить от себя все прочитанное одним словом – ерунда! Можно. Все можно, пока эта «ерунда» не коснулась тебя лично. А вот когда коснулась! – вот тогда сразу же все мгновенно меняется! Сразу и в корне!

Все... Все... Сейчас позвоню Анфисе, – заговорила Елена вслух сама с собой. – Сейчас позвоню и все. Нет, – тут же возразила она себе, – сначала позвоню Сабине, поговорю с ней немного... просто поговорю... скажу ей что-нибудь ласковое, голос ее услышу...

Нет... – вновь помотала она головой, – нет, не смогу я с ней сейчас разговаривать. Она тут же поймет, что со мной что-то не так, не смогу я сейчас сыграть роль веселой, счастливой и беззаботной женщины, не получится. Сабина догадается, сразу догадается, что у меня беда, растревожится, а если я еще и разревусь, то она тут же все бросит и приедет. Нет, Сабиночка, не буду я тебе звонить! Я оставлю тебе

записку, тебе и Олегу, на тот случай, если не вернусь... чтобы не искали... ни к чему. Ну, а если вернусь... если вдруг вернусь, то... записки эти уничтожу, а там уж как сложится.

Сделав глубокий вдох, Елена набрала номер Анфисы. И вновь тут же, как и в прошлый раз, та мгновенно подняла трубку, как будто бы знала, что ей сейчас позвонят.

– Анфиса Афанасьевна, я сейчас приеду, – без всякого приветствия проговорила Елена ровным «мертвым» голосом.

– Жду. Я вас жду и... Елена Михайловна, не надо так сильно нервничать. Хорошо? (Откуда она знает, что я нервничаю? Как будто видит на расстоянии! – подумала Елена) Возьмите себя в руки! Все сладится. Мы справимся с этой ситуацией.

Анфиса секунду помолчала и вдруг добавила:

– А страшная птица с острыми когтями – это ваш защитник, Леночка, ваш друг, а не враг. Помните об этом!

– Откуда вы знаете про птицу? – шепотом произнесла потрясенная услышанным Елена.

– Я много чего знаю, Елена Михайловна. У нас еще будет с вами время поговорить об этом, а сейчас, прошу вас, не задерживайтесь!

– Да... да... сейчас... я сама вожу машину. Сейчас еще кое-что сделаю и – к вам. Буду... минут через тридцать-сорок.

– Стоит ли самой садиться за руль? – с тревогой в голосе спросила Анфиса, – вы в таком состоянии... Я чувствую это! Может быть, лучше нанять машину или вызвать такси?

– Нет, поеду сама. Даже если я и разобьюсь, то ведь это тоже решение моей проблемы, верно? – губы Елены исказила горькая усмешка.

– Нет, не верно. *Не верно!* – с нажимом, строго и сердито повторила Анфиса. – Не смей даже думать об этом! – резко перешла она на повелительный тон и на «ты». – Жизнь человека – величайшая ценность! Бог помогает только тем, кто борется за нее.

– Странно слышать из уст ведьмы слова о Боге, – с иронией в голосе произнесла Елена.

– Елена Михайловна, мы теряем время. Давайте оставим пустые разговоры на потом. Я жду вас!

Анфиса отключилась, а Елена еще некоторое время сидела, прижав трубку к уху и слушая короткие гудки отбоя.

Неужели вся эта дребедень происходит с ней?! И это она сейчас поедет к ведьме в пятом поколении?! Неужели в реальной жизни *такое* возможно?! Господи! – Елена положила трубку и с силой потерла ладонью лоб. – Ну что в тысячный раз задавать себе одни и те же дурацкие вопросы?! Неужели так, неужели сляк? На все вопросы уже отвечено, или не на все... какая разница, если как ни крути, а врачи дружно определяют твою полуторамесячную беременность как трехмесячную. Вот это реальность! И ваши жуткие видения, Елена Михайловна, тоже реальность! Или мистика?! Или бред психички?! Выбирайте, что хотите и кушайте все это с маслом!

При слове «масло» к горлу подкатила тошнота. Возникшее во время разговора с адвокатом чувство голода не покидало Елену.

– Покушать бы что-нибудь, – подумала она, но не могла определить – чего бы ей хотелось? Один вид любой пищи вызывал отвращение. Включив электрочайник «Geuzer», решила приготовить себе чашечку кофе, но раздумала. Слово «кофе» тоже вызывало тошноту. – Интересно, чем меня вчера напоили Джастин и Лола? Было вкусно и... хорошо. Ладно, теперь это уже не имеет никакого значения.

Написав короткие прощальные записки Олегу и Сабине, Елена запечатала их в конверты, подписала, оставила на журнальном столике, в гостиной, и, в тот момент, когда Олег, сбежав из больницы, направлялся к Ритке, она, сев в свою машину, поехала к Анфисе.

Тихо «выплыв» из зеркала в спальне Елены, Ло прислушалась – тихо. Странно... самка должна быть дома. По крайней мере, час назад так оно и было: Елена беседо-

вала с толстым полнокровным самцом, называя его своим адвокатом, и никуда не собиралась уезжать. Ло слышала ее разговор с мужем по телефону по поводу того, что она плохо себя чувствует и проведет весь день в постели.

Выглядела Елена, действительно, усталой и больной, и это тревожило и Ло и Джастина, поэтому они решили чаще «навешать» свою подопечную, контролируя ее состояние и, если понадобится, то еще раз напоить ее «хорошим и вкусным соком».

Так где же она теперь? Или передумала «проводить день в постели» и поехала к мужу, в больницу? Что ж, это возможно...

Ло набрала номер сотового телефона Елены, но последовал сброс. Повторила вызов – результат тот же. Позвонила Олегу и услышала: «клиент временно недоступен». Снова набрала номер Елены – и снова сброс. Странно.

На всякий случай она обошла все комнаты в доме – чайник на кухне был горячим! Значит, ушла совсем недавно! Ло взяла запасные ключи от дома (она знала, где они лежат), открыла коридорную дверь, дверь террасы вышла во двор и оглядела его – пусто. В гараже – только одна машина.

Почувствовав тревогу, Ло решила позвонить Джастину, но не стала этого делать, потому что «ошутила» его присутствие и поняла, что он тоже решил навеститься к Елене, и сейчас уже в ее спальне.

В свою очередь Джастин, поняв, что в доме находится только одна Ло, не таясь, вышел в гостиную, где и встретился с идущей к нему на встречу аланткой. Не скрывая волнения, Ло поделилась с ним своей тревогой по поводу исчезновения самки.

– Я потеряла Елену, Джастин! Ты не знаешь, может быть, она у Олега?

– Нет, Елена к нему сегодня не приезжала. Я был у него где-то с час назад. Самец по-прежнему агрессивен, но, по крайней мере, радует тем, что после выписки собирается вместе с женой ехать в нужную нам клинику, в Подмоскowie. Его мудрое решение (Джастин иронично скривил губы) соответствует нашим планам, и это хорошо! Лишь бы только не передумал! Без кольца сложно контролировать действия этого самца! Но надеюсь, что и кольцо в скором времени вернется на его палец! Лишь бы они поскорее оказались в Березовой Роше, а уж там мы будем направлять все их действия в нужном нам русле. Через некоторое время от самца можно будет избавиться. Эта особь агрессивна и непредсказуема. Видимо, в его психике есть какие-то изъяны. Ты знаешь, что он мне сегодня сказал?

Ло вопросительно взглянула на Джастина.

– Что, когда в своем офисе почувствовал себя плохо, то СНЯЛ КОЛЬЦО И ПОЛОЖИЛ ЕГО В СЕЙФ!

– Но это невозможно!

– Вот именно, однако этот мерзкий раб проделывает подобный фокус в третий раз! Каким-то образом он снова снял кольцо и чуть не умер, поэтому и оказался в больнице, в тяжелом состоянии. Однако быстро пошел на поправку! Он на редкость силен и здоров физически. И все-таки... подобная ситуация просто невозможна! Как он решился снять кольцо! Вот это мне непонятно! В моей практике владения рабами подобного не было никогда, да и быть не могло! Так мы всегда считали. По всей видимости, ошибались. Этот раб преподнес нам новый урок общения с животными. Когда появится Клэр, мы особо обговорим эту тему. Но... оставим Олега. Что с Еленой?

– Ее нет дома.

– Она могла отправиться погулять, подышать воздухом. Ты же знаешь, она любит побродить по городу. Позвони ей на сотовый.

– Ее телефон «не отвечает», соединиться невозможно, я пробовала несколько раз. Кстати, и телефон Олега тоже молчит. Интересно, это простое совпадение, или они что-то задумали?

– Не знаю... А ты видела Елену сегодня?

– Я навешала ее дважды... тайно. Она плохо выглядела, и в разговоре по телефону со своим мужем сказала, что будет весь день дома. Я была спокойна, но, вернувшись через час, обнаружила, что «клеточка пуста, а птичка улетела».

Ло подошла к окну и с тревогой посмотрела на бледно-голубое, постепенно затягивающееся серой дымкой небо, как будто действительно хотела увидеть там «птичку», которая «улетела».

– Может быть, она сейчас у Олега? – продолжила она свои предположения. – Ты ушел от него, а она, разминувшись с тобой, подъехала к нему. Кстати, в гараже стоит только одна машина.

– Может быть, может быть... – задумчиво произнес алант, – это несложно проверить.

– Почему-то мне очень тревожно, понимаешь? Очень! – Ло вернулась к Джастину и, нежно обняв, прижалась головой к его груди.

Ничего не ответив, он подумал о «своем», «тайном», «прикрыв» мысли от стоящей рядом с ним Ло.

– Джастин! – отстранившись, Ло заглянула ему в глаза, – ты, как натянутая струна, но твои мысли от меня закрыты. Что-то...

– Ни о чем не тревожься! – перебив ее, быстро проговорил Джастин и, нагнувшись, коснулся губами сначала щеки прекрасной алантки, потом ее руки. – Ты не должна ни о чем беспокоиться! Я просто задумался... прокручивал в голове создавшуюся ситуацию. Давай-ка еще раз более внимательно осмотрим дом и заодно все-таки попробуем соединиться либо с Еленой, либо с Олегом по телефону. Если это не получится, навестим Олега или Сабину и, возможно, от них получим нужную нам информацию. Это не займет много времени.

Ло кивнула головой и уже хотела направиться из гостиной в спальню, как взгляд ее упал на журнальный столик: на его матовой, темно-коричневой с приглушенным бордовым отливом поверхности, рядом с высоким позолоченным витым подсвечником, лежали два небольших прямоугольных пакета. Что это? Запечатанные конверты! На одном четким почерком Елены написано: «Олегу», на втором – «Сабине». Не раздумывая, Ло вскрыла послания и «пробежала» глазами текст. Она еще не произнесла ни слова, а Джастин уже понял, что информация не из приятных.

– Джастин, – произнесла она с расширившимися от ужаса глазами, – Елена прощается и с мужем и с подругой и просит не искать ее! Понимаешь, *прощается навсегда!* Что за нелепость? Что она задумала?

– Скажи лучше, что послужило поводом для принятия подобной «задумки»? И самое главное – какой смысл вкладывает она в свое «навсегда»? – уехать из города, исчезнуть, затеряться в этом огромном мире или... или убить себя? Ты знаешь, что в определенные моменты люди способны на все, даже на такую мерзость, как самоубийство!

Джастин взял из рук Ло письма и внимательно прочитал текст.

– Значит, она не с Олегом и не с Сабиной, – проговорил он. – Значит, она, действительно, задумала что-то весьма решительное. Судя по всему, Елена не вернется в этот дом. Она попросилась с самыми близкими для нее людьми, упомянув при этом и адвоката и завешание.

Джастин коротко взглянул на Ло.

– Неужели Елена что-то заподозрила? – тихо спросила она – Неужели что-то поняла?

В этот момент зазвонил телефон. Ло схватила трубку и, подключившись, услышала детский голос, по тембру которого безошибочно определила – говорит Анвар, один из детей Сабины.

– Алло! Тетя Лена, это я Анвар, здравствуйте!

– Здравствуй, Анвар, – тут же ответила Ло голосом Елены. – Как твои дела?

– Все хорошо. А как вы себя чувствуете, тетя Лен? – вежливо вел Анвар светскую беседу.

– У меня тоже все хорошо, – ответила Ло и, вспомнив, как Елена любит детей своей подруги, добавила, – мой дорогой. Что ты мне звонишь? У тебя какие-то проблемы?

– Нет, тетя Лен, проблем никаких нету, просто мы с Рустамом хотим приехать к вам в гости, прямо сейчас. Можно? Мама сказала вам позвонить, а мы забыли, и уже стоим на остановке. Нам ехать, тетя Лен, или нет? А то, может быть, вы заняты?

– Конечно, приезжайте, ну о чем разговор! Я буду вам очень и очень рада! Во сколько вы будете у меня?

– Да мы уже на остановке, тетя Лен, вон и автобус наш идет... так что мы совсем скоро приедем.

– Хорошо, хорошо, мальчики, жду вас!

Ло отключилась, и Джастин, внимательно посмотрев ей в глаза, спросил:

– Ты хочешь поймать Елену на этих детей, как рыбу на крючок?

– По крайней мере, давай попытаемся. Она их очень любит и... и не позволит, чтобы с ними...

– Конечно, – перебил Джастин, – но таким образом, мы, практически, откроемся перед ней, и тогда она возненавидит нас!

– Ты знаешь другой способ, чтобы вернуть ее?

– Нет, не знаю... другого способа не знаю. Но... ее еще надо найти!

Анфиса встретила Елену около своего высотного дома, показала, где можно поставить машину, и затем они молча поднялись на второй этаж, в ее квартиру. Сняли куртки, сапоги. В этот момент у Елены в очередной раз зазвонил сотовый телефон. Всю дорогу, пока она добиралась до Анфисы, ей настойчиво и упорно названивали то Джастин, то Лола. Елена либо пресекала звонки, либо не отвечала на них.

Сильно нервничая, она в то же время, таясь, с любопытством рассматривала свою новую и странную знакомую – женщину с внимательным взглядом небольших, но выразительных карих глаз, немного тяжеловатыми чертами лица, с гладко зачесанными назад и собранными в тугий узел темными волосами, в которых кое-где тонкими ручейками струилась седина. В черном строгом платье с небольшой ниткой жемчуга на шее и маленькими жемчужными серьгами в ушах ведьма выглядела просто и в то же время элегантно и вообще мало походила на ведьму, больше на солидную respectable даму – неторопливую, немногословную и несколько высокомерную.

Молча кивнув головой, Елена прошла вслед за хозяйкой в небольшую гостиную и, повинувшись приглашающему жесту руки, села на диван.

Внимательно, не выдавая своей тревоги, Анфиса смотрела на высокую красивую стройную женщину, с которой так странно свела ее судьба, и невольно отмечала те изменения, которые произошли с ней за два дня, с момента их первой встречи: лицо осунулось, под глазами легли темные круги, потускнел золотой отлив тяжелой и густой копны волос, схваченной на затылке массивным зажимом. Но самым тревожным было то, что за испуганным, тревожным состоянием Елены Анфиса безошибочно определяла другое – злобное, агрессивное и опасное. Это говорило о том, что существо, поселившееся в ее теле, растет, крепнет и в скором времени может подчинить себе и ее разум, и ее волю. По сути дела, уже подчиняет...

– Анфиса Афанасьевна!

– Да, Елена Михайловна, я слушаю вас.

– Я многого не могу объяснить... я имею в виду, мое состояние... не могу объяснить... я только знаю... – Елена глубоко вздохнула, справляясь со своим волнением, – точно знаю, что моя беременность... в общем, так не может быть... и... и я сама чувствую, что это не мой ребенок, хотя не могу объяснить – каким образом подобное возможно? И вообще, со мной странное происходит! Это меня пугает. Но в таком случае, может быть, мне просто сделать аборт и все? Правда, я сложно представляю себе эту ситуацию!

Руки Елены то сжимались в кулаки, то, находя друг друга, сплетались в такой крепкий «замочек», что белели пальцы, то, расцепляясь, нервно гладили колени.

– Я уже думала об этом, ну... то есть об аборте, сейчас, когда ехала к вам, в машине. Просто сделать – и все! Но... но как я объясню такое решение мужу... и... и моей подруге?! Они знают, что я безумно хочу ребенка! Как я им все это объясню? Они же однозначно придут к выводу, что я... что я просто сошла с ума – и все!

– Елена Михайловна, – тихо и спокойно заговорила Анфиса, – ничего и никому не надо объяснять, тем более что «просто аборт» вам не поможет.

Она села на диван и, положив свою полную белую руку со странным кольцом на безымянном пальце на руку Елены, слегка жала ее, как бы успокаивая и смягчая жестокость своих слов.

– Не поможет, – с грустной уверенностью повторила ведьма, – потому что вы уже... так сказать, заражены этим существом, и вы... вы сами это чувствуете, верно? Это существо не позволит вам сделать «просто аборт», оно будет защищаться, используя в своей защите, прежде всего, – вас! Согласившись на подобную операцию, вы не доведете процедуру до конца. В последний момент вы яростно воспротивитесь ей! А если вам сделать аборт насильно (что, согласитесь, не только весьма проблематично, но попросту невозможно, поскольку ни один врач не будет делать подобной операции без согласия клиента!), но даже если предположить, что сделают насильно, то вы умрете вместе с этим существом.

Елена с ужасом слушала Анфису, не перебивая, не произнося ни слова, только руки стали дрожать, и по спине «поползли» противные «мокрые гусеницы». А ведьма продолжала говорить ровным, тихим и убедительным голосом:

– От мерзкого существа, Елена Михайловна, надо избавиться и как можно быстрее, иначе оно полностью подчинит вас себе. Через некоторое время – возможно завтра, или послезавтра, или через неделю – вы изменитесь, и тогда уже вам не поможет никто и ничто. Вот это будет действительно конец.

Она вздохнула и, приветливо улыбнувшись, сказала буднично и успокаивающе, как врач нервному больному на приеме:

– Вы сейчас посидите немного, успокойтесь, придите в себя, настройтесь на... ммм... определенную процедуру, настройтесь на то, что эта процедура будет, скажем так, немного странной для вас. Приготовьтесь к этому и ничего не бойтесь. Я все время буду рядом с вами. Все будет хорошо. Я приложу все усилия, чтобы все было хорошо, – с нажимом произнесла Анфиса последнюю фразу.

– И как же вы собираетесь избавить меня от этого... от этого ужаса? – прошептала Елена.

Анфиса услышала в этом шепоте страх и обреченность.

– Я не могу объяснить вам это и даже, если бы начала объяснять, вы вряд ли бы меня поняли. Это, Елена Михайловна, особые знания. Кроме того, мне будет оказана помощь. Очень серьезная и весомая помощь! Но и вы должны помогать мне! Сущность, сидящая в вас, еще не имеет над вами полной власти, и вы должны изо всех сил противиться ее влиянию! Изо всех сил! Если вы внутренне, психологически, сломаетесь и перейдете на ее сторону, то все усилия будут тщетны. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, кажется, понимаю... у меня уже были моменты, когда я ... (перед глазами Елены тут же «предстали» куски окровавленной печени, которую она с жадностью запихивает себе в рот, промелькнули кровавые видения, нахлынувшие на нее в палате Олега и во время разговора с адвокатом), когда я... боролась...

Она закрыла лицо руками и замолчала. Анфиса нежно погладила Елену по спине, по плечам и, слегка прижав ее к себе, ласково, «родным» голосом, сказала:

– Мы справимся, Леночка, мы обязательно справимся, только будь сильной и помоги мне, моя хорошая, ладно?

– Да, да! Как можно быстрее! Я устала, устала от своих кошмаров!

Елена нежно погладила руку Анфисы и, заглянув ей в глаза, решительно произнесла:

– Я готова. Я готова на все и ко всему. Идемте! Что я должна сейчас...

В этот момент снова зазвонил ее сотовый телефон. Недовольно поморщившись, она взглянула на высветившийся номер и замерла в изумлении.

– Что случилось, Елена Михайловна?

– Кто-то звонит мне *из моего дома*, растерянно произнесла она. – Но оттуда *некому звонить!* Муж в больнице. *В доме никого нет!* Уходя, я закрыла все двери! Странно!

– Действительно, странно, – с тревогой в голосе произнесла Анфиса Афанасьевна.

Сжав руку ведьмы, в которой Елена ошущала сейчас определенную поддержку и опору, она не просто подключилась к разговору, но нажала кнопку громкой связи, чтобы этот разговор был слышен и Анфисе. И тут же зазвучал голос Лолы, но не обычный, беззаботный и воркующе-нежный, а незнакомый – жесткий и властный:

– Елена, не отключайтесь! Я с трудом дозвонилась до вас! Разве можно так пугать своих друзей!

– Лола... – в замешательстве произнесла Елена, удивленная, что та разговаривает с ней в столь резкой форме. – Что вы делаете в моем доме? Как вы туда попали?

– Как я в него попала, расскажу вам при встрече. Где вы сейчас находитесь?

Раздраженная тоном собеседницы, Елена хотела ответить резко и прервать звонок, как вдруг услышала фразу, в буквальном смысле слова, пригвоздившую ее к дивану:

– Не вздумай отключиться! – тихо и страшно проговорила Лола. – Немедленно возвращайся домой! Немедленно! Нам с тобой предстоит серьезный разговор! И знай: если ты не выполнишь моей... *просьбы*, – последнее слово Ло произнесла с откровенной иронией и скрытой угрозой, – то с детьми твоей подруги Сабины, которых ты так любишь (ехидно «подчеркнула» слова «так любишь»), может случиться беда.

– Какая беда? – еще путем не осознавая, что случилось, произнесла вконец растерявшаяся Елена. – При чем тут дети Сабины? Что вы такое говорите, Лола? В чем дело? Я ничего не понимаю!

– А вам сейчас и не надо ничего понимать, милая Елена Михайловна. Вам надо просто-напросто как можно скорее вернуться домой. У вас в гостях дети Сабины – Анвар и Рустам, так, кажется, зовут этих милых ребятешек? Анвар! – Елена услышала, как Лола приветливо зовет мальчика, – подойди сюда на минутку, с тобой тетя Лена хочет поговорить.

– Тетя Лена, – зазвенел в трубке голос старшего сына Сабины, – мы вас ждем. Вы скоро приедете?

– Да, милый, да, скоро... – пролепетала Елена, и тут же снова услышала голос Лолы:

– Беги, Анварчик, беги, поиграй с Рустамом, тетя Лена скоро приедет, – и вновь с металлом в голосе, обращаясь к ней:

– Мы с Джастинином очень приветливо встретили этих мальчиков, и сейчас они сидят в вашем кабинете, за компьютером, играют в какую-то игру и, как вы уже поняли, с огромным нетерпением ждут вас. Мы сказали им, что тетя Лена на полчаса отъехала по срочному делу и скоро вернется. Нельзя обманывать детей! Верно? Так что мы вас ждем. Не задерживайтесь! И помните: пока все прекрасно! *Пока...* Но если в течение получаса вы не вернетесь, то...

– То что тогда?

– То тогда ваша подруга Сабина больше никогда не увидит своих детей.

Елене показалось, что она ослышалась. От волнения гулко и громко застучало сердце. Этот стук отдавался в висках, в затылке, в кончиках пальцев, сжимавших трубку. Боже мой! Что говорит ее милая, приветливая, интеллигентная знакомая Лола? Что это – дурная шутка?

Елена в растерянности посмотрела на Анфису, которая напряженно слушала странный телефонный разговор и которая уже поняла: их ловко поймали в капкан.

– Нет... нет, я приеду сама. Только чтобы дети...

– Не волнуйтесь, Елена! Будьте осторожны, берегите себя, но, повторяю, не задерживайтесь! Мы вас очень и очень ждем! Ничего страшного не случилось, просто надо поговорить, но разговор будет весьма серьезным и важным. Повторяю, мы вас очень ждем!

Отключившись, Елена схватила за руку Анфису и с истеричными нотками в голосе громко произнесла:

– Я все поняла! Я только что все поняла! Какой ужас!

Анфиса удивленно приподняла брови:

– Что вы поняли, Елена?

– Эти люди, Джастин и Ло... они охотятся за моими деньгами!

– Какими деньгами? – спросила озадаченная таким выводом ведьма.

– Моими! Я недавно стала очень богатой женщиной! Очень! Видимо, они узнали об этом... ну, о том, что я скоро получу миллионы, и поэтому они... это... как это называется у преступников, – Елена вопросительно взглянула на Анфису и тут же сама себе ответила, – они «пасли» меня, вот! Эти двое уже давно за мной следят! Теперь

я все поняла: они специально спасли Анвара, чтобы стать моими друзьями! Они, видимо, из какой-то банды или как там это у них называется, я не знаю... Может быть, даже никакие они и не иностранцы, а просто хладнокровные и жестокие преступники. Им нужны мои деньги – вот и все! Поэтому они захватили детей! Ужас! Господи, что делать? Пропади они пропадом, эти деньги, лишь бы с детьми все было хорошо!

Елена кинулась в прихожую (Анфиса следом) и стала быстро натягивать на ноги сапоги.

– Я должна срочно вернуться домой! Вы же понимаете? Сейчас самое главное – спасти детей!

– Конечно! Вам не оставили выбора! Елена, успокойтесь, возьмите себя в руки! Я еду с вами. Одевайтесь, я буду готова через минуту.

Метнувшись в свой кабинет, Анфиса наклонилась над водой, крутящейся в хрустальной чаше, и прошептала несколько слов. Затем в голос произнесла:

– Будь со мной! Я позову!

По комнате тут же загулял ветер, как от взмаха огромных невидимых крыльев. Удовлетворенно кивнув, Анфиса отправилась одеваться.

Забрав Олега, который по дороге рассказал ему о ненормальном поведении Ритки, Умид, подумавший про себя, что и сам-то Олег последнее время был, мягко скажем, «не в себе», решил сначала заскочить на несколько минут в офис, а уж потом отвезти друга назад, в больницу.

Олег, как пацан, обрадовался такому решению, поскольку палата надоела ему до чертиков!

Сначала, выйдя от Ритки, он сильно психанул, но, погуляв минут пять-семь по скверу (в ожидании Умида) и обдумав сложившуюся ситуацию, пришел в хорошее расположение духа.

Во-первых, Ритка жива, и это уже, как говорится, слава богу! Хорошо и то, что к нему она больше вязаться не будет, потому что нафантазировала сама себе по поводу их отношений черт те что и с боку бантик и сейчас люто его ненавидит. Тоже прекрасно! Получается, он нормально расстался с весьма и весьма проблемной девочкой, а ему сейчас никакие проблемы на фиг не нужны! Никакие! Правда, жаль ее немного – с башкой не все в порядке – но это уже не его забота! Главное – жива, и – камень с души! А то ведь мысли по этому поводу были всякие...

Олег вздохнул, передернул плечами, как бы отгоняя от себя «всякие мысли», и закурил.

Во-вторых, он теперь богат! А в-третьих, Олег ошущал возвращающуюся к нему силу и энергию, и это тоже было очень и очень приятно!

Хорошо! У него все будет хорошо! Как задумал – так и будет!

Олег решил позвонить Елене. Активизировав ее номер, он услышал сигнал вызова, который через некоторое время прервался. Не дай бог, что с женой? А то... то ли оформила она свое завешание как полагается, то ли нет? Будет потом морока! Да и вообще, все-таки мать его ребенка... тревожно.

38

– Кто звонил? – спросила Анфиса, ловко управляя машиной. Она не пустила Елену за руль, учитывая ее напряженно-нервное состояние.

– Олег... мой муж...

– Может быть, стоило ему ответить и даже позвать на помощь? – ведьма искоса взглянула на бледное осунувшееся лицо молодой женщины.

– Не могу... – покачала головой Елена. – Три дня назад он чуть не умер. Только-только пошел на поправку. Мне его лечащий врач сказал: никаких перегрузок и сильных волнений! Поберегите вашего мужа! Поэтому... как я ему сейчас об этом скажу? Нет... скорее домой! Я приму любые условия, лишь бы эти... эти... – не находя «этим» нужного определения, Елена, поджав губы, снова покачала головой и закончила, – эти дряни отпустили детей! Честно говоря, я сейчас больше всего на свете

боюсь звонка от Сабины. Что я скажу своей подруге?! Господи, помоги мне спасти мальчишек! Это же только подумать – друзья оказались бандитами!

Бандиты... – с горечью подумала Анфиса, – если бы просто бандиты, то она и одна бы с ними сейчас справилась. Это для ведьмы не проблема! Такое бы им устроила – через годик бы только вспомнили, как их зовут! Нет, милая моя Леночка, к сожалению, это не бандиты, гораздо хуже, гораздо... только говорить я пока тебе об этом не буду, потому что с твоей стороны тут же возникнет не только множество вопросов, но и недоверие – какие вампиры! что за глупость! и все в таком духе. Нет, об этом пока нельзя. Анфиса снова искоса взглянула на Елену и спросила:

– Сейчас как лучше проехать – прямо или повернуть?

– Лучше повернуть направо. Так ближе.

Анфиса кивнула головой и, перестроившись в правый ряд, включила «поворотник».

– Елена, я могу оказаться в вашем доме незаметно? Есть у вас черный ход?

– Ну... как такового черного хода нет, но можно через гараж незаметно подойти к двери, ведущей в погреб, в подвальное помещение под домом. Из подвала можно легко попасть в чулан, в такую маленькую комнату между кухней и террасой. Гараж я вам сейчас открою – он у нас и с улицы открывается и со двора.

– А подвал?

– Сейчас.

И Елена, открыв сумочку, достала из нее небольшую связку ключей, закрепленную на одном кольце, сняла нужный и протянула Анфисе. Помолчав немного, она спросила с надеждой в голосе:

– У вас появился какой-то план?

– Я думаю, Лена, мы все будем решать с вами на месте. Просто, на всякий случай, нам следует появиться в доме порознь. А там посмотрим. Но помни – я рядом и приложу все силы, чтобы...

– Прежде всего, надо спасти детей!

– Конечно! Сейчас ваша задача – быть сильной. Это не громкая фраза, это действительно так. Больной выздоравливает гораздо быстрее, если верит в свое выздоровление, если борется за свою жизнь. Это вам подтвердит любой врач. Это аксиома, не требующая доказательства. Вы сейчас в той же ситуации. Вы – больны, и потому должны бороться за свое выздоровление. Я вам уже говорила и повторяю еще раз: если вы ломаетесь внутренне, психологически, то все пропало. Тогда я не смогу вытащить вас из этой беды. Соберитесь, сопротивляйтесь изо всех сил. Вы сможете, вы – крепкая, здоровая и сильная духом женщина. Другая на вашем месте уже бы, действительно, сошла с ума. Не случайно мормо выбрали именно вас.

– Мормо? Кто это такие? – с ужасом в голосе спросила Елена, повернув свое бледное лицо к Анфисе. В ее глазах, казавшихся сейчас темно-серыми, в тон вечернего зимнего неба, застыла тревога и ожидание «очередной беды».

– Не сейчас. Это долгий разговор. Сейчас наша с вами задача – победить! И мы это сделаем.

И уже с нажимом в голосе, как бы гипнотизируя свою спутницу, настраивая ее на определенную линию поведения, Анфиса четко и размеренно повторила последнюю фразу:

– Вы слышите меня, Елена Михайловна, мы обязательно победим! Мы обязательно это сделаем! У нас нет другого выбора. Вам надо быть сильной!

Через несколько минут, свернув с центрального проспекта на тихую улицу, уводящую вглубь добротных построек частного сектора, они подкатили к нужному дому и остановились. Выйдя из машины, Елена открыла ворота, ведущие в гараж. Ободряюще кивнув ей головой, Анфиса исчезла в сумраке длинного и неосвещенного помещения.

Прикрыв гараж, но, не замыкая его на ключ, Елена направилась к другим воротам и вошла во двор. Окна террасы были освещены.

Судорожно рванув на себя входную дверь, Елена быстро вошла в дом.

Постояв несколько секунд (не стал ли ее дом западной, как тот жуткий замок из жуткого сна?), она решительно пересекла террасу и, открывая следующую дверь, ве-

душую в квадратную прихожую, с одной стороны которой находились кухня и чулан, а с другой – ванная и туалет, крикнула срывающимся от волнения голосом:

– Анвар, Рустам! Где вы?

Анфиса, стоящая за дверью, в чулане, почувствовала и страх, и решимость в звенящем от волнения голосе Елены, и тут же услышала ответ на ее вопрос, произнесенный голосом приветливым и даже радостным:

– О, наконец-то! Добрый вечер, Елена Михайловна! Рад видеть вас живой и здоровой! А мальчики сидят за компьютером, играют в какую-то игру, – спокойный баритон Джастина, в прямом смысле слова, ласкал слух, обволакивая, очаровывая. Его высокая стройная фигура в темных брюках и белоснежной рубашке замерла в раме двери, ведущей в основную постройку дома, как в портретной раме. – Чем вы так взволнованы? Все в порядке, а самое главное – *вы* в порядке, – выделил он голосом местоимение «вы». – Надо сказать, что ваше отсутствие серьезно испугало нас с Лолой!

Елена, настроившаяся на «другие слова» и другой «прием», свойственный вымогателям-бандитам и известный ей по детективным сериалам, растерялась и в первую минуту не нашлась что ответить.

– Леночка, да что с вами? Что вы смотрите на меня так, как будто я черт с рогами! Давайте я помогу вам снять полушубок и сапожки, поухаживаю за вами, пока рядом нет ни вашего мужа, ни моей жены, – с обворожительной улыбкой и шутивно-заигрывающими интонациями в голосе произнес Джастин, направляясь в сторону Елены.

– Нет, нет... не надо... спасибо... я сама, – отшатнулась Елена от вышедшего из «рамы» мужчины. – Где дети? Я хочу видеть детей! Ваша жена... Она так разговаривала со мной по телефону! Она такое говорила! И вы... вы тоже...

– Е-ле-на Михайловна! – нараспев произнес Джастин и в его «бархатном» голосе послышались укоризненные нотки, – а как бы вы разговаривали на нашем месте, если бы нашли странные и страшные по своей сути записки? Мы ведь с женой решили, что вы собираетесь покончить жизнь самоубийством – ни больше, ни меньше! И чтобы помешать этому непоправимому ужасу придумали ситуацию с детьми, которые как раз в это время пришли к вам в гости. Я по некоторому личному опыту знаю, что людей, собирающихся совершить самоубийство, может «выбить» из рокового настроения только нечто экстраординарное. Ну, вот мы и придумали с Лолой, что могли... вы уж извините...

– Интересно, – с долей ехидства произнесла Елена, – как же вы с Лолой попали в мой дом?

– Да ничего интересного тут нет, – скрестив на груди руки и иронично усмехнувшись, ответил Джастин, став в этот момент удивительно похожим на Байрона (по крайней мере, именно такая ассоциация мгновенно промелькнула в голове Елены), – дело в том, что, покидая дом, вы элементарно забыли запереть двери. Все было открыто, и это тоже испугало нас, поскольку явно говорило о вашем... мягко сказать... э-э... взволнованном состоянии.

– Не может быть! – неуверенно произнесла Елена, с удивлением слушавшая Джастина и лихорадочно пытавшаяся вспомнить – закрыла она дом, отправляясь к Анфисе, или нет? Или действительно, находясь «в взволнованном состоянии», забыла это сделать? Но ничего не вспоминалось, в голове была полная каша, упрямо лезли какие-то дурацкие и совершенно не относящиеся к делу мысли, путающие и мешающие сосредоточиться.

– Однако вскрывать чужие письма, – снова заговорила она...

– Я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать, – перебил ее Джастин, – но мы с женой сделали это исходя из сложившейся тревожной ситуации и, я думаю, правильно сделали. Вы, извините, и сейчас еще как бы немного не в себе. С беременными женщинами такое бывает. Ваш муж в больнице, а мы в определенной степени ответственны за вас, поскольку считаем себя вашими друзьями. Разве это не так, милая Елена Михайловна!

– Что он говорит, господа, что он говорит? – думала вконец запутавшаяся в «тревожной ситуации» Елена, – я сейчас с ума сойду!

– Где дети? – произнесла она напряженным голосом, почувствовав, что теряется и буквально тонет в завораживающе-спокойных, зомбирующих ее звуках «бархатного» баритона.

– Да ну что вы в самом деле! – Джастин развел руками и, укоризненно покачав головой, отошел в сторону, сделав рукой приглашающий жест, как будто это он, а не Елена, был хозяином этого дома. – Пройдите в кабинет. Они не слышат нас, у них там вовсю стрельба идет! Игры детей сейчас странные: сплошное насилие, убийства, драки...

Не дослушав его, Елена метнулась в коридор и открыла дверь, ведущую в кабинет. Ребята, действительно, ничего не видя и не слыша, увлеченно играли в «стрелялку».

– Мальчики! – с облегчением в голосе произнесла Елена.

Анвар и Рустам одновременно, как по команде, повернули свои головы на звук раздавшегося голоса и радостно, хором, воскликнули:

– Тетя Лена пришла!

Рустам первым соскочил со стула и кинулся к Елене, обняв ее, прижавшись к ее груди своей взлохмаченной головой. Нагнувшись, Елена с жаром обняла его и ласково чмокнула в душистую копну густых, темно-каштановых, выющихся волос. Анвар подошел степенно (он ведь не маленький папан, не то что его братец – мелюзга-попрыгунчик!) и вежливо поздоровался. Обняв подростка за плечи, Елена, уважая его «взрослость», слегка коснулась губами виска.

– Слава Богу, живы и здоровы! – пронеслось у нее в голове. Теперь следует немедленно отправить их домой. Сама отвезу, – решила она, – и никто и ничто меня не остановит!

– Тетя Лена, мы тебя так ждали, так ждали! Мы приехали, а тебя нет, – ласково заглядывая ей в лицо своими огромными карими глазищами, опущенными густыми ресницами, тараторил Рустам. – А дядя Джастин разрешил нам на компьютере поиграть. А мы тебе подарок с Анваром купили. А ты все не едешь и не едешь!

– Не «ты», а «вы», – строго поправил его Анвар и, не удержавшись, слегка шелкнул братишку по лбу.

– Чо ты лезешь? – тут же взвился Рустам. – Я тебе и сам могу по лбу дать, понял!

– Тише, тише, мои хорошие, не надо ссориться. Извините меня, что я задержалась, у меня сейчас... – Елена замялась, не зная, что сказать, и буквально физически ошущая спиной пристальный и нехороший взгляд Джастина, – у меня сейчас... кое-какие дела, проблемы... не обижайтесь на меня, хорошо. Сейчас я провожу вас домой, но обещаю... – Елена поперхнулась на этом слове – что она сейчас может обещать! В ее-то положении! И тем не менее снова повторила, – обещаю, что если у меня... все будет хорошо, я обязательно, обязательно устрою вам день расчудесного отдыха. Хорошо?

– Хорошо! – снова хором ответили пацаны.

– Да мы не обижаемся, тетя Лен, мы все понимаем, не маленькие, – солидно ответил Анвар, – вы только здоровье свое берегите, а то мама за вас волнуется.

– Спасибо, родной, спасибо! И за подарок вам огромное спасибо! – Елена почувствовала, как начинают закипать слезы и, судорожно сглотнув, подавляя свое волнение, повернулась вместе с мальчиками лицом к двери, в проеме которой вновь, как испанский кабальеро на картине, стоял Джастин.

– Я сейчас отвезу мальчиков домой, – жестким, не терпящим возражения голосом произнесла Елена.

– Да кто же возражает, Елена Михайловна, – усмехнулся алант, внимательно рассматривая заострившиеся черты лица стоящей перед ним женщины. Она сейчас просто удивительно была похожа на Тану, что в очередной раз вызвало волнение в душе Избранного. Ведь это же надо такому быть! Какая «игра» Великих Богов! Самка животного и внешне, и в гордой и независимой манере поведения почти идентична алантке! Даже в том, как она сейчас вскинула голову и, сжав губы, смело и дерзко взглянула на него! Невероятно! – Давайте вместе отвезем ребятшек домой, – продолжал говорить он ласково и в то же время немного насмешливо, – дорога трудная, а вы взволнованы, да и, по всей видимости, плохо себя чувствуете.

– Теть Лен, да мы сами доедем, не маленькие же! Да и ехать-то тут – пятнадцать минут – и мы дома, – стал возражать Анвар.

Раздался мелодичный звонок. Анвар вытащил из кармана сотку и, подключившись, услышал тревожный и немного сердитый голос матери:

– Анвар, где вы с Рустамом ходите? Почему на звонок не отвечаешь?

– Мама, – заговорил подросток взволнованным голосом, – мы у тети Лены, в гостях. Извините, но я не слышал вашего звонка, вот сейчас услышал и подключился. У нас все в порядке, только вот...

– Анварчик, не говори ничего маме, – быстро проговорила пришедшая в себя Елена, – не надо ее пугать, ладно? дай мне трубочку!

Она быстро провела ладонью по лицу, стирая слезы, и, стараясь сдержать свое волнение, проговорила:

– Сабиночка, дорогая, здравствуй!

– Ой, Ленуся, привет! Все не выберусь к тебе никак! Завалилась работой по самую макушку. Как ты там?

– Да ничего... нормально... только иногда голова сильно кружится, а так ничего, спасибо... – произнесла Елена, стараясь говорить ровным и спокойным голосом.

– Не устала ты там от моих орлов? Давай, гони их домой, а то бабушка уже ворчит.

– Что ты, Сабиночка, пацаны твои – чудо! Ты же знаешь, как я их люблю! Не волнуйся, сейчас я их привезу. Через полчаса они будут дома, не волнуйся!

– Да я и не волнуюсь. Ты сама-то не ездил, Лена, дороги-то сейчас ужас какие! Я еле-еле с работы до дому добралась. Транспорт не едет, а ползет, каша под колесами. Снег опять лепит всюду. Только вроде бы потеплело и на тебе – опять двадцать пять. Так что сама не ездил, вызови такси и позвони мне, хорошо? А я их около дома встречу.

– Хорошо, хорошо, Сабиша, ты не переживай, они скоро будут. Целую тебя! Пока.

Отключившись, Елена отдала Анвару телефон и, через силу улыбнувшись, произнесла, глядя на мальчишек:

– Ну, мои хорошие, напугала я вас, да? Что-то плохо мне стало, голова закружилась, вы уж меня простите!

– Да что вы, тетя Лен, – с заботой в голосе проговорил Анвар, – вы главное, выздоравливайте!

– Ничего, ничего, все будет хорошо, – бодрым голосом произнес Джастин, – ну, давайте, мальчишки, одевайтесь, и я отвезу вас домой.

– Я поеду с вами, – тихо, но решительно проговорила Елена.

– Хорошо, хорошо! Кто же возражает! – улыбнулся Джастин и, как бы сдаваясь, поднял обе руки вверх, – прокатимся по снежку. Погода чудесная!

В этот момент громко хлопнула дверь террасы, и раздался веселый голос Олега:

– Леночка, твой муж приехал тебя проведать!

Выбежав на террасу и увидев Олега и Умида, Елена так обрадовалась, что кинулась к мужу на шею и, обняв его, крепко поцеловала в щеку, приятно пахнущую щеку. Олег, искренне удивленный подобным поведением супруги, всегда сдержанной и немного холодноватой (особенно на людях), тоже крепко обнял жену и, прижав к себе, подумал: «Ну надо же, какая страсть! Неужели так соскучилась!»

– Олег, – опомнившись, Елена отодвинулась от мужа и с удивлением в голосе спросила:

– Ты что, из больницы сбежал что ли? Умид, как вы ему это позволили?

Умид засмеялся и пожал плечами, а Олег ту же ответил:

– Ну, во-первых, *не сбежал, а отлучился*, поскольку очень и очень переживал за свою дорогую женушку, – притянув к себе Елену, он нежно поцеловал ее в висок. – А во-вторых, Умид – *мой друг*, а не *друг моих врачей*, так что твои претензии к нему по поводу моего побега – пф-ф! (и Олег развел руками, как бы демонстрируя это «пф-ф»!). Между прочим, стоит подумать: может быть, мне сегодня и вовсе туда не возвращаться, а? Надоело мне там – жуть! Позвоню-ка я сейчас дежурному врачу и

отпрошусь на ночь: приму ванну, поужинаю, посмотрю телевизор, и вообще, проживу этот вечер, как нормальный человек, а утром Умид отвезет меня обратно в мою белокаменную тюрьму. Ну, что, как вы...

– Олег, Умид, у меня к вам огромная просьба, – перебила Елена мужа. Ее мысли были заняты только одной проблемой – доставить мальчишек домой в целости и сохранности. Несмотря на сладкий голос Джастина и его джентльменское поведение, она внутренне чувствовала в нем фальшь и что-то еще – опасное и страшное – и, боясь подвоха со стороны иностранца (а возможно, просто бандита, выдающего себя за иностранца!), сильно нервничала. – Давайте отвезем мальчишек домой! Сабина уже сильно волнуется, да и погода вон какая! Надо отвезти ребят домой и передать в руки матери. Пожалуйста, давайте поедем прямо сейчас!

– Ну, Леночка, – усмехнулся Умид, – зачем же целой бригадой-то ехать? Поскольку я сегодня работаю арбакешем у своего любимого друга и начальника, уважаемого Олега ибн Владимировича, – Умид прижал правую руку к груди и сделал шуточный полупоклон, – то я уж сам отвезу мальчишек домой, а наш больничный беглец пусть немного полежит, а то он что-то чрезмерно расхрабрился, а сам уже бледненький какой-то... Как бы рецидива не было!

– Да, да... конечно, я им сейчас займусь! – с тревогой в голосе, но с радостью в сердце подхватила эту идею Елена, – Спасибо вам большое, Умид, даже не знаю, как мне благодарить вас!

– Да ну что вы, Леночка, – удивленно вздернул свои смоляные брови Умид, – какая уж тут особая благодарность, бог с вами! Ну, пацаны, – обратился он к переминающимся с ноги на ногу мальчишкам, – говорите всем «до свидания» и айда за мной!

– Как только будете дома, обязательно мне позвоните, хорошо? – торопливо проговорила Елена, слегка погладив мальчишек по спине и плечам. Она не рискнула обнять их, памятуя, что с ней недавно случилось. (Она больна! Опасно больна! Поэтому подальше от детей!)

– Заезжать за тобой, Олег, или не надо? – спросил Умид.

– Я тебе позвоню. Сейчас перетру это дело с дежурным врачом и перезвоню тебе, хорошо? Пойдем, прожову!

Кивнув головой, Умид вместе с мальчишками исчез в снежном сумраке двора.

39

Проложив Тропу к нужному зеркалу, Ло, «не проявляясь», внимательно осмотрела комнату – никого. Прислушалась – тихо. Оказавшись в комнате, втянула тонкими ноздрями воздух – квартира явно жилая и помимо запаха Ритки, который Ло помнила очень хорошо, присутствовал и другой, незнакомый ей. Обойдя все комнаты, она убедилась – здесь живут: запах человеческих тел свежий, сильный, устойчивый. Эти животные были здесь совсем недавно, сейчас куда-то ушли, значит, вернутся.

Телефонную книжку, так же как и телефонную трубку Ло нашла на кухонном столе. Поморщившись от присутствующих в этой комнате запахов (какую все-таки гадость едят эти люди!), Ло, перейдя в гостиную, внимательно просмотрела все записи, но ни телефона, ни адреса ведьмы не нашла. Ничего, главное, нашла хозяйку этой квартиры! Тоже неплохо! Не стоит выпускать из виду эту самку: сильная, здоровая, крепкая, она еще может пригодиться... (и в голове Ло в секунду промелькнули различные варианты этого «пригодиться»). Да и в разговоре об Анфисе подруга Елены ссылаясь именно на Ритку, значит, Ритка знает, где живет эта ведьма, значит, узнает и Ло: вернется сюда еще раз и узнает. А теперь назад, в дом Елены, к Джастину! Интересно, вернулась эта беглая самка или нет?

Какая неустойчивая психика у этих людей! Как непредсказуемы они в своих поступках! Вчера все было прекрасно: они с Джастином накормили Елену, и ее организм *принял нормальную пищу!* Это уже была победа! Сегодня утром самка выглядела немного вялой (для ее состояния это нормально). Выпроводив адвоката, спокойно

легла в постель, уснула, а после обеда исчезла из дома, оставив ужасные записки! Никакой логики в действиях! Никакой! С другой стороны, какой логики ждет она от «низших»? Животные они и есть животные, и им никогда не стать Избранными!

Анфиса, «настроившись слушать», слышала все. В сложный момент поддержала Елену, помогла ей справиться с критической ситуацией. Эти «критические ситуации» настораживали Анфису все больше и больше. В такие минуты близость вампиров особо опасна для Елены: они постараются спровоцировать ее на страшные действия.

– Будем надеяться, что не случится, – тихо прошептала Анфиса.

Сейчас ситуация вроде бы выравнивается: дети покинули дом, и ведьма почувствовала – какой камень свалился с души Елены. Если бы сейчас вампир, которого она называет Джастином и искренне принимает за иностранца, тоже покинул дом, то Анфиса тут же увезла бы Елену к себе, чтобы выполнить задуманное. Это «задуманное» надо как можно быстрее претворить в жизнь! В данной ситуации время – их враг. Муж Елены, Олег, для них не препятствие: ведьме ничего не стоит усыпить его, сотворив ему ночь без сновидений. А сейчас надо еще подождать и послушать...

Проводив Умида, Олег быстро вернулся, не желая оставлять жену наедине с Джастином, и был приятно удивлен, увидев Лолу, Значит, этот английский мэн все-таки ведет себя по-джентльменски: к чужим женам ходит со своей женой. Ну что ж, уже хорошо!

Елена же была просто удивлена неожиданным появлением Лолы! Почувствовав это «удивление», Ло, мило улыбаясь, тут же объяснила, что, сильно нервничая по поводу исчезновения Елены и устав от ожидания, прилегла в гостиной, на диване, и не заметила, как уснула, причем, уснула так крепко, что даже не слышала, как вернулась хозяйка дома. Ах, как она переживала, как переживала!

На удивленный вопрос Олега, – «По поводу какого исчезновения Елены идет речь?» – она сухо ответила, что все объяснит мужу потом, а сейчас очень устала и собирается принять ванну и лечь в постель. Это был откровенный намек на то, что гостям пора и честь знать.

Весь этот разговор Елена вела, стоя на террасе, специально не приглашая ставшую неприятной ей супружескую пару в гостиную.

Поняв это, Джастин коротко и как-то странно взглянул на Ло (Елена «поймала» этот «странный» взгляд, и он только усилил ее тревогу) и тихонько кивнул головой, как бы соглашаясь с «намеком» хозяйки. Ло тут же ласково зашебетала, прощаясь.

Все вроде бы складывалось удачно, но Анфиса, внимательно «следившая» за ситуацией, подобно Елене, ошутила нарастающую тревогу...

«Странный» (по мнению Елены) взгляд Джастина в сторону Ло сопровождался посылом банальной мысли о том, что, не усыпив эту пару, аланты не смогут выйти из дома, поскольку явились в него с помощью Тропы и потому раздеты. Трудно представить себе удивление людей, наблюдающих, как гости, не надев ни курток, ни шуб, ни пальто, отправляются по зимней стуже домой.

Аланты уже собирались «поработать» над Олегом и Еленой, как вдруг все резко и страшно изменилось.

Огромное зеркало, вправленное в центральную стену шкафа-купе, затуманилось и пошло мелкой рябью. Замерев, Джастин и Ло уставились на «проход», не понимая, что происходит. Оба чувствовали, что это не Клэр (да Клэр и не стала бы так появляться в данной ситуации!), но тогда кто? Ответ на свой вопрос они получили буквально через несколько секунд.

Ошеломленные игрой зеркала Елена и Олег с нарастающим ужасом наблюдали, как в затуманившемся и странно мерцающем «полотне» проявилась высокая человеческая фигура и... (О УЖАС!!!) шагнула к ним в комнату!

Резко побледнев, Олег в испуге отшатнулся. В его помутившемся от страха сознании мелькнула жуткая мысль: вот она, Его Смерть! Вот она, Белая Мамбу! Прекрасная Мамбу! Чертов колдун!

Елена же, схватившись обеими руками за голову, закричала – пронзительно и жутко. Тут же перехватило горло, и она, захрипев, замолчала, застыв взглядом на «странной гостье», явившейся из зеркала!

– Тана! – в один голос воскликнули Джастин и Ло. Ло – с искренним удивлением, Джастин – с ужасом. В ту же секунду он понял, почему Богиня оставила его в покое? Осознав, что алант никого не приведет к ней, она использовала уже имеющийся у нее «подручный материал», внедрив Часть Себя в пленную алантку.

Аланты крепче людей. Они иначе устроены, их клетки постоянно обновляются, регенерируются, обеспечивая вечную молодость и абсолютную защиту от окружающей среды. Они не знают, что такое болезни, не чувствительны ни к жаре, ни к лютым морозам. Богиня правильно просчитала: уникальная оболочка Таны какое-то время послужит защитой крепнувшей и разрастающейся Части внутри нее; для этого Богине не обязательно иметь именно беременную особь.

– Клэр!!! – в мощном мысленном «вопле» Джастина соединились воедино отчаяние и ужас. – На помощь!!! Клэр!!!

«Услышав» этот отчаянный зов, Ло, не раздумывая, тут же присоединилась к нему, и уже вместе с Джастином на древнем языке алантов призывала Посвященную.

В эти роковые секунды Джастин понял, что не знает, как справиться с сложившейся страшной ситуацией.

Существо, стоящее сейчас посередине террасы и внимательно разглядывающее их, как бы примеряющееся к чему-то, имеет только внешний облик Таны. Но это уже не Тана! Это жуткое ОНО, и это ОНО уничтожит измерение «Земля», выжмет его, как сок из граната, превратив в безжизненное «нечто», подобное миру Зазеркалья. Безликая и многоликая Богиня, дорвавшись, наконец, до столь желанной «пищи», получит полную власть над этим миром, заглатывая существующие в нем виды энергии, стирая и уничтожая все и вся, в том числе и алантов. Это конец!

– Ло! Ее надо остановить! Ее надо уничтожить!

– Как?!

– Не знаю! Но она очень-очень опасна!

«Тана» сделала движение в сторону Джастина и вдруг остановилась, замерла... Перевела взгляд на Ло и снова на Джастина... На ее прекрасном лице отразилось нечто, похожее на муку, на «узнавание»...

Заметив это, алант тут же обратился к ней на языке их цивилизации – нежно, ласково, с любовью. «Тана» замерла, вслушиваясь в чарующую мелодию речи.

Джастин явно ошущал, как *алантка* борется в ней с инородным и страшным «нечто», и, надеясь на чудо, говорил, зывал, умолял...

Елена и Олег, пребывающие в трансе от всего увиденного, теперь были потрясены еще и теми звуками, которые издавал их «знакомый иностранец». Что это? Господи, Боже мой, что это? Что происходит с ними и в их доме?

В этот момент кто-то коснулся руки Елены, и она, отшатнувшись и резко вздрогнув, увидела Анфису, о которой совершенно забыла, закрученная потоком странных событий. Ведьма встала перед ней, раскинув в сторону руки, и тяжелая темная шаль с бахромой, покрывающая ее плечи и спину, «развернулась», подобно крыльям огромной птицы.

– Как в том сне... – мелькнуло в голове у Елены, чувствовавшей себя на грани помешательства. С трудом оторвав взгляд от возникших перед ней крыльев-рук Анфисы, она снова уставилась на появившуюся из зеркала прекрасную женщину с длинными, стекающими ниже пояса золотистыми волосами.

Ло и Джастин мгновенно отметили появление ведьмы, но никак не прореагировали на это. Алантам сейчас было и не до нее, и не до Елены, поскольку оба сосредоточились на разговоре с Таной, стараясь пробудить в ней Память и Великую Любовь (суть существования алантов!), и таким образом как-то справиться с нависшей над ними катастрофой.

Однако вскоре они с ужасом поняли, что все их старания тщетны. Лицо Таны снова окаменело, глаза стали пустыми, бессмысленными и... жадными.

Отведя взгляд от Джастина и Ло, она медленно повернулась к Анфисе и Елене. Зажав рот рукой, Елена слабо пискнула и замерла, уставившись расширенными от

ужаса глазами на... на саму себя! Если бы не странная одежда, то можно было подумать, что перед ней...

Это была последняя капля в череде потрясений, пережитых женщиной за последнее время. Без звука, молча, она рухнула в обморок.

Анфиса не обернулась, чтобы посмотреть на нее, не изменила позу, продолжая мерно, вполголоса шептать заклятия и понимая, что стоящего перед ней страшно-прекрасного демона они, по всей видимости, не остановят, что надежда только на...

Увидев, как Елена рухнула в обморок, Олег, немного пришедший в себя после жуткой «зеркальной» сцены, злобно выкрикнул:

–Ты! Мразь! Бледная Поганка! Проваливай отсюда! Тебе не запутать и не запутать меня! Пошла вон!

Неожиданно он ринулся вперед, намереваясь как следует врезать колдовскому наваждению, специально принявшему облик его жены.

Джастин и Ло в очередной раз искренне поразились смелости и безрассудству человека!

Мгновенно развернувшись в сторону Олега, «мразь» в свою очередь кинулась на него. Секунда – и он, перемешивая с матом странные слова про какую-то «паршивую Мамбу» и «вонючего колдуна», беспомощно забился, задыхаясь в ее стальных объятиях. Жадный рот «зеркального существа» раскрылся широко и страшно и, превратившись в мерзкую пасть, практически, вобрал в себя лицо уже затихающей жертвы, намертво присосавшись к нему гигантской пиявкой.

Онемевшие от ужаса аланты и Анфиса (на свое счастье Елена лежала в глубоком обмороке!) стали свидетелями совершенно жуткой сцены: буквально за несколько секунд тело высокого, крепкого, сильного мужчины превратилось в сухую, хрустящую оболочку и рухнуло на пол, рассыпавшись в прах, прикрытый сморщенной кучей одежды. Из кармана куртки выкатилась драгоценная печатка и, просверкав золотыми боками, замерла на темно-зеленом ворсе паласа. Все-таки Олег не удержался и забрал любимое кольцо из сейфа, но, памятуя, что с ним было, на палец надеть не решился. Теперь уже и решаться на это было некому.

Свидетели происшедшего – и аланты и человек – окаменели от ужаса. Сейчас им всем было не до кольца, на которое и внимания-то никто не обратил.

Придя в себя, Ло и Джастин, никогда не бывшие в столь безвыходной и жуткой ситуации, с удвоенной силой стали «звать» Клэр, надеясь, что Посвященная «услышит» их, что она уже «на подходе» и что, обладая уникальными знаниями, сумеет или уничтожить или нейтрализовать «зеркального монстра».

Попутно Джастин лихорадочно соображал – что они с Ло могут предпринять сейчас? – и не находил ответа на этот мучительный вопрос. Бросить все и исчезнуть – нельзя, это не решение проблемы, тем более что именно они, аланты, виновны во всем случившемся. Специальных заклятий против «зеркальных демонов» Джастин не знал и, как только что понял, в этом отношении человеческое существо, ведьма Анфиса, была гораздо искушеннее его. Ее странная «крестообразная» поза и непонятное бормотание, по всей видимости, если не сдерживали, то настораживали, «Тану», которая, бросив останки Олега и не обращая никакого внимания на Джастина и Ло, медленно подбиралась к ведьме и лежащей в обмороке Елене. Казалось, секунда – и повторится страшная сцена изощренного убийства!

Но произошло нечто иное, поразившее и... испугавшее алантов.

В тот момент, когда «Тана», на секунду замерев, приготовилась к броску, Анфиса, четко проговорив заклятие, быстро и резко «выкинула» вперед обе руки, как бы бросив что-то в направлении «демона». Мгновенно откуда-то (откуда – не поняли ни Ло, ни Джастин!) сорвалась громадная птица со злобными желтыми глазами убийцы, мощными крыльями и вытянутыми вперед страшными когтистыми лапами. Не успевшая прореагировать на нее «Тана» получила такой удар, что, пролетев через всю террасу, разбила входную дверь и вывалилась во двор. Анфиса вновь развела руки в стороны, взмахнув своей шалью, как крыльями, и потрясенному Джастину показалось, что птица как бы вошла в нее, соединилась с ней.

Ло, слышавшая о жуткой птице-убийце, в страхе прошептала: «Vubo...». Утвердительно кивнув головой, Джастин мысленно ответил:

– Да, это Vubo... заговоренный Филин-оборотень, несущий смерть всем, даже алантам...

Отшатнувшись, они с тревогой и ненавистью смотрели на замершую в крестообразной позе женщину, понимая, что сейчас им не отбить Елены у этой сильной и искиушенной ведьмы. Она завладела их драгоценной самкой. Она, (и это самое страшное!) имеет власть над Филином! Значит, сейчас к этой ведьме не подступиться. Значит, их ребенок обречен! Невыносимая боль! Непередаваемая утрата! Порвать бы эту ведьму в клочья!!! Но... но сейчас в первую очередь надо решить другую проблему, иначе в клочья будут порваны все они... весь этот мир!

Схватив за руку Ло, Джастин выбежал во двор и увидел распахнутые ворота и исчезающую за ними «Тану». Ее нельзя было выпускать из дома, и не только потому, что это существо будет убивать всех на своем пути, а еще и потому, что с каждой новой жертвой ОНО будет становиться все сильнее и опаснее.

Работая с пространством и все ближе подбираясь к своей цели, Клэр внезапно почувствовала сильную тревогу и поняла: там, в Ташкенте, что-то случилось. Но торопиться было нельзя: малейшая ошибка могла тут же стать роковой. Успокаивало одно – цель близка, еще немного и она окажется в нужном ей месте.

Убедившись, что вампиры и жуткий зеркальный монстр (о таком ведьма не слышала никогда и ни от кого!) исчезли, Анфиса, взглянув на бледную и не подающую признаков жизни Елену, метнулась в ванную и, открыв воду, подставила ладонь под кран. Прозрачная струя омыла полную и белую руку ведьмы. Потекли слова древнего заговора... Вода заискрилась, заиграла... Казалось, что часть ее как бы впитывается в ладонь. Вернувшись к Елене, Анфиса брызнула ей в лицо.

Глубокий и судорожный вздох... еще один... еще...

Открыв глаза и издав слабый стон, Елена поднялась, поддерживаемая Анфисой.

– Что... что случилось, Ан-фиса? – с трудом прошептала она онемевшими, непослушными губами, – я... у меня... что-то с головой... все плывет...

– Нам надо уходить, Елена! Быстро! Я потом все тебе объясню. Сейчас просто слушайся меня, хорошо! Верь мне! Поднимайся, надо уходить, немедленно! Нет времени для разговоров...

– Олег... где Олег?

– Елена, потом! Все потом! Уходим! Быстро, быстро!

Анфиса, с силой удивительной для женщины ее лет, подхватила Елену и потащила к выходу, к машине. Ведьма торопилась, чувствуя, «видя» что вода в хрустальной вазе замедляет свой бег. Истекало время... Замрет вода – исчезнет Филин, без него Анфиса бессильна. Надо было торопиться, еще оставался шанс спасти Елену.

Снег прекратился, темное небо посветлело, и в этом странном мертвенном полумраке город казался таинственным, настороженным и... призрачным. Город-мираж... В какую-то секунду Джастину показалось, что дома исчезают, растворяются в бледном все искажающем сумраке наступающей ночи, дрожат и меняют свой облик, как тени в Зазеркалье. Сердце захлестнул страх – неужели все так быстро рухнуло, все свершилось, и городом уже правит жуткая Богиня, соединившаяся со своей Частью, нашедшая, наконец, Тропу в это измерение! Неужели этот прекрасный мир обречен?!

Джастин с силой потрянул головой – нет! Это его страх и его бред! Все так, как должно быть: зимний вечер и город, утонувший в смазанных, темно-белесых красках этого вечера. Пока ничего не случилось, пока...

Вскоре аланты догнали «Тану», которая достаточно быстро перемещалась. Они боялись подойти к нему слишком близко, поскольку просто не знали, как можно утихомирить и обезвредить это жуткое существо, оставшееся живым и невредимым даже после сокрушающего, наполненного колдовской силой удара Филина-убийцы.

Миновав тихие улочки «спального района», «Тана» выбралась на центральный проспект и остановилась, перегородив тротуар своей уродливой тушей.

Аланты видели, как расплылись и изменились черты ее лица, увеличилась в

объеме и росте фигура. Это «нечто» – жуткое и страшное – подняло вверх голову и замерло, как бы прислушиваясь к чему-то. Ло и Джастин, обладавшие великолепным слухом, сделали то же самое, пытаясь понять – кого или что слышит-слушает монстр? Но не услышали ничего, кроме обычного и привычного шума большого города.

– Клэр! Где ты! Найди нас! – вновь полетел в пространство их отчаянный вопль-призыв.

«Тана», точнее, то, что было когда-то Таной, вдруг разинула свою пасть и вытянула вверх руки.

– Что... что она делает? – прошептала Ло.

Джастин ничего не ответил, поскольку сам только что задал себе этот вопрос и не нашел на него ответа.

Из сумеречной темноты улицы появлялись люди, спешащие по своим «вечерним» делам, но, наткнувшись на жуткое «нечто», испуганно вскрикивали и шарахались в сторону. Осторожные и боязливые тут же убежали, любопытные застывали в отдалении и, не в силах осознать представшую перед ними сюрреалистическую картину, тревожно переговаривались, строя всевозможные предположения.

Вдруг и аланты и люди увидели, как от линий электропередачи к вытянутым рукам, пасти, глазам монстра потянулись бледные голубовато-желтые лучи. Замигали фонари на столбах. Стали замедлять свой бег и терять управление проносившиеся мимо машины, от которых к разрастающейся фигуре тоже потянулись смазанные светящиеся цепочки. Скрежет, удары сталкивающихся автомобилей, крики людей – какофония нарастающего хаоса.

При отсутствии сильного ветра стали странно изгибаться деревья, как будто ожили и тоже превратились в каких-то жутких монстров. Они раскачивались со скрипом, хрустом, треском, сначала медленно, потом все сильнее и сильнее. Создавалась впечатление, что огромные чинары, тополя и клены стали пластилиновыми, и кто-то или что-то «играет» ими, причудливо выгибая стволы. С треском отламывались и падали на дорогу и тротуары огромные сучья. Взбесившиеся ветви били по окнам домов, разбивая стекла и рамы. Онемевшим от ужаса алантам казалось, что деревья громко стонут, как стонут, кричат живые существа от невыносимой боли; возможно, так оно и было, потому что и их энергию поглощало страшное существо из Зазеркалья.

Поняв, что происходит нечто совершенно необъяснимое и жуткое, люди бросились врассыпную, но силы покидали их, и они, как подкошенные, падали на усыпанный снегом и искореженными ветками тротуар.

Смертельная воронка, центром которой являлась «Тана», медленно расширялась, постепенно захватывая в свои цепкие объятия соседние улицы и переулки.

– Джастин, – прошептала Ло, – я слабею... я чувствую это...

– О Великие Боги! – с ужасом воскликнул алант, – она начала поглощать этот мир! И мы бессильны остановить ее!

Клэр! Да где же ты, Клэр?! Где?!... Зеркальная вселилась в Тану и проникла в этот мир! Она уничтожит его! Клэр!!!

Клэр проявилась во дворе дома Елены и, увидев распахнутые ворота и разбитую дверь, тут же поняла, что ее предчувствие беды, к сожалению, оправдалось. Что-то случилось, что-то ужасное...

Метнувшись в дом, она увидела на террасе, на зеленом ворсе паласа, странную кучку серовато-коричневатого пепла и нерассыпавшихся, но как бы обугленных и прожженных насквозь костей, прикрытых одеждой. Что это?

Зеркало кривилось и дрожало. От него в прямом смысле слова исходили волны зла и агрессии. Создавалось впечатление, что кто-то рвется «оттуда» – «сюда». Неужели беда связана с Зазеркальем? Это было бы ужасно! Нет, – поправила себя Клэр, – это было бы катастрофой!

Последнее время Клэр чувствовала, что Джастин, не раз покидавший Тропу, носит в себе какую-то роковую тайну и мучается этой тайной. Чувствовала это, но не стала принуждать его к откровению. Аланты вольны в своих желания и поступках.

Однако в данном, конкретном случае она, видимо, допустила ошибку: ей следовало бы настоять на своем, и, проявив свою власть, заставить...

– Клэр! Да где же ты, Клэр?! Где?!.. Зеркальная вселилась в Тану и проникла в этот мир! Она уничтожит его! Клэр!!!

Вопль ужаса.

Никогда, за всю свою очень и очень долгую жизнь Посвященная не слышала подобного ледяного дура призыва – столько в нем было страха и отчаяния. Схватив лежащее на паласе кольцо, напуганное загадочной и злой силой Зазеркалья, Клэр, «крикнув» «Иду!» – кинулась на отчаянный зов Джастина и Ло.

Она «проявилась» в нужном месте в страшный, роковой момент: Джастин и Ло, видя, как расплывается и разрастается жуткое «нечто», бывшее когда-то прекрасной Таной, как оно жадно вбирает в себя все энергетические потоки – жизнь окружающего мира – решили попытаться (пока еще есть силы!) убить это «нечто». Они не услышали предостерегающего крика Клэр. Бросившись вперед, аланты, обладавшие исключительной силой, обрушили на монстра сокрушающие удары, питая надежду на то, что нанесенные ими раны если не убьют, то хотя бы ослабят мощь жуткого существа, хотя бы на время нейтрализуют его... а там... а там, возможно, появится Посвященная – носительница исключительных знаний – и как-нибудь разрешит эту неразрешимую ситуацию.

Не ожидавшая нападения «Тана» замерла, и на какое-то мгновение Клэр показалось, что она действительно побеждена и сейчас рухнет под градом молниеносных, рвущих ее тело ударов. Но уже в следующие секунды мощные лапы монстра с невероятной силой сдавили алантов, и уродливая пасть впилась сначала в Ло, а затем в Джастина.

Онемевшая от ужаса Клэр стала свидетелем непередаваемо жуткой сцены: в считанные секунды прекрасные аланты превратились в высохшие пергаментные моши и рассыпались в прах.

Клэр застыла, потрясенная увиденным!

«Тана», прикрыв глаза, тоже замерла с отрешенным и в то же время удовлетворенным видом (вместо лица – гротескное подобие такового – тупое, расплывшееся, рваное, перекошенное). По всей видимости, она, точнее, страшное «ОНО», «украшенное» лохмотьями разодранной алантами плоти, решило, присев на слоноподобные тумбы-ноги, немного передохнуть, усваивая первые порции полученной «пищи».

Клэр тут же поняла – это шанс! Единственный и неповторимый! Сейчас и немедленно надо попытаться уничтожить этого зеркального монстра! Больше такого удачного момента не будет, а если и будет, то вряд ли сама Клэр будет к этому мгновению жива – монстр, безусловно, доберется и до нее.

Но сработает ли то, что она задумала? Еще никогда и никому в этом измерении не приходилось уничтожать Часть Богини, Существо из жуткого «чужого мира» (правда, никогда подобное Существо и не появлялось в «этом мире»!). Если ее решение окажется правильным и сработает – хорошо! Тогда все – и аланты, и люди – будут спасены! Если нет...

Клэр метнула в сторону заснувшего монстра заговоренную печатку Олега и на певучем языке алантов начала проговаривать заклятия.

Кольцо, напоенное колдовскими парами цветка Шошу и несущее в себе тайну древних рун алантов, дает невероятные силы, продлевая жизнь рабов до трехсот лет. Но оно же может в секунду стать «перевертышем» и уничтожить того, кто его носит.

Сейчас Клэр «одевала» это кольцо на «Тану»! Сейчас Клэр отдавала приказ кольцу (точнее, некоей могущественной силе, живущей в кольце), убить и вернуться в Зазеркалье, в цветок Шоши!

Кольцо замерло в воздухе, закрутилось, расширяясь, увеличиваясь в размере до огромного сияющего и пульсирующего обруча. «Тана» шевельнулась, открыла мутные и страшные глаза и вдруг, почувствовав угрозу, рванулась в сторону, чтобы избежать соприкосновения со смертью, но не успела: светящийся круг метнулся вслед за ней и тут же накрыл ее, жадно поглотив сначала дергающуюся уродливую голову, затем плечи, лопатообразные, шарящие в пустоте руки, расплывшийся колыхающийся живот... И в ту же секунду Клэр «накрыл» разрывающий перепонки визг! От

этого невыносимого звука одна за другой лопались стеклянно-зеркальные витражи близлежащих магазинов, окна домов. Минута... другая... Клэр упала на колени... Ей казалось, что она не выдержит, что этот вопль, переходящий в ультразвук убьет ее!

Вдруг... все внезапно стихло. И только на месте, где когда-то стояло ЖУТКОЕ ОНО, с невероятной скоростью крутилась «золотая» воронка все убыстряя и убыстряя свой «бег». Затем, метнувшись к полуразрушенному зеркальному витражу, втянулась в него и мгновенно исчезла.

Клэр закрыла лицо руками и замерла. Аланты не умеют плакать. Но сердце ее разрывалось от невыносимого, непередаваемого горя!

– Джастин! Ло! Тана! Прекрасный неродившийся малыш! Какая потеря! Какая боль! Какая страшная смерть! Великие Боги, почему вы отвернулись от нас! – Клэр была готова завывать, как волчица, у которой убили щенят. – Аланты! Я люблю вас, аланты! Берегите себя, мои прекрасные аланты! Вы – уникальное творение Великого Космоса! Берегите себя! Нас осталось так мало!

В эту горькую минуту все Избранные, живущие в измерении под названием Земля, внезапно почувствовали тревогу и поняли: где-то случилась беда. Огромная беда! Скоро узнают, какая? Обязательно узнают! Их оповестят Посвященные. А пока они всем сердцем откликнулись на дошедший до них издали горестный и горький зов.

Выпрямились, «успокоились» и перестали стонать деревья; помигав, загорелись оранжевым светом фонари; стали «оживать» автомобили и автобусы; подали признаки жизни и люди, рассыпанные по тротуару, как темные стручки перезревшей фасоли, но не все, некоторые из них так и остались лежать неподвижно.

Клэр поднялась и, не желая ни видеть, ни слышать того, что происходит сейчас на растерзанной и растерянной улице, пережившей нападение монстра, решила вернуться в дом Елены и там обдумать создавшуюся ситуацию.

40

– Странная погода в этом году! – говорила Ритка Сергею, задергивая шторы на окнах. – Когда вышли от бабушки, шел снег, и было так тихо и красиво, как в сказке, а как только стали подъезжать сюда, к моей квартире, так точно бесы разыгрались на улице. Ты знаешь, Сережа, мне даже казалось, что где-то, за несколько кварталов от нас, кто-то громко и страшно стонет. Прямо мороз по коже!

– Да, погодка не из приятных, это верно. И какие-то странные сполохи озаряли небо... Видела? (Ритка утвердительно кивнула головой). Может быть, где-то в городе случился пожар? – предположил Сергей.

– Может быть, только если мы вдруг завтра по какой-то причине не улетим, я в эту квартиру больше не вернусь! В аэропорту ночевать буду, только не здесь!

Взглянув на взволнованную женщину, в глазах которой вновь метался испуг, Сергей успокаивающе произнес:

– Ну, перестань, опять ты себя накручиваешь! Все будет в порядке. Мы улетим. Вот только не проспай бы нам с тобой, моя дорогая, а то на самолет опоздаем.

Ритка покорно кивнула головой, а сама, глядя в спину удаляющемуся в спальню Сергею, с трудом сдерживала подступивший к сердцу страх:

– «Не выдумывай!» Тут и выдумывать-то нечего: в их отсутствие *кто-то был в ее квартире*. И это совершенно точно! Телефонная книжка, которую она оставляла на кухне, на столе (в этом Ритка была абсолютно уверена), теперь валяется в гостиной на полу, как будто-то этот «кто-то» со злобой отшвырнул ее от себя. А потом этот «кто-то» вытряхнул все из ее сумочки, будто что-то искал. Интересно, что? А в общем-то нет, не интересно! Совершенно не интересно! Господи, дай силы пережить эту ночь, и все, и больше она в этой квартире минуточки одной не останется! Иначе точно в психушку загремит! Скорее бы утро и – в аэропорт!

Анфиса торопилась. Она бы ехала и быстрее, но зимние дороги «не рекомендуют» лихой езды, да и с освещением происходила какая-то ерунда: фонари, рассеивающие мрак улиц ярким оранжевым светом, то гасли, то загорались вновь, то горели

тускло, то вспыхивали так, что ослепляли. Не улица, а дискотека. По темному небу пробегали странные и... тревожные багрово-зеленоватые световые волны. Ведьме все это очень и очень не нравилось. Что-то происходило в городе, что-то страшное и непонятное, связанное, по всей видимости, с жутким существом, появившимся из зеркала. Значит, Финин не убил его! Невероятно! Что же за сила у этого существа? Уже одно это настораживало и беспокоило ведьму.

Пришлось резко снизить скорость, чтобы не натворить беды. Елена сидела рядом, молча, прикрыв глаза. Анфиса чувствовала: женщина на пределе, еще немного и... и кто его знает, что может произойти!

Зазвонил сотовый телефон. Очнувшись от своего забытья, Елена достала его из сумки и медленно поднесла ее к уху.

– Леночка! – раздался ласковый голос Сабины, – извини, что беспокою, я на минуточку звоню, только узнать, как ты себя чувствуешь?

– Сабиша... – в тусклом голосе Елены проявились нежные и теплые нотки. – Умид привез детей? Все в порядке?

– Да, да, не волнуйся, они нормально добрались, лучше скажи мне, как ты себя чувствуешь? Ребята сказали – плохо тебе было, я забеспокоилась сразу...

– Ничего, ничего... уже ничего... все нормально...

– Леночка, ты, главное, не нервничай, хорошо! С беременными такое бывает. Потерпи немного, скоро тебе станет легче!

(Это уж точно, – подумала Анфиса, до слуха которой долетал встревоженный голос Сабины, – и если вылезем из этой жуткой ситуации – станет легче, и если не вылезем, тоже легче, потому что тогда – смерть, а она все проблемы разрешит... мгновенно!).

– Я завтра к тебе обязательно приеду, сразу же после работы. Ну, не буду тебя больше задерживать, отдыхай, моя хорошая, спокойной ночи!

– Спасибо, Сабиша... спасибо, родная... спокойной ночи...

Елена откинула голову и вновь устало прикрыла глаза. Бледное измученно лицо, бескровные губы...

Анфиса торопилась.

41

Клэр вновь оказалась на террасе в доме Елены. Жуткая кучка одежды, костей и сероватой трухи куда-то исчезла, все зеркала в доме покрылись, как паутиной, сетью глубоких и мелких трещин. В комнатах тишина... никого... ни Елены, ни Олега. И не у кого спросить – где они?

С новой силой ощутила Посвященная свою страшную утрату. Тяжело вздохнув, она погрузилась в невеселые мысли:

– Если бы Джастин доверился ей! Возможно, она сумела бы предотвратить случившееся. Возможно, сумела бы, а возможно, и нет...

Видимо, в Зазеркалье Джастин попал в очень сложную ситуацию. Затем, хорошо обдумав и осознав содеянное, решил все исправить сам, не прибегая к помощи Посвященных. И не исправил, не смог, только все усугубил. Что же могло случиться с ним в страшном мире Богини? Тана... Он «кричал» ей о Тане, в которую вселилась Часть Зеркальной. Значит, жуткий монстр, уничтоженный ею, и есть Тана! Видимо, Джастин все-таки нашел ее в безлико-многоликом мире Богини, хотя даже сама мысль об этом кажется не просто невероятной, но абсурдной! Если только, конечно, сама Богиня не помогла ему в этом и, в свою очередь, не воспользовалась этим. Да... видимо, так оно и было. Зеркальная воспользовалась тем, что аланты безумно любят друг друга, что ради сохранения жизни друг другу готовы на все! Джастин хотел спасти Тану и, видимо, ради этого пошел с Богиней на какое-то соглашение и был уверен: она будет придерживаться их договоренности! Ошибка! Какая страшная ошибка! Этой мерзкой и жадной твари надо только одно: любым способом проложить Тропу в этот мир, чтобы поглотить его, как она поглотила уже многие миры, превратив их в «жуткое нечто», точнее, в «жуткое ничто». Все соглашения для нее – пустой звук! Она просто ищет способ проникновения в измерение Земля и теперь,

когда почувствовала, что это возможно, утроит свои усилия. Теперь *аланты станут целью ее охоты!*

Клэр нахмурилась. Сегодня же она свяжется с Посвященными, сегодня же они отдадут строжайший приказ всем алантам: никому, никогда, ни под каким видом не сходить с Тропы. Никому и никогда! Даже самим Посвященным! Никаких контактов с Зазеркальем! Никакого риска!

Но где же Елена? В утробе этой самки – драгоценный плод, дитя Джастина и Ло! Неужели кучка грязного пепла и прожженных костей – это все, что осталось от Елены и исчезло в зеркальном омуте вместе с исчезновением самого монстра. Неужели погиб и этот малыш?!

Клэр закрыла глаза, «отодвинула» от себя все ненужное, лишнее, настроилась на определенную волну и... позвала... Подобно чуткому локатору она начала сканировать пространство огромного города. Если Елена жива, если в момент разыгравшейся трагедии ее не было дома, и страшные кости принадлежат не ей, то жив и малыш. Тогда он отзовется... Обязательно отзовется! Клэр почувствует его биотоки, услышит биение его сердца, уловит его маленькие, короткие мысли и... найдет. Где бы он ни был – обязательно найдет и ни за что, ни за что не позволит убить!

Елена сняла сапоги, куртку, шапку... Движения ее были вялыми, замедленными, но Анфиса не дергала ее, не торопила. Главное, они добрались до квартиры. Теперь всего несколько шагов – и они в нужной комнате, подготовленной для проведения ритуала. Там, в созданном Анфисой заговоренном круге, для Елены приготовлена кушетка, на столе горят свечи, в хрустальной чаше крутится вода.

Ведьма внимательно посмотрела на Елену: бледное, бескровное лицо, запавшие глаза, с застывшим в них выражением безразличия и покорности. Ничего, сейчас такое состояние даже на руку: уходит драгоценное время, замедляет свой бег вода, нельзя терять ни минуты. Хорошо, если Елена покорно и тихо, не задавая лишних вопросов, войдет в круг и ляжет на кушетку – тогда наступит время действовать.

– Дай мне руку, Леночка, – тихо, ровным голосом проговорила Анфиса. – Не бойся, все будет хорошо! Скоро кончатся все твои мучения... пойдём...

Стиснув зубы и прикрыв глаза, Елена стояла, не двигаясь, как бы не слыша того, что ей говорит Анфиса. Это не понравилось ведьме.

– Елена, – снова позвала она, – нам пора... не надо бояться, пойдём и...

– А кто тебе сказал, что я боюсь?

Елена открыла глаза и с ненавистью уставилась на Анфису. Именно этого ведьма боялась больше всего: демон, сидящий в женщине, вновь активизировался, подчиняя себе «свою оболочку». По сути дела, перед Анфисой стояла уже не Елена, а одержимая, прекрасный «оборотень».

– Это тебе надо бояться...

Тихий нехороший смех. На лицо Елены мгновенно вернулись краски, и сейчас – золотоволосая, розовошекая, с алыми губами и то ли темно серыми, то ли темно синими (не поймешь!) сверкающими глазами – она была поразительно красива и в то же время по-настоящему опасна и страшна. До этого, в минуты ее кратких «перевоплощений», ведьма не ощущала *настоящей опасности*, чувствовала, что контролирует ситуацию, а сейчас... а сейчас все очень нехорошо изменилось.

Как не во время! Еще бы минута – две и... все. Там, внутри круга у Анфисы больше силы и власти, чем здесь.

– Елена! – ведьма вытянула вперед правую руку, как бы отгородившись от стоящей перед ней женщины открытой, направленной в ее сторону ладонью. – Смотри мне в глаза! Посмотри мне в глаза! – Ее голос звучал жестко и в то же время вкрадчиво обволакивающе.

Елена прищурилась и... напряглась...

– Не трать понапрасну силы, ведьма, – прошипела она тихо, сквозь сцепленные зубы, – эти фокусы со мной не пройдут. А вот сама ты, пожалуй, пройдешь, точнее, подойдешь: я так голодна, что сейчас не откажусь и от старухи!

Анфиса метнулась в сторону, и бросившаяся на нее Елена поймала руками пустоту.

– А... хочешь поиграть немного? Это можно, только... гостиная у тебя маленькая, так что игра будет недолгой...

Резкий бросок Елены и вновь мимо. Сердце Анфисы билось гулко и тяжело, она понимала: демон, сидящий внутри этой женщины и управляющий ею, прав: в такой «игре» шансов у нее мало. Значит, надо попробовать заманить демона в круг. Не дожидаясь очередного выпада, Анфиса метнулась в «нужную комнату», но в дверях столкнулась с Еленой, которая мгновенно вцепилась в ее плечи своими длинными и сильными пальцами.

– Ну... (неприятный смешок) я же сказала, что игра будет недолгой...

Поняв, что все решают секунды, Анфиса, быстро прошептав заклятие, вызвала Филина. По комнате пронесся ветерок, как от взмаха сильных крыльев, и стих. Ведьма видела смутное очертание птицы, парящей за спиной Елены.

– Колдуешь, – хищно улыбнулся «оборотень».

– Леночка, Лена, борись, – жарко прошептала Анфиса, старясь пробить хоть какую-то брешь в «бастии» демона, – вспомни, что я тебе говорила, будь сильной, не позволяй уничтожить себя! Слышишь меня! Борись!

Угас неприятный оскал зубов, готовых впиться в шею Анфисы. В жестоких и злых глазах Елены появилось понимание, промелькнул испуг... боль... Она нахмурила лоб, мучительно вспоминая «что-то», жалко задрожали губы, ослабла стальная хватка цепких пальцев.

Ведьма вздохнула чуть свободнее, ей показалось, что ситуация переломилась, и сейчас все нормализуется. Стоящая перед ней женщина вроде бы «возвращалась к себе», выныривая из затянувшего ее жуткого омота, но... но следующие мгновения уничтожили эту надежду. Правой рукой Елена вцепилась в волосы Анфисы и с силой оттянула ее голову назад, открывая полную белую шею. Ведьма пыталась зашишаться, но силы были неравны: существо, сидящее в Елене, подпитывало ее агрессивной и злобной энергетикой. Еще секунда и...

Медленно крутилась в хрустальной чаше вода, таяли драгоценные минуты.

– Привет, родная! Как же долго я тебя не видел!

Оборотень с оскаленными зубами замер в сантиметре от обнаженной шеи Анфисы. Пропал оскал, расслабились напряженные мышцы лица, изменилось выражение глаз... Злобная личина исчезла, как грязь, стертая мокрой губкой. На Анфису вновь смотрела Елена – испуганная, растерянная и... жалкая.

– Что это? – прошептала она, вопрошающе глядя на Анфису, и медленно оборачиваясь на звук такого родного, такого любимого голоса, раздавшего за ее спиной. – Виктор!

Ее руки задрожали, на лбу выступили крупные капли пота.

– Виктор?! Ты?!

– Да, Леночка, да, это я. Как же я по тебе соскучился, родная моя! Иди ко мне, моя хорошая! Иди ко мне! – Виктор протянул к ней руки. – Сколько же выпало на твою долю, бедная ты моя девочка! Любимая моя! Ничего не бойся, ничего! Я помогу тебе... Больше никому не дам тебя в обиду! Все будет хорошо... иди ко мне... иди...

Анфиса смутно видела парящий над головой Елены силуэт Филина, Елена же видела совсем другое: перед ней, живой и здоровый, стоял ее муж, Виктор, и, ласково улыбаясь, протягивал к ней руки.

– Виктор... – снова повторила она непослушными губами, с явным облегчением в голосе, и, оставив Анфису, быстро шагнула навстречу мужу. Он ласково обнял ее, прижав к себе (ведьма видела, как крылья птицы сомкнулись на спине Елены). Женщина уткнулась носом в широкое и крепкое плечо мужа, понюхала его шею (как давно она этого не делала!), ощущая такой родной, такой приятный запах парфюма – «Kiton Black». Запах Виктора!

– Виктор, милый, как же я по тебе скучала! Боже, как скучала! Не оставляй меня больше одну! Слышишь? Никогда не оставляй! Забери меня с собой! – из глаз Елены хлынули слезы, – я люблю тебя, родной мой, люблю... мне без тебя плохо! Господи, если бы ты только знал, как мне без тебя плохо!

– Мне тоже плохо без тебя, Леночка, – голос Виктора звучал нежно, ласково и грустно, – не плачь, родная, я никому не дам тебя в обиду, никому! Пойдем со мной, пойдем! Теперь все будет хорошо, я обещаю тебе...

Анфиса посторонилась. Филин, бесшумно парящий над Еленой, «провел» ее в нужную комнату. Перед границей круга, обозначенного странными иероглифами, Елена на секунду замялась, но, увидев, что Виктор пересек черту, пошла за ним и спокойно легла на приготовленную для нее кушетку.

– Вот так, вот и хорошо, лежи спокойно, расслабься... так надо, родная! Потерпи еще немного! Потерпи! Ты сильная, ты сможешь... я избавлю тебя от всех твоих кошмаров. Верь мне! А сейчас закрой глаза и спи... спи... спи... ты устала, – Филин провел крылом по лицу Елены.

– Виктор! Какие у тебя нежные и ласковые руки! – прошептала Елена, проваливаясь в мягкий омут сна, – ты не уйдешь?

– Нет, я рядом... спи...

– Не оставляй меня! Не остав...

Елена закрыла глаза и замерла.

Распластав крылья, Филин взмыл к потолку и завис над лежащей в прострации Еленой.

Пора. Анфиса уже колдовала над чашей с водой, над свечами.

В комнате, проговариваемые четко и громко, зазвучали слова на древнем, забытом людьми, но не ведунами, языке.

Вспыхнул и засветился странным светом очерченный вокруг кушетки и стола круг. С этой минуты никто и ничто не могло проникнуть за его границы. Никто и ничто! И вовремя! Из «расплавившегося» проема большого зеркала, стоящего в углу, в комнату шагнула женщина – высокая, стройная и необыкновенно красивая. Анфиса видела все это боковым зрением и внутренне напряглась (второй раз за день подобный ужас!), но не шелохнулась, не понизила голос, продолжая колдовать.

Вскрикнув, Клэр кинулась к ведьме, но наткнулась на невидимую преграду. Круг! Заговоренный светящийся круг! Теперь она не могла переступить его границы! Опоздала! Малыш откликнулся на ее зов, Клэр торопилась, отыскивая в огромном городе нужное место, очень торопилась, но опоздала... Всего на какую-то минуту! Проклятая ведьма!

– Не тронь ребенка! – громко и четко проговорила Клэр, обращаясь к Анфисе. – Слышишь, ведьма, не тронь! Я дам тебе такие тайные знания, о которых никто и мечтать не может! Ты будешь единственная, владеющая такими знаниями! Погаси *Круг астаратуса*! Отдай мне эту женщину!

Не обращая никакого внимания не «стоящую за кругом», Анфиса продолжала колдовать.

– Остановись! – снова зазвучал голос Клэр. – Я не трону тебя! Я Посвященная, и я даю тебе слово, что сохраню жизнь и тебе и ей. От нее требуется только одно – родить ребенка, которого она сейчас носит! И все! Это не причинит ей вреда! Она сильная, она справится, и я ей в этом помогу! Остановись!

Бросив в воду шепотку порошка, Анфиса повернулась лицом к лежащей на кушетке Елене и продолжала произносить заклятия, уже обращаясь к Филину.

Клэр быстро переместилась и встала напротив Анфисы. С каким удовольствием она уничтожила бы сейчас эту ведьму! Одно слово, одно движение – и от этой гадкой человеческой особи не осталось бы и следа, но Круг астаратуса – древнего и сильного духа вселенной, почитаемого и алантами, – надежно защищал ведьму. Да еще и Филин! – Клэр опасно мазнула по нему взглядом. – Мало кто из людей на земле владел такой силой, чтобы управлять этим филином! Анфиса владела! Кто бы мог подумать! Следовало обратить на эту ведьму особое внимание! Не обратила, оставила «знакомство» с ней на «потом» и... ошиблась! И еще как ошиблась! Клэр было страшно сознавать, что сейчас (на ее глазах!) убьют прекрасного и столь долгожданного малыша, и она, Посвященная, не в силах защитить его!

– Анфиса! – со страстной мольбой в голосе заговорила она, – только что я спасла ваш мир от полного уничтожения! Это правда! Аланты пожертвовали собой для того,

чтобы этот мир существовал во вселенной! Неужели за это мы не заслужили никакой награды! Только что мы сохранили миллиарды ваших жизней! Миллиарды! Взамен я прошу тебя подарить мне одну жизнь, всего только одну – жизнь этого ребенка!

Анфису колотило от внутреннего напряжения. Струйки пота текли по спине, дрожали руки и ноги. Она буквально физически ошущала, как ее прожигают глаза стоящей перед ней ламии, называющей себя Посвященной. Если не избавиться от этой вампириши, то после окончания ритуала, когда погаснет круг и исчезнет разделяющая их преграда, она разорвет в клочья и ее и Елену.

Как бы прочитав ее мысли, Клэр резко сменила тон и прошипела:

– Остановись! Слышишь! Если ты убьешь этого ребенка, не жить ни тебе, ни этой самке! Ты знаешь, что это не пустая угроза. Круг не будет защищать тебя вечно, и Филину тоже отпущено определенное время в этом измерении. Я думаю, оно у него уже кончается, так что скоро ты останешься без защиты и без защитника. Тебе со мной не справиться, ты это понимаешь! Убьешь ребенка – умрешь сама!

Анфиса, не реагируя на шипение вампириши, проговорила последние слова заклятия и правой рукой начертала в воздухе особый знак.

Клэр вскрикнула и в бессильной злобе стиснула зубы.

Филин, который серой тенью плавно кружил где-то под потолком и то «проявлялся», то исчезал, завис, повинуясь взмаху руки Анфисы, над спящей Еленой. И вдруг, поменяв цвет и став серебристо-переливчатым, точно созданным из ртути, он расправил крылья и спикировал на Елену. Клэр показалось, что его длинные и острые, как стальные ножи, когти не просто впились, а вошли в живот лежащей на кушетке женщины. Огромные крылья птицы, практически, скрыли ее от взоров двух Посвященных, стоящих по разные стороны круга.

Елена закричала пронзительно и резко. Ее крик слился с криком Клэр, наполненным болью и ненавистью. Тело Елены выгнулось дугой, но, придавленное Филином, вновь распростерлось на кушетке и забилось в жестокой конвульсии. Минута... другая... (и Анфису и Клэр трясло) и... все стихло.

Оттолкнувшись от распростертого под ним тела, Филин взмыл к потолку. Анфиса и Клэр уставились на Елену. И той и другой казалось, что она должна быть залита кровью – но не видно было ни царапины! Затем и той и другой показалось, что женщина просто мертва – таким бледно-восковым было ее лицо.

Очнувшись от транса, Клэр проговорила сквозь зубы, с трудом сдерживая клокотавшую в ней ненависть.

– Филин убил ее. Нет, не Филин, ты, ты, убила ее, мерзкая ведьма! А вместе с ней убила и прекрасный плод в ее чреве! Такой драгоценный плод! – Клэр жутко завывала, потрясая перед кругом сжатыми кулаками. – Ты умрешь! Сдохнешь! Я уничтожу тебя!

Анфиса, со страхом и тревогой вглядывавшаяся в лицо Елены (неужели не выдержало сердце?! неужели действительно мертва?!), заметила, как дрогнули ее ресницы, и перевела дух – жива!

– Еще немного – и я разделаюсь с тобой, уничтожу! Ты посягнула на ребенка из Высшего рода – рода Избранных! – Клэр задыхалась от душившей ее ненависти к Белой Ведьме. – Я разорву тебя, низшая тварь!

– Низшая тварь – это ты, – спокойно и устало проговорила Анфиса. Твой род, который ты считаешь Избранным, не более чем мерзкие блохи, клопы на теле человека, точнее, человечества. Все, что есть на Земле, создано руками людей, их гением и их талантом, а ты и подобные тебе – пустое место! Вы – трудно истребляемые паразиты, кровососущие – вот и все! И не мни из себя Богиню, Посвященная, и не жалоби меня вашим подвигом спасения человечества: спасали вы, вампиры, не людей, а, прежде всего – себя, потому что нет людей – нет и вас. И вообще, шла бы ты отсюда подобру-поздорову... пока не поздно...

На секунду Клэр застыла от дерзости услышанных ею слов, но потом зло рассмеялась, обнажив ровную и острую подкову своих великолепных зубов.

– В своей горячей речи в защиту человечества ты забыла о том, какие злобные, жестокие, жадные и мерзкие существа твои людишки! У вас муж может убить жену, жена – мужа, мать – собственного ребенка (Клэр с омерзением скривила губы и

передернула плечами), брат уничтожить брата, как это сделал Олег. Ведь это он убил Виктора! А Елена, верно, этого и не знает! – зло рассмеялась Клэр. – И ты еще что-то говоришь мне о величии людей!

Анфиса была поражена услышанным: *Олег убил Виктора!* Глядя на фотографию, она видела, что Олег «темный», что на нем «грех», но не ожидала, что *такой грех!* Хорошо, что Елена сейчас в обмороке, – подумала она, а стоящей перед ней вампирше ответила:

– Да, мы разные... Есть среди нас те, кто разрушает, но есть и те, кто созидает. И именно в тех, кто созидает, заключено уникальное величие Человека. А вы с вашей безликой идеальностью – низшие.

– Вот через несколько мгновений мы и посмотрим, кто из нас «низший», – злобно прошипела Клэр.

Стал постепенно меркнуть свет, защищающий Анфису и Елену от страшной ламии. Сужая круги, Филин парил над хрустальной чашей – его «срок жизни» в этом измерении, действительно, истекал, и ведьма уже была не властна над ним. Он выполнил три ее приказа: прогнал жутко-прекрасного монстра из зеркала, спас жизнь Анфисы от «одержимой бесом» и, наконец, уничтожил самого «беса», освободив тело женщины. Через несколько минут он прольется потоком в хрустальную чашу и исчезнет навсегда, а вода в чаше замрет. И круг погаснет, а за ним и жизнь Анфисы, и жизнь Елены. Вампира убьет их. Ведьма чувствовала, с каким нетерпением ждет она этого «сладкого момента мести». Выход только один, но сработает ли он?

– Защити ее! – обратилась Анфиса к угасающему Филину, указывая на Елену. – Ты обещал защищать ее. Ты сам ей так сказал. Помоги! Исчезнешь, и ламия убьет нас. Я не смогу противостоять ей. Она не просто вампир, она наделена особой силой, она Посвященная. А я сейчас очень устала и ослабела. Елена погибнет. Только ты можешь прогнать эту нечисть! Помоги! Пожалуйста, помоги...

Никак не реагируя на слова ведьмы, Филин завис над чашей.

Все... пропали... – подумала Анфиса и, бросив взгляд на вампиршу, увидела откровенно жадный оскал ее ослепительно белых зубов и глаза, горящие ненавистью и жадной мшенией.

Круг погас, и Клэр мгновенно кинулась на ведьму, но тут же получила столь сокрушительный удар, что, перевернувшись, отлетела в дальний угол комнаты. Еще удар. Страшная боль разорвала ее грудь, и она взвыла раненой волчицей. Птица взмыла к потолку и, сделав круг, приготовилась к очередному броску. В секунду Клэр поняла – это ее смерть. Она и сейчас жива только потому, что автоматически выставила защиту, известную только Посвященным, но сейчас Филин пробьет эту защиту и тогда – конец. Молнией метнулась она к зеркалу и пропала в нем. Филин опоздал на секунду, ударив смертоносными когтями по зеркальной поверхности и разбив ее на мелкие кусочки.

– Благодарю тебя! – прошептала Анфиса. – Благодарю!

Филин, облетев еще раз комнату, мягко коснулся концом крыла лица Елены, и став хрустально-прозрачным, «пролился» потоком в чашу и исчез. Вода остановилась и помутнела. Обессиленная Анфиса, похожая сейчас на Бабу Ягу из русских сказок, рухнула на пол около кушетки, на которой спящей красавицей лежала Елена, и потеряла сознание.

ЭПИЛОГ

– Ирина! Не уходи далеко в лес! – крикнула Елена дочери, выглядывая в окно.

– А я не одна, я с бабулей! – отозвалась звонким голосом темноволосая девочка лет семи, в джинсах и ярко-желтой кофточке.

Тут Елена увидела Анфису, в руках которой была плоская плетеная корзинка для сбора трав. Ведьма махнула ей рукой, и пошла рядом с Иринкой по утоптанной тропке, уводящей в пышно-зеленое лесное царство.

Проводив глазами удаляющиеся фигуры, Елена села в кресло у открытого окна и, полуприкрыв глаза, стала слушать, как убаюкивающе шумят сосны. Ей очень нра-

вились эти деревья с красновато-коричневатой корой, прямой стрелой пронзающие небо, цепляющиеся макушками то за тяжелые хмуро-черные тучи, то (вот как сегодня) за белоснежно-легкие комочки облаков, медленно плывущих по безмятежно синему небу. Было в них что-то королевское, величественное, завораживающее.

Сосны, как Аланты, на своих плечах
Держат неба купол в белых облаках...

Откуда эти строки? – Елена задумалась, вспоминая, но не вспомнила. Да и неважно – откуда, важно, что именно так она воспринимает чудесную картину за окном.

В унисон тихому шуму сосен так же тихо наплывали мысли, возникали и гасли воспоминания...

Десять лет – это все-таки срок... не для того, чтобы забыть (есть события, которые не забываются никогда! захочешь забыть – не забудешь!), а для того, чтобы прийти в себя, успокоиться, почувствовать себя снова полноценным человеком (ну, или почти полноценным, – грустно усмехнулась Елена).

Вскоре, после выздоровления, Елена уехала с Анфисой сначала в Петербург, потом в Москву, подарив свой дом близкому и дорогому человеку – Сабине. Приличный счет в банке давал возможность не заботиться о хлебе насушном, хотя Елена частенько вспоминала свою работу в Министерстве энергетики и тосковала по ней.

Через год после переезда в Россию они с Анфисой построили коттедж, под Владимиром, в чудесном месте сказочной красоты, именуемом Галкино. Коттедж стоял недалеко от леса и немного в стороне от поселка. Обе любили тишину и природу, поэтому весной меняли шумную, бурливую, стремительную городскую жизнь на тихое и скромное сельское житие, возвращаясь в столицу только в конце лета. Вот тогда-то в ее жизни и появился спокойный, сдержанный, малоразговорчивый мужчина. Занимаясь лесотерриторией Владимирской области, он постоянно был в разъездах, контролируя «свои владения» на выдавшем виды джипе, или вместе с лесовиками обходил определенные массивы пешком, лично проверяя состояние того или иного участка.

По странному стечению обстоятельств, звали его Виктор, точнее, Виктор Константинович.

Увидев Елену, этот одинокий сорокалетний мужчина с ранней сединой в темной густой шевелюре, влюбился, «как пацан» (сердито-досадливое определение самого Виктора), но старался не выказывать своих чувств (иногда это получалось). Его сдержанность, корректная манера поведения, спокойный, ровный характер, острый ум, сочетающийся с мягкой иронией, добродушие очень импонировали Елене. И хоть она и отказалась выйти за него замуж (хватит с нее замужеств!), но не прогнала и даже «более того». На этом «более того» настояла Анфиса, сказав, что теперь у Елены действительно есть шанс родить ребенка. Так появилась Ирина – центр и смысл жизни и Елены, и Виктора, и Анфисы.

Смотритель лесного хозяйства жил отдельно.

На этом уже настояла Елена, вбившая себе в голову, что она приносит мужчинам несчастье: у нее умерли оба мужа! (О смерти Олега, «смягчив ситуацию», ей рассказала Анфиса).

Часто навешая «своих дорогих женщин» и оказывая им любую помощь, Виктор Константинович не переставал надеяться на то, что когда-нибудь они с Еленой «по-настоящему и навсегда» будут вместе. Нечего и говорить о том, что он безумно любил свою дочь – прекрасное зеленоглазое чудо, «маленькую лесную фею». Его искренне радовало то, что малышка, так же, как и он, ее отец, не просто понимает и любит природу, но *чувствует* ее!

Девочка росла смелой и не по годам сообразительной, и только одно обстоятельство сильно тревожило Елену: ведьма, не таясь, передавала ей свои «особые знания», и та впитывала их жадно, усваивая мгновенно, играючи. Это удивляло Елену – такая крошка и такой острый ум!

Иной раз в душе вспыхивала ревность: Елене казалось, что дочка любит Анфису гораздо больше, чем ее, родную мать. От этого портилось настроение, становилось беспокойно и неуютно на душе. Будучи человеком честным и открытым, Елена напрямую высказала все свои «мучительные мысли» Анфисе. Та в ответ, улыбнувшись своей снисходительно-мудрой улыбкой и укоризненно покачав головой, сказала:

– Глупости говоришь, Елена, глу-пос-ти! Иришка любит тебя и еще как любит, ты ведь мать. Ты что же, сама этого не видишь, что ли? Или искусственно себя накручиваешь? Зачем? Не надо ничего выдумывать! И вообще, уж кто-кто, а ты-то, после всего того, что с тобой случилось, должна не просто понимать, а... скажем так, ошущать все окружающее тебя иначе, верно?

Судьба не случайно послала тебе такие страшные испытания, не случайно свела тебя со мной. Нет случайного на этой земле! Все расписано в Книге Судеб, все должно было произойти именно так, как произошло. Рожденное тобою дитя – особое дитя, и ни тебе, и ни мне определять ее путь. Он уже определен. Ирина берет то, что *должна взять*. А я *обязана дать ей то, что могу дать*. Она – особый ребенок. Это не мои фантазии. Я это вижу и знаю. Думаю, это видишь и ты... ну, если не видишь, то чувствуешь. Получив мои знания, Ирина пойдет дальше, она будет сильнее меня, гораздо сильнее! Ей это дано! Она – Избранная, и Ее Путь – защищать совет.

Строго взглянув на задумавшуюся Елену, Анфиса добавила:

Вселенная – Вечные Весы, на которых качаются ДОБРО и ЗЛО. Добро необходимо защищать! Прекрасно, что на земле есть хорошие, честные, отзывчивые, милосердные люди, ежедневно совершающие этот подвиг! Они могут не отдавать себе в этом отчета, не задумываться над этим специально; просто они так живут – с совестью в душе. Но именно их добрые сердца, их отзывчивость на чужое горе и чужую боль, их умение «помочь» спасают наш мир от полного погружения в пучину Черного Зла, именуемого Армагеддон.

Свою войну за этот мир, за доброе и светлое в нем, ведут и Белые Ведуны. Они, как воины, несут свою службу и порой, так же, как и воины, погибают.

Помолчав немного, с глубоким вздохом закончила:

– Все не так просто на этой земле, Леночка, все не так просто...

– И ты готовишь Ирину стать воином? – с горечью и укором в голосе спросила Елена.

– Каждый человек на земле воин, хочет он этого или нет. Вопрос только в том, «за кого и за что он воюет?».

Грустно улыбнувшись, Анфиса ласково погладила Елену по плечу.

– За эти годы, что мы прожили с тобою вместе, ты стала мне как дочь. Иринка – внучка. Любимая внучка! Я очень люблю вас! Обоих! Поэтому, не бери плохое в голову, не придумывай ничего и... и не мешай ей *познавать*! Это ЕЕ ПУТЬ. Задумайся: СУДЬБА и мужчину тебе послала, знающего и любящего природу, защищающего ее. Он тоже передает Иришке свои знания! Девочка часами, без усталости, может бродить с отцом по лесу и учиться «видеть», «слышать» и «понимать» лес. Так она постигает Природу – самое мудрое и сильное «божество» этого мира. Не мешай! – строго произнесла Анфиса. – И потом, ты никогда не задумывалась над тем, что имя твоего мужчины – *Виктор*? И дочь у тебя Ирина *Викторовна*. Как если бы она была дочерью любимого тобою человека, твоего первого мужа, верно? Вот так, Леночка, ничего не бывает в этом мире просто так, ничего...

Анфиса помолчала и уже другим, будничным и ворчливым голосом добавила:

– Кстати, лето кончится быстро. В августе уже уедем в Москву, а в сентябре Иринке в школу. Вот и позанималась бы с ней чтением, арифметикой или еще чем-то, и не забивала бы себе голову всякой ерундой!

Елена молчала, осмысливая сказанное Анфисой. После случившегося с ней она, действительно, совершенно иначе стала «ошущать» жизнь, в которой все «не просто», а если точнее, то «совсем все не просто». Ведьма права. У каждого на этой земле Свой Путь. Кивнув головой, как бы соглашаясь то ли с собственными мыслями, то ли со словами Анфисы, Елена вздохнула и, улыбнувшись, сказала:

– Не ворчи! Я, между прочим, уже договорилась по поводу ее подготовки. Мне Виктор посоветовал: у него здесь, в Галкино, друг хороший живет, Игорь Иванович... э-э-э... фамилию вот я только забыла, звонкая такая фамилия! Ладно, вспомню потом: так вот, его жена работает учителем в местной школе. Живут они недалеко от нас. Учительницу зовут Ирина Сергеевна. Дети ее уважают и любят – так мне местные сказали, и вообще, очень хвалили ее и как человека, и как учителя! Да и мне она как-то сразу приглянулась: приветливая, милая, добрая. Думаю, она и Иринке понравится! Вот и пусть одна Ирина учит другую уму-разуму!

Услышав это, Анфиса весело хмыкнула:

– Ну, что ж, пусть учит, раз они тезки!

– Кстати, забыла тебе сказать, сегодня Ирина Сергеевна придет к нам в гости – знакомиться со своей ученицей, а с завтрашнего дня Иришка будет бегать к ней домой, на занятия. Так что, как видишь, не забыла я об этом, не забыла, позаботилась!

– Молодец! – похвалила Анфиса, и, надев яркий цветастый фартук, добавила:

Ну что ж, пойду хлопотать по хозяйству. Надо нашу гостью, *хорошего человека*, встретить, как полагается.

И вдруг назидательным тоном, серьезно и даже торжественно произнесла:

– *Учителя уважать надо! Истинные Учителя – посланцы Космоса. Они тоже воины, защищающие Добро. В этом их особая миссия. Настоящие Учителя это знают, потому и любят свою нелегкую работу, и гордятся ей! Великое благо, если ребенок попадает в руки такого учителя!*

– Да, – подумала Елена, – это точно! Хорошего учителя помнишь всю жизнь и всю жизнь испытываешь к нему чувство глубокой благодарности.

Облака тихо плыли по небу, цепляясь за острые верхушки сосен, и Елена чувствовала, что засыпает под убаюкивающий шепот леса. Возможно, сон и сморил бы ее, но мысли упорно теснились в голове, вызывая новую волну воспоминаний, перекачивая с одного, на другое...

Время снова откатилось назад, и память услужливо высветила «картинки», от которых шемило сердце: родная улица, там, в далеком Узбекистане, дом, хорошие соседи...

Елена очень тосковала по Ташкенту, очень! Тосковала по прекрасному городу щедрого солнца, прохладных фонтанов и удивительных цветов. Городу ее детства, юности, молодости. Городу ее любви – любви к Виктору! Неужели это когда-то было? Как летит время! Десять лет она не виделась с Сабиной – не получалось у них встретиться, не складывалось. Любимая подруга стала «голосом» в телефонной трубке, «письмами по Интернету». Десять лет не видела ее мальчишек! Теперь они уже совсем взрослые! На фотографиях – так и не узнать!

Нет, решено: в этом году, в сентябре, она обязательно поедет на родину, обязательно! Почему именно в сентябре? Да потому, что звонила Сабина и сообщила: Анвар женится (уже женится!), свадьба в сентябре, и все они с нетерпением ждут Елену в гости. И не принимают никаких отказов! Значит, надо ехать! Надо перебороть свой страх, который до сих пор все еще гнездится в ее сердце, и... заказать билеты. И она это делает. Поедет вместе с Иришкой. Отпросит ее в школе недельки на полторы, и полетят они в Ташкент, и покажет она дочери чудесный город, и познакомит с чудесными людьми! Интересно, каким стал ее любимец Рустам? Тоже уже взрослый! Сабина сказала, что он на «отлично» завершил учебу в колледже и готовится поступать в институт, собирается стать врачом. Боже мой, даже не верится! Малыш Рустам уже не малыш, уже «собирается стать врачом»! Как быстро все в этой жизни! Интересно, помнит ли он тетю Лену?

Мысли Елены снова сделали скачок от «прошлого» к Анфисе и Ирине:

– Что-то долго нет моих травнищ! – забеспокоилась она и, поднявшись из кресла, высунулась в окно – не идут ли? Что-то, действительно, долго... не заблудились бы! Хотя, ну о чем она говорит! Разве Анфиса и Ириша могут заблудиться! Вот она моментально бы в трех соснах заплутала.

Вдруг взгляд Елены привлекла приближающаяся со стороны поселка стройная женская фигура, направляющаяся напрямиком к ее дому. Интересно, кто это? Быстро оглядев себя в зеркало (все ли в порядке?), Елена направилась к входной двери – встречать гостью.

Ритка (а это была именно она, только повзрослевшая на десять лет и ставшая Маргаритой Маратовной) остановилась перед нарядным деревянным коттеджем.

– Прямо сказочный терем-теремок, – пробормотала она себе под нос и только собралась нажать на кнопку звонка, как дверь, словно по волшебству, отворилась и на пороге появилась хозяйка «теремка». Взглянув на нее, Ритка опешила, в буквальном смысле этого слова. Так и стояла, вытарашив глаза, хорошо, что рот не разинула.

– Добрый день! – приветливо произнесла хозяйка. – Слушаю вас...

– Здравствуйте, – произнесла Ритка и снова замолчала, соображая – ошиблась она или нет? Но уж очень похожа! Неужели это Ленка, жена Виктора и ее ухажера Олега? А может быть, просто похожа? или все-таки она? неужели она? что-то уж очень нереальная ситуация! Это ж надо: искала Анфису, хотела проверить, та ли это Анфиса, которая «ведьма» и к которой они с Катей в Ташкенте ходили, а тут... Вот будет дело, если и Олег здесь, с ней!

– Я слушаю вас, – повторила хозяйка, – вам кто-то нужен, кого-то ищите?

– Да... да, извините... э-э... извините за беспокойство, мне сказали, что здесь живет... э-э... – Ритка замялась, поскольку произносить слово «ведьма» в данной ситуации было как-то не к месту, – что здесь живет травница... целительница Анфиса Афанасьевна?

– Да, Анфиса Афанасьевна здесь живет, вам правильно сказали, только ее сейчас дома нет, за травами в лес ушла, но... – Елена сделала шаг назад и, оглянувшись, посмотрела на большие настенные часы, – но скоро придет. Давно уже по лесу гуляете. Вы подождете?

– Если позволите и... если ваш муж возражать не будет, что летом, во время отдыха вас тревожат ...

– Мужа у меня нет, – сухо ответила Елена, – возражать некому. Проходите в дом. (Интересно, почему «нет»? – подумала любопытная Ритка, – Куда же это Олежек подевался? Разошлась она с ним, что ли?)

Хозяйка провела гостью в большую светлую, просто и со вкусом обставленную столовую и предложила сесть на диван.

– И кто же вас к нам направил? – поинтересовалась она.

– Да здесь, недалеко, в Вязниках, подруга моя живет, – стала рассказывать Ритка. – Сама-то я из Петербурга... сейчас еду на лечение. Муж путевку достал в неврологический санаторий, в Подмосковье. Знаете, такой? Очень хвалят! (хозяйка утвердительно кивнула головой – знаю, мол, слышала), но сначала решила заехать к Нине – это подругу мою так зовут. Мы с ней давно не виделись: дела закручивают, то да се... так что только перезваниваемся (хозяйка снова понимающе кивнула). Ну, вот она мне об Анфисе Афанасьевне и рассказала. Говорит, чем в санаторий ехать, лучше у нее полечиться. Кудесницей называла и... очень, очень хвалила!

– Да, Анфиса Афанасьевна многих людей на ноги поставила, – подтвердила Елена и, вспомнив о своих обязанностях хозяйки, спросила:

– Что будете – чай, кофе? Есть чудесный квас...

– Если можно, чай – это любимый напиток моей родины, – улыбнулась Ритка.

– Вашей родины? – с удивлением произнесла хозяйка.

– Ну да, я ведь не коренная россиянка, я из Узбекистана, там родилась, в Ташкенте, поэтому и люблю чай – душистый, крепкий, а кофе – только по утрам пью.

– Ну, надо же, какое совпадение! – удивилась и искренне обрадовалась Елена. – Так ведь мы с вами землячки! Я тоже родилась в Ташкенте и тоже люблю душистый и крепкий чай. Кстати, мы ведь не познакомились: меня зовут Елена Михайловна.

Ритка как-то судорожно, со всхлипом вздохнула, подавилась слюной и закашлялась: ну, это же надо, а! Точно – она, Елена Прекрасная, жена двух братьев! Ситуация – нарочно не придумаешь! Ну, как такое может быть? через десять лет! в другой стране! встретить!... и кого! и почему она здесь? Вместе с ведьмой живет, что ли?

Или тоже к ней лечиться заявлялась? И вообще, почему эта женщина снова «присутствует» в ее, Риткиной, жизни?!

Прокашлявшись и аккуратно промокнув губы белоснежным платочком, Ритка выдавила улыбку и тоже представилась:

– Маргарита Маратовна.

– Красивое сочетание имени и отчества, – похвалила Елена и, взглянув в окно, добавила, – а вон и мои травницы идут. Сейчас обедать будем, а потом пить душистый чай.

– Нет, нет, спасибо, – заторопилась вдруг Ритка, – я только с Анфисой Афанасьевой посоветуюсь насчет здоровья и пойду.

Переступив порог, ведьма взглянула на гостью и неожиданно для Елены произнесла:

– Здравствуйте Маргарита!

(Откуда она может знать ее имя? – поразилась Елена. – Неужели до такой степени ведьма?!)

– Здравствуйте, – растерянно проговорила Ритка, – а вы... вы что же... вы помните меня что ли? – (в голосе искреннее удивление) – Столько лет прошло!..

(А... так они просто уже когда-то встречались, – объяснила для себя «угаданное имя» Елена, – ну, тогда все логично. Анфиса ведь всю жизнь людей лечит, а память у нее – дай бог каждому!)

– Конечно, помню, – со вздохом произнесла Анфиса. – Пойдемте в мою комнату, там и поговорим.

После разговора с ведьмой Ритка вышла притихшая, задумчивая и, как показалось Елене, немного подавленная. С интересом взглянув на Иринку и ласково улыбнувшись ей, она вежливо попрощалась и, пожелав всем здоровья, торопливо покинула дом, направившись в сторону главной дороги – ловить попутку до Вязников.

– Знаешь, Леночка, кто у нас сейчас был? – загадочным тоном спросила Анфиса.

– Нет, откуда же мне знать? Я впервые вижу эту женщину, хотя... что-то в ней есть такое...

– Есть, есть и такое, и сякое. Она была девушкой Олега. Он встречался с ней до... до серьезных отношений с тобой, так что раза два-три ты точно ее где-нибудь с ним видела, просто вниманием особого не обратила.

Елена удивленно приподняла брови, но промолчала, не испытывая ни ревности, ни особого интереса к этой теме: что было, то было, травой поросло.

– Но дело не в этом, – продолжала Анфиса, – дело в том (она выдержала паузу, а Елена насторожилась)... дело в том, что именно эта самая Маргарита Маратовна спасла тебя от страшной и жуткой участи: именно она рассказала мне о неких «сектантах», «сатанистах», которые решили «поставить жуткий опыт» и на ней и на тебе. Фотографию твою мне принесла....

(Удивленный взгляд Елены – откуда у нее фотография-то?).

– Видимо, у Олега была, – ответила на ее «взгляд» Анфиса, – на ней ты, Олег и Виктор. Мне эта фотография сильно помогла.

Елена пожалала плечами и вспомнила: Сабина во время их «странного» разговора о ведьме говорила о Рите, подруге Олега, и... и о фотографии. Да... кажется так. Ладно, говорила – не говорила, теперь это уже не важно.

– Вот такие дела, – продолжала Анфиса. – Так что если бы не ее предупреждение, то я о твоей беде и не знала бы ничего и помочь бы тебе не смогла.

– А она... ну, эта Маргарита, узнала меня?

– Узнала, узнала... Тебя-то она узнала, а вот то, что Олег умер, только сейчас, от меня услышала. Я ей, конечно, обо всех наших ужасах докладывать не стала, сказала – умер человек от сердечного приступа – и все, в подробности не вдавалась, ни к чему. У Маргариты итак после всего, случившегося с ней, страх в душе живет, не отпускает. Вот уж сколько лет, бедная, мучается! Сказала, что после санатория снова ненадолго к нам заедет, хочет, чтобы именно я ее от этого «страха» избавила. Только, видишь какое дело, проблема-то вся в том, что избавиться от страха не так-то просто. Ох, как непросто!

– Анфиса, а что с ней-то случилось? Она-то чего боится?

– Знаешь что, давай пообедаем сначала, ребенка накормим да отдохнуть уложим. Ирине не мешает часа два поспать, набегалась она сегодня по лесу досыта. Ох, и энергии в ней! Минуточки спокойно не постоит!

Анфиса выглянула в окно:

– Вон, как она на качелях качается, не качается, а летает! Ирина! Ну-ка, давай, беги мыть ручки и обедать! Быстренько!

– Обедать буду, а спать не буду! Знаю, о чем вы там с мамой договариваетесь! Все знаю! – звонким голосом прокричала девочка. Ее длинные темные волосы развевались по ветру, весело блестели озорные лукавые глазки. На траве валялся красивый веночек из мелких ромашек и каких-то ярких – голубых и желтых – полевых цветов: видимо, слетел с ее головы, когда она начала «летать» на качелях.

– Вот такие «знайки», как ты, обязательно после обеда спят, ясно?! Ну-ка, оставивай свои качели и в ванную, быстро! И руки мой чисто, я проверю!

Повернувшись к Елене, которая с нежной улыбкой смотрела в окно на свою чудо дочку, Анфиса закончила начатый разговор:

– А мы с тобой после обеда сядем на нашу скамеечку под кудрявую березоньку, и не торопясь побеседуем. Кстати, Маргарита номер сотки своей оставила.

– Это хорошо... – задумчиво произнесла Елена. – Я ей обязательно позвоню, обязательно! В гости к нам приглашу... чтобы после санатория... благодарю ее... – и вдруг спросила, резко и в то же время с какой-то с затаенной болью, – Анфиса, получается, что я у нее в долгу?

– Получается, получается... а долг, он, как известно, платежом красен.

– Послушай, а может быть мне самой в санаторий съездить, навестить ее. До него от нас не так уж и далеко. Попрошу – Виктор отвезет. И проведу человека, и поговорю... по душам. Это ведь тоже своего рода терапия... и для нее и для меня... как ты считаешь?

Анфиса не ответила, глядя куда-то мимо Елены и о чем-то сосредоточенно думая...

– Не торопись, – наконец произнесла она, – чего ты так разволновалась? Она помогла тебе, а мы поможем ей, потому как вряд ли санаторий, даже «особенный», справится с ее проблемой. Чтобы со страхом справиться, надо причину знать, а причину-то как раз она санаторским врачам объяснить и не будет. Не сможет, потому как «причина» ее нездоровья очень уж фантастическая. Не поверят ей, за сумасшедшую примут. А кому охота в сумасшедших-то ходить! Так что сама она к нам приедет, хотя... – Анфиса поджала губы и глубоко вздохнула, – страх – это такая мерзкая штука! Его и опытная ведунья вряд ли до конца изведет. Вот ты у меня – наглядный тому пример. На ноги-то я тебя поднять подняла, а страх твой под корень так и не извела. Ладно, давай оставим сейчас эти разговоры, займемся обедом и ребенком. А там посмотрим, подумаем...

Женщины стали накрывать на стол, попутно делая замечания расшалившейся Иришке.

Уложив девочку спать, долго сидели на скамеечке, под любимой березонькой. Анфиса рассказала Елене о Рите, рассказала то, что знала. Помолчали, вспоминая страшные события десятилетней давности.

Елена все никак не могла успокоиться, все думала и думала об их недавней госте, землячке из Ташкента: получается, что на земле есть человек, с которым тоже происходило «всякое»? Получается, что она, Елена, не одинока в своих странных и страшных видениях и не менее странных и страшных «контактах»? Есть, есть человек, который тоже хлебнул своего ужаса из «мистического котла»! Этот ужас убил Олега и едва не уничтожил ее...

– Я должна сама поговорить с Маргаритой, – прошептала Елена. – Мне почему-то кажется, что и этой женщине тоже очень хочется поговорить со мной. Мы должны поговорить друг с другом, я это чувствую... От этого и ей и мне легче станет.

– Леночка, с кем это ты так тихо беседуешь в темноте, под березонькой? – Виктор сел на скамью, рядом, и ласково обнял любимую женщину за плечи. – Не замерзла? Вечер прохладный, вынести твою шаль?

– Спасибо, не надо! Я вот о чем тебя хотела попросить... – Елена замялась, вспомнив, строгое наставление Анфисы «вести себя хорошо и ничего не придумывать».

– Слушаю тебя со вниманием!

– Ты знаешь, где находится Березовка? Ну... там еще, в той стороне, недалеко от этого поселка есть неврологический санаторий, его, по-моему, так и называют «Березовая роша». Сможем мы с тобой завтра проехать туда и в тот же день вернуться обратно?

– Где санаторий-то знаю, но зачем он тебе? Что-то случилось? Тебе нужна консультация врачей? – с тревогой в голосе спросил Виктор и, развернув Елену к себе, посмотрел ей в глаза.

– Нет, нет, никаких консультаций мне не надо, успокоила его Елена, – просто там... там знакомая моя сейчас лечится, и... и я хочу ее проведать... мне очень надо...

– Ну, раз надо – значит, проведем, что ты так волнуешься? Прокатимся с ветерком до санатория и обратно, и дочка будет рада. Она как раз меня сегодня просила «покатать» ее, ну вот и покатаю. Мы с ней по роше погуляем – роша там чудесная! – а ты подругу проведать. Идет!

– Идет! Спасибо тебе! Я действительно... мне, действительно, очень надо ее проведать.

Холодные, напряженные фразы остались позади – растаяли, испарились. Елена и Рита говорили и говорили, может быть, впервые, за долгие годы по-настоящему с облегчением ощущая, что они не чокнутые, не сумасшедшие, что все, происшедшее с ними – реальность: жуткая, страшная, невероятная, необъяснимо-мистическая, но все-таки реальность.

Потом Ритка рассказывала о своем прекрасном муже и не менее прекрасных детях (у нее их было двое – мальчик и девочка, как по заказу); разоткровенничалась и чаще скрытная, сдержанная Елена и тоже поведала историю своей жизни. Наговорившись, женщины вышли из коттеджа и стали прощаться.

Подожли Виктор с Иринкой, и Елена познакомила их со своей «землячкой из Ташкента».

– Пора ехать, Леночка, прощайся с подружкой – Виктор приветливо кивнул Рите головой и пригласил в гости. И снова, обращаясь к Елене:

– До дому не близко, да и Ириша что-то капризничает, устала, наверное. Мы пойдем с ней на стоянку, машину прогреть, а ты догоняй!

– Мама, – лицо девочки было не по-детски серьезным, – здесь плохое место, плохое! Хоть папа и говорит, что хорошее и красивое, но оно плохое! Я не хочу здесь больше оставаться! Пойдем отсюда скорее!

– Хорошо, зайныка, хорошо, иди с папой, я сейчас приду!

– Дочка у тебя – просто чудо! Такая же красавица, как и ты, только темноволосая, – от души похвалила Ритка, глядя в спину удаляющемуся Виктору и Иринке, которые шли в сторону стоянки «прогреть машину». – И мужчина видный, симпатичный и, по-моему, порядочный, добрый. Лицо у него такое... Хорошее лицо! Надо тебе замуж за него выходить, Лена! Тем более что дочка у вас растет. У ребенка должен быть отец. Официальный отец. Для детей это очень важно. Поверь мне, я педагог, знаю.

– Да, я тоже об этом думаю...

– Тогда думай побыстрее и... зови на свадьбу, – рассмеялась Ритка.

Клэр с Николаем вышли из спешкорпуса и медленно пошли по дорожке мимо клумб с прекрасными розами.

– Да вы здесь настоящий розарий устроили! – похвалила Клэр. – Удивительно красивые цветы! – и с грустью и болью в голосе добавила, – Ло очень любила розы! Очень! Особенно алые...

Николай нежно сжал ее руку и, повернувшись к садовнику, работающему неподалеку, вежливо окликнул его:

– Анатолий! Срежьте, пожалуйста, нашей гостье самые красивые розы... Нет, не те, не белые, с этой клумбы, алые.

Через минуту Клэр держала в руках чудесный букет роз – алых, как кровь.

– Мне надо вернуться в корпус, дорогая, есть кое-какие дела, – Николай коснулся губами щеки Клэр.

– Ты все еще пытаешься найти самку, способную выносить и родить аланта? – с грустью в голосе спросила Посвященная.

– Да... пытаюсь, но пока, к сожалению, безуспешно. – Николай тяжело вздохнул. – Видимо Елена, которую вы тогда нашли в Ташкенте, была какой-то особенной. Не случайно внешне она так походила на Избранную! Она бы, я думаю, выносила плод и родила.

– Не будем вспоминать о ней, – с болью в голосе проговорила Клэр, – будем надеяться, что ты найдешь новую Елену. Ладно, я погуляю немного. Очень люблю твое березовое царство! На редкость красивое место! Давно я здесь не была...

Она медленно пошла от основного корпуса в сторону роши, в которой располагались уютные и нарядные коттеджи.

Ритка, стоявшая лицом к корпусу и с улыбкой уговаривающая Елену немедленно выходить замуж, вдруг замолчала и сильно побледнела. Своими зоркими глазами она разглядела женщину с букетом в руках, которую в эту минуту отвлек какой-то старичок – видимо, спрашивал ее о чем-то.

– Что случилось, Рита? – с тревогой спросила Елена, поразившаяся такой резкой смене красок на лице своей новой знакомой.

– Лена, быстро в коттедж! – Ритка схватила ее за руку и потащила к своему домику. Захлопнув дверь, они встали около окна, рассматривая дорожку сквозь приоткрытые жалюзи.

– Да что случилось-то, Рита?

– Сейчас, сейчас... сейчас она до нас дойдет... вот... вот.. видишь эту женщину? Видишь? Посмотри на нее внимательно... (Ритка и сама впилась в нее взглядом). Она тебе никого не напоминает?

Клэр остановилась как раз напротив их коттеджа, раздумывая – идти дальше или повернуть назад, к корпусу. И вдруг... как током пронизало все тело! Тут же настожились: что-то внутри нее задрожало и отозвалось, что-то непонятное, смутное, ноющее, как давняя боль... Опасность? – она быстро и зорко осмотрела все вокруг – никого... никого, кроме «санаторных», медленно гуляющих, по дорожке. Тогда откуда же эти волны тревоги и боли? Клэр внимательно оглядела коттеджи... (Елена и Ритка автоматически отодвинулись от окна в глубь комнаты) – вроде бы и здесь все тихо и спокойно. Странно... странно и неприятно...

Этот мерзкий Филин, чуть не убивший ее тогда, в комнате ведьмы, оставил боль в груди и постоянное обостренное чувство тревоги, как будто его серая тень убийцы до сих пор неслышно и мягко скользит следом, висит за спиной, давит...

– Интересно, где сейчас эта Белая Ведьма Анфиса? – подумала Клэр, и ее красивое лицо на секунду исказила гримаса ненависти. – Попадись она мне снова, я бы ее... – она скрипнула зубами. – А может быть, этой Анфисы и в живых-то уже нет? Человеческий век короток. Но ведь она обязательно кому-то должна передать свои знания! Обязательно! Настоящие ведьмы без этого не уходят! – Клэр задумалась. – Да... та, которой она передаст свои знания, будет очень, очень опасна для нас!

Глубоко вздохнув, Клэр еще раз внимательно оглядела близлежащие коттеджи и пошла назад, к корпусу.

– Господи! Как она похожа на Лолу! – выдохнула Елена, – только на Лолу, сменившую прическу и ставшую брюнеткой!

– Она похожа на жуткую красавицу из зеркала, которую я потом встретила в сквере с алыми розами в руках. Помнишь, я тебе рассказывала (Елена кивнула). И эта тоже с алыми розами... только брюнетка, а та, «зеркальная», как и «твоя» Лола, была блондинкой...

- А может быть, и «моя» Лола и «твоя» блондинка с розами одно и то же лицо?
- Может быть, – кивнула головой Ритка, – я еще тогда, когда рассматривала этих сатанистов из-за занавески в коттедже, в горах, обратила внимание на то, что они, как штампованные...
- Рита, ты видела, как она глядела в сторону твоего коттеджа? Нехорошо глядела... как будто знала, что мы за окном стоим.
- Видела...
- Рита, а может быть, мы ошибаемся, и это просто красивая женщина и...
- Ничего мы не ошибаемся! – резко перебила Ритка Елену, – Это не просто «красивая женщина»! У нее рожа «зеркальной дряни». И потом, *неужели ты ничего не чувствуешь?*
- Чувствую... страх дикий чувствую, аж внутри все переворачивается! Только-только от этих страхов избавилась и опять! Мне, действительно, страшно, Рита!
- И мне тоже. Я здесь больше секунды одной не останусь! Ни за что не вынесу повторения «того ужаса»! Лена, вы можете забрать меня с собой?
- Конечно, о чем речь! Собирайся, только быстрее!
- Спасибо! Я мигом!

Клэр, не торопясь, вышла из роши на просторную солнечную поляну – ухоженную территорию перед корпусом, превращенную стараниями садовников в настоящий цветник. Тревога не покидала ее. Более того, это неприятное чувство усиливалось, поскольку Клэр не понимала причины внезапно возникшего у нее «ощущения чего-то». Но все тихо, спокойно. Ничего! Ну что ж, значит, просто показалось... И такое бывает... Однако где-то, в глубине души, осталось весьма неприятное ощущение, что она только что что-то упустила или... или кого-то... Досадно... Очень досадно!

Захлопнув дверь коттеджа, Елена и Ритка сначала скорым шагом, а потом бегом направились по боковой дорожке в сторону большой стоянки для машин.

Увидев бегущих женщин, Виктор пошел им навстречу, подхватил сумку Риты и, засунув ее в багажник, сел за руль.

Запыхавшиеся и как будто перепуганные женщины ящерками юркнули в салон.

– Виктор! Поехали и побыстрее! – в голосе Елены чуть ли не истерика.

– Девочки, за вами кто-то гонится? Неужто здесь такие ярые ухажеры? – со смешинкой в голосе спросил Виктор и хотел добавить еще что-то, но Елена резко перебила его:

– Пожалуйста, Виктор, скорее! Я тебе потом все расскажу, все объясню, хорошо! А сейчас – поехали и быстрее!

– Хорошо, хорошо, уже едем! – взглянув, на посеревшее лицо сидящей рядом с ним женщины, он еще раз повторил:

– Едем, Леночка, едем! Сейчас на трассу вырулим и с ветерком вперед, и никто нас не догонит!

– Да, папа, уезжай, уезжай отсюда и поскорее! Мне тут совсем не нравится! Со всем! Плохое место! Мы с тобой в другом лесу гулять будем, в хорошем!

Ритка сидела молча, вцепившись побелевшими пальцами в свою маленькую изящную сумочку. В ее голове, как заезженная пластинка, крутилась только одна мысль:

– Скорее, скорее... подальше от этого места... Скорее! Иринка права, «плохое место», отвратительное место! Дети такие вещи всегда чувствуют! Подальше и от этой «роши» и от страшных видений прошлого! Подальше... и чтобы больше никогда... никогда...

Когда и санаторий и Березовка остались далеко позади, Рита, обращаясь к Елене, сказала:

– А ведь ты спасла меня сегодня. Если бы не ты... даже не знаю, что со мной было бы. Вовремя вы приехали!

Виктор, услышав такую странную фразу, с удивлением глянул в зеркало обзора

на Риту, затем бросил взгляд на Елену. Та, повернувшись к своей знакомой, улыбнулась ласково и печально и тихо произнесла:

– Долг платежом красен.

Этот ответ тоже удивил Виктора, но ничего уточнять он не стал, знал, ему позже все объяснят, раз обещали.

Немного помолчав, Елена тряхнула головой и, как бы прогоняя тревожные мысли, весело сказала:

– Успокойся, Рита! Сейчас приедем, примем ванну: вода – великий целитель, она снимает всю негативную энергию! А потом будем жарить шашлык. Виктор вчера замариновал мясо, он в этом плане большущий спец, правда, милый? (Виктор быстро глянул на Елену, глянул с надеждой и благодарностью: впервые эта женщина, столь дорогая его сердцу, так ласково, по-родственному, обратилась к нему). Будем кушать чудесный сочный шашлык и пить крепкий душистый чай!

– Да, мамочка, да! – радостно воскликнула Иришка, – я очень, очень люблю шашлык!

Все рассмеялись, глядя на девочку.

– Ша-шлык, – поправила ее Ритка и, ласково прижав ребенка к себе, поцеловала в душистую, пахнущую солнцем и травами макушку.

Конец

ПОЭЗИЯ

Раиса КРАПАНЕЙ

*На островах
мечты*

* * *

На островах мечты
Тень радугой нависла,
Как видно пронесли
Пустое коромысло.

Давно не ворожат
На дальнюю дорогу.
Успеть ладонь разжать,
И отпустить тревогу.

И золотые львы
Здесь не играют в салки.
И не живет, увы,
Никто в воздушных замках.

И дождичка в четверг
Уже не обещают.
Не хочется – не верь:
Бессмертья не бывает.

* * *

Друг другу лжем с наивностью ребенка,
Во взрослых играх проигравший прав.
Обиды торжествуют втихомолку,
Надежды обнищавшие изгнав.

Еще не сказанное, виновато слово.
Привычно ложь читаем по губам.
А на кровати коленкоро-новый
Небрежно развалился чемодан.

Принять-простить? Без боли не простится.
Хлестнет по сердцу ревность-западня.
Какая боль поможет исцелиться
От пыток непрошающего дня?

Чувалачи*

В старых фото детвора... Поди узнай,
Что с ладошки смуглой скоро брызнет май!
Постучи! За зноем выжженных ворот
Жило детство, как приснившийся полет.

На углу чинара, старый тут.
Нас, неузнанных, забытых, словно ждут.
С разлохмаченной лозой виноград
Дарит тень, он тоже встрече рад.

Вы вернулись? – ждет медлительный искры,
Рядом прянет чернобровый базилик.
Переспросят перепелки: «Чьи вы, чьи?»
Мы из детства, мы твои, Чувалачи.

Пусть снятся радостные сны...

Конец смирившегося дня.
Ночей бессонное начало.
Во времени моем меня
Непоправимо стало мало.

Будь светлою наградой грусть,
Как не была бы жизнь бескрыла,
В конце дороги не свернуть –
Неумолима смерти сила.

У предвечерней тишины,
Что в безраздельном подчиненьи
Бестрастной и бездонной мглы,
Прошу от боли избавленья.

Пусть снятся радостные сны.
И пусть в весенний день умру я...
Над храмом чистым, неземным,
С чьих губ сорвется «Аллилуйя»?

* Чувалачи – старинная улица в Старой части города Ташкента.

Бессонно-сказочное

Крадется луч таинственно-желанный,
Вскрывая окон черную печать.
Меня, золотовласку-несмеяну,
На ложе серебристом покачать.

У сонных глаз малиновые птицы,
Непрошенно поют до светлых зорь.
Быть может, Шамаханскую царицей
Взойду в неусмиряющий шатер.

Заложник торжествующих обетов,
Успеет ли к развязке Елисей?
В своем бессмертье одичалый ветер
Уносит тайну гибели моей.

Беспомощный встревожит чей-то шепот
(Не я ли прошептала: «Помоги!»?)
Но грезы вдруг сменяются дремотой,
Вдохнув покой поющих летаргий.

проза

Сергей ТАТУР

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

Фантастическая повесть

Глава VI

Петр Иванович сидел в кресле в просторном своем кабинете, а перед ним висела карта мира, и он смотрел на материки, моря и океаны, такие привычные с далеких школьных лет. Это было любимое его занятие. На материках коричневой краской были обозначены горные хребты, синей – ленты рек, точнее, кроны рек, кончающиеся мощным стволом, который обрывался на морском берегу. Зеленый цвет обозначал равнины, и там лепились без начала и без конца кружочки городов. Равнины человек давно превратил в пашни и сады, а кружочки городов соединил железными и автомобильными дорогами – как часть целого, как фрагменты и регионы единого мирового хозяйства. Перед его глазами словно происходило движение народов из глубин веков ко дню сегодняшнему, к цивилизации без государств и без границ, в которой человек добился самовыражения глубокого и полного и теперь реализовывал свои права без сучка и задоринки.

Вот человек в оленьей шкуре, с луком и стрелами на тропе охоты. Вот человек в шлеме, со шитом и мечом на тропе войны. Вот он плывет к далеким берегам, а над ним нависает тугой парус. Вот человек создал паровую машину, поставил ее на рельсы, и его движение вперед получило могучий импульс. Вот человек разгадал тайну электричества и подружился с ним, и его движение вперед ускорило еще. Он научился передавать свой голос и изображения на большие расстояния. Вот человек узнал про подъемную силу крыла, и птицы перестали быть безраздельными хозяевами воздушного океана. Вот человек создал электронную память и думающие машины, и вскоре они превзошли возможности его мозга. Вот человек создал верного помощника своего – робота, послал его на поля, на заводы и фабрики, ввел в свой дом – и позабыл, что такое дефицит того-то и того-то, что такое тоска одиночества. А исчез дефицит, исчезли и распри: незачем стало отодвигать соседа от источника, в котором студеной водички уже хватает на всех. На Луне, на Марсе и прямо в космосе появились поселения с рудниками, с заводскими корпусами, роботами созданные и для них предназначенные. Но дальше, дальше! Петру Ивановичу это было очень интересно.

Карта перед ним отражала расселение народов. Государства же, как и границы между ними, на планете Земля давно отсутствовали. Они были признаны изжившими себя и упразднены (этому предшествовали самые громкие референдумы в истории человечества). Завершающий, всемирный референдум 2057 года девянсто двумя процентами голосов сказал «нет» государствам и их границам. С тех пор единым че-

ловечеством правила Организация Объединенных Наций, а все дела на местах решались органами местного самоуправления, городскими и территориальными. К своему единению человечество шло более ста лет, через единое экономическое пространство и единую валюту.

Население Земли за последние сто лет не выросло и не уменьшилось, стабилизировалось на семи миллиардах. Такое понятие, как страны развитые, развивающиеся и замыкающие человеческую колонну, ушло в прошлое. Производство, образование, здравоохранение, культура и, главное, уровень жизни на всех пяти континентах были на очень высоком уровне, и лучшее, где бы оно ни рождалось, почти тотчас же становилось всеобщим достоянием. Если прежде острие технического прогресса занимало несколько продвинутых стран – Соединенные Штаты Америки, Западная Европа, Япония, Китай (их слово было наиболее весомо и в международных делах), то теперь все земляне почти в равной мере содействовали прогрессу, и мало какие народы можно было упрекнуть в косности и отсталости.

Раз в пять лет проводились выборы во Всемирный парламент, по одному депутату от десяти миллионов избирателей (или от островных и северных территорий с меньшим населением). И раз в пять лет земляне выбирали президента, причем кандидат, занявший второе место, имел право на пост вице-президента, а третье – на пост председателя кабинета министров (премьер-министра). Выборы никого не оставляли равнодушным; аналитики совали свой нос в каждую сколько-нибудь насущную проблему, и поручений, особенно будущему президенту, давалось столько, что он сгибался под их тяжестью. В итоге оказывалось, что президент за свой срок успевал сделать очень много, ведь производительность труда во всех сферах человеческой деятельности выросла чрезвычайно. Так, новые трансконтинентальные железные дороги с шириной колеи два с половиной метра и автобаны прокладывались за полтора-два года, и никакие самые большие стройки не затягивались на несколько лет. Такие понятия, как тайна корпоративная и государственная, отошли в прошлое вместе с государствами и межнациональными корпорациями. Роботы, когда вошли в человеческую жизнь, резко изменили ее к лучшему, особенно в бедных странах.

Понадобилось всего несколько десятилетий, чтобы заплодоносили саванна, тропические и таежные леса, в пустыни пришла вода и заколосились нивы. Продукты питания, одежда, обувь, домашняя утварь и транспортные средства в любом уголке Земли перестали быть дефицитом. Канал из Сибири, широкий и судоходный, пришел в Среднюю Азию тоже полвека назад, и его тоже построили роботы. И таких примеров было много. Реки Конго и Нигер орошали пустыни алжирские и ливийские, река Янцзы – юго-восток азиатского материка. Термоядерные электростанции и сверхемкие аккумуляторы положили конец дефициту электрической энергии, и кондиционеры летом, а электрокалориферы зимой гарантировали комфорт в любой квартире – хоть в тропиках, хоть в тундре. Транспортные средства были выведены из частного пользования и переданы в ведение роботов. Теперь они появлялись минута в минуту там, куда их вызывали, и везли человека, куда ему было надо. Аварии на дорогах стали редкостью чрезвычайной (статистика показала их снижение в двадцать три раза), и смертность от них сократилась почти в пятьдесят раз. У Петра Ивановича, например, не было ни одного знакомого, который погиб бы или пострадал в дорожно-транспортном происшествии.

Повсеместной стала малая авиация. Вертолеты на одного и более пассажиров являлись по вызову немедленно, и им отдавали предпочтение перед авто, когда речь шла о передвижении на расстояния более ста километров. Массовые пассажиропотоки между большими городами обслуживали поезда, автобусы и самолеты, и поезд, покрывавший за сутки шесть тысяч километров, не считался сверхскоростным. Дорога из Москвы в Шанхай или Сеул занимала не более двух суток. Необычной популярностью пользовались города развлечений, первые из которых под названием Диснейленды возникли в Соединенных Штатах в конце двадцатого века. В них реализовывались всевозможные учебно-сказочные и развлекательные сюжеты, и не только. В них были построены десятки точных копий московского Кремля, питерского Зимнего дворца,

парижского Лувра и Версаля, мадридского Эль Прадо со всем их содержимым, включая шедевры живописи. Так что увидеть воочию лучшие архитектурные ансамбли бывших европейских и азиатских столиц и хранившиеся в них шедевры искусства теперь было можно и не посещая эти города, а приезжая на неделю в ближайший Диснейленд.

Земляне практически единодушно исключили из прав человека право не работать, и право на однополые браки, за которыми легко просматривались деградация и вырождение. Человек не имел права делать то, что вело к его вырождению. Проблема, однако, заключалась в том, что труд, создавший человека и возвысивший его над всем живым миром Земли, перестал быть для него жизненной необходимостью и все более превращался в род увлечения, в хобби. Обществу уже было не обязательно, чтобы его члены работали. Каждый работал в мире своих увлечений, и это становилось нормой. Поприше писателя, художника, журналиста, композитора, музыканта, певца и актера, спортивного тренера пользовалось большим уважением, как и поприше ученого, конструктора, врача, учителя.

Не жаловались на невнимание портные и декораторы, парикмахеры, краснодеревщики, цветоводы. Всеобщими любимцами становились спортсмены. Любительский же спорт был доступен каждому. И не просто доступен: тот, кто отлынивал от спортивного зала и стадиона, подвергался массированному общественному воздействию, как враг собственному здоровью, и под огнем критики должен был менять свое поведение на правильное. Очень популярными были горные и лесные туристические маршруты с ночевками в легких палатках и спальных мешках, походы на плотах, на байдарках по быстрым рекам, большим и малым, путешествия на парусных судах, в которых роль матросов выполняли сами путешественники (естественно, в критических ситуациях их подстраховывали роботы). Рабочими были четыре дня в неделю, продолжительность рабочего дня обычно не превышала шести часов. Отпуск работник мог получить в любое время. Необязательность работать, однако, уже сказывалась на психологии человека не лучшим образом, и трудоголиков не ставили в пример, а иждивенцев не укоряли. На трудоголиков часто смотрели, как на чокнутых и зашкаленных, – таковы были реалии дня. Ибо истинными трудоголиками давно уже были роботы, но они в похвале не нуждались.

Мир, который охватывал взглядом Петр Иванович, был очень большой. Но его не раздирали и не сотрясали противоречия. Не надвигались на него и угрозы в виде парникового эффекта, озоновых дыр, всплесков высокой или низкой солнечной активности. Человек прекрасно научился подстраховывать себя на эти случаи жизни. А добыча органических видов топлива по сравнению с началом XXI века сократилась втрое. Единый мировой язык и единая мировая религия, а, главное, ликвидация класса бедных и обездоленных погасили массу межнациональных и межконфессиональных противоречий. Бедных на Земле не было уже давно, так что ополчаться на богатых было некому.

В основу единого мирового языка лег английский, как самый распространенный к тому времени, когда потребность в едином языке стала всем близка и понятна. Но из него убрали артикли, а правописание максимально приблизили к произношению, так что писалось уже именно то, что произносилось. И звуки, такие, как «ш», «ч», «ж», для написания которых в английском языке требовалось две и три буквы, в едином мировом языке обозначались одной новой буквой. Чопорные и консервативные англичане, канадцы и австралийцы и половина американцев были категорически против этих нововведений, но им предложили держаться за старое правописание и произношение, как они держались за свои дюймы, футы и мили, унции, фунты и баррели. Держитесь, одним словом, за свое, если апломб вам дороже здравого смысла, но дорогу другим седой своей стариной не загораживайте. Теперь в мире было распространено двуязычие, ведь каждый, помимо своего родного языка, говорил и на едином мировом.

А единая мировая религия основывалась на том, что Создатель один, и иметь о нем разные представления в просвещенном XXII веке не есть хорошо. Наука четко высветила то, что могло быть Создателем и что входило в сферу Его деятельности прямо и косвенно. Нравственную же основу единой религии составили заповеди, об-

катанные веками и во многом общие для старых религий. Зависть, злость и ненависть, корысть и эгоизм, половая вседозволенность порицались, как недостойные человека, и люди с этими качествами подвергались перевоспитанию, а праведность во всех ее видах и проявлениях, основанная на доброте, бескорыстии, любви к ближнему и уважению к иному мнению и иному образу жизни, становилась ее стержнем. Она так и стала называться – религией праведников. Людям не пришлось ждать прихода пророка и принесенной им новой религии. Она была разработана группой институтов по программе, утвержденной мировым съездом обществоведов и философов. Роль храмов и служителей культа в ней была заметно меньше, чем в предшествующих религиях. И большинство людей сегодня обращалось к Создателю со своими нуждами напрямую, минуя храмы и их служителей. Те же, кому требовалась помощь служителя-психолога, непременно ее получали. И желающие исповедаться тоже приходили в храмы.

Единое экономическое пространство, единые язык и религия и помогли народам позабыть про свои распри. А особенно этому способствовало всеобщее благополучие, в достижение которого весомый вклад внесли роботы. С их помощью достаток пришел в каждую семью. Они же стали наставниками и поводырями тех, кому были нужны наставники и поводыри. Какое-то время роботам пришлось плотно опекать алкоголиков и наркоманов, и они сотворили чудо великое – вылечили страждущих, сделали эти пороки достоянием дня вчерашнего. Петр Иванович продолжал смотреть на пять континентов, давно уже не пересеченных границами. Нормой, однако, продолжало оставаться то, что и в этих условиях японцам нравилось жить среди японцев и по обычаям их предков, китайцам нравилось жить среди китайцев и по обычаям китайцев (хотя они распространялись по миру стремительно, как в свое время испанцы и англосаксы). Русским нравилась русская культурная и языковая среда, арабам – арабская, и так далее.

Никто против этих традиций не восставал и их не переиначивал, тут все шло естественной чередой и не менялось командами свыше. А сами команды раздавались не часто, и общемировой порядок покоился на порядке и согласии на местах и на инициативе мест, весьма многообразной. Инициатива же мест опиралась на инициативу всех и каждого, то есть на частную инициативу. Подразумевалось, что собственность (за исключением личной) и все накопленные богатства становились общечеловеческим достоянием, но каждый, кому нравилось владеть чем-нибудь и кто через владение мог это что-то содержать в порядке и улучшать, мог это себе позволить. Хозяевам вменялось владеть собственностью так, чтобы она приращивалась к общему благу, но не хирела и не прозябала.

Вообще, хозяйская рачительность и хватка приветствовались во всех проявлениях, общество от этого только выигрывало. Человек с хваткой хозяина, как правило, управлял таким количеством собственности, какое было ему по силам. Естественно, такое управление контролировалось и обществом (в лице совета директоров), и роботами (тихо и в тайне). Ничто большое и важное на Земле давно уже не делалось и не совершалось бесконтрольно. В человека при его рождении вживлялся датчик, и глобальному электронному мозгу всегда было известно местоположение каждой конкретной личности и такие параметры его здоровья, как температура тела, кровяное давление, состав крови. Так что человек часто еще не знал, что болен, и не вызывал «скорую помощь», а к нему уже ехали врачи и брали его под свою опеку. Единая мировая валюта сложилась из ведущих валют Америки, Европы и Азии и получила название «солнышко». Стоимость одного солнышка была приравнена к одной десятой грамма золота и не менялась уже более полувека. При рождении любому человеку открывался счет на миллион солнышек, и он мог пользоваться им по своему желанию в течение всей жизни. Если он работал, он пополнял свой счет, часто многократно его увеличивая. Если он жил в свое удовольствие, ему на эти удовольствия вполне хватало. Ведь он практически не мог потратить эти деньги на радости жизни, не согласующиеся с нормами морали (от Лас-Вегаса и подобных заведений остались одни воспоминания).

Глава VII

Диснейленд «Шехерезада» был построен четверть века назад в ста шестидесяти километрах от Тегерана, на берегу Каспийского моря. Его площадь составляла тридцать шесть квадратных километров, и ежедневно его гостями были полмиллиона человек. А рядом стояли отели, числом около тысячи. В Диснейленд приезжали примерно на неделю. Ведь чтобы обойти дворцы Зимний или Версальский с их картинными галереями, требовался день: эти шедевры зодчества были воспроизведены в Диснейленде один к одному.

Приобщиться к мировым шедеврам архитектуры и поразвлечься Талдыкины прилетели втроем, и их самолет, когда заходил на посадку, минуты три обигал огромный Тегеран, зеленый и белый, расчлененный на многие части широкими автомобильными реками, прежде чем коснулся колесами посадочной полосы аэропорта. Таких процедур, как досмотр пассажиров и их багажа, в аэропортах давно уже не было. Пассажиры отходили от самолета метров на сто и садились в авто группами или по одному, как им было удобно. Если им был нужен вертолет, они отходили от самолета метров на сто в другую сторону. Когда Талдыкины вошли в трехэтажный отель, багаж уже поджидал их в четырехкомнатном номере. Минут десять они поплавали в бассейне – и поехали в Диснейленд. Маленькие авто внутри казались больше, чем снаружи; кондиционер насыщал салон озоном и прохладой.

А в Диснейленде, дышавшем легендами и приключениями лукавой Шехерезады, они словно ступили на Великий шелковый путь, который вот уже 2400 лет связывал Европу и Китай. Подумать только, еще Александр Македонский ничего не слышал о Китае! Он считал, что земля кончается в Индии – и хотел дойти до ее края во что бы то ни стало. Вскоре после смерти великого Александра китайцы проторили дорогу на запад, ею вместе с ними тотчас воспользовались и европейцы, и десятки караванных троп широтного направления заполнились купцами, их службой, лошадьми, верблюдами. Шелк, фарфоровая посуда, чай, бумага и порох потекли на запад, булатная сталь, сукно, льняное полотно, вино и кони – на восток. И кто за тысячелетия существования Великого шелкового пути выиграл больше, Восток или Запад? Трудно сказать; статистика таких подсчетов никогда не вела.

Выиграли, и по самому большому счету, обе цивилизации. Они не смешались и даже не видоизменились, но почерпнули друг у друга много полезного. Великий шелковый путь сыграл роль сообщающихся сосудов между ними. А когда была открыта морская дорога в Индию и Китай, Великий шелковый путь тихо угас, ведь верблюд не мог выдержать конкуренции с бригантиной. И страны, на этом пути лежавшие, остановились в своем развитии. С севера на их земли пришли русские, с юга – англичане, и приобщили к европейской цивилизации. Провели железные дороги, линии связи, заводы построили. Только в Афганистан никто не пришел, точнее, никто из цивилизованного мира там долго не задерживался, потому что сами афганцы очень этого не хотели, и ничто там не поколебало мрачного средневековья. Потом Великий шелковый путь продублировали железные дороги широтного направления, и он вновь заработал, да еще как интенсивно! Сейчас он, можно сказать, гудел от напряжения.

Не успели Талдыкины войти в Диснейленд, как попали на огромное стойбище верблюдов. Сотни двугорбых рыжеволосых великанов переминались с ноги на ногу, их глаза, устремленные на людей, выражали высокомерие. Это были роботы. Они ничем не отличались от настоящих верблюдов, но не обладали их вредными привычками (не плевались, не брыкались, не оставляли после себя навозных куч). Первым номером программы была прогулка на верблюде по караванной тропе, и каждый посетитель Диснейленда должен был испытать на себе, что это такое. К верблюду надо было приноровиться. Вот он, кряхтя, роняя слюну и бешено вращая глазами, нехотя опускается на колени, потом ложится, человек взбирается на его спину между двумя горбами, обнаруживает под собой седло, а на верблюжьих ребрах стремяна, всовывает в них туфли, его пальцы нащупывают уздечку и дают посыл, верблюд поднимается и идет вперед. Все внимание неумелого всадника сосредоточено на том, чтобы удержать равновесие.

А верблюд важно шагает вперед, и предполагается, что впереди у него путь в шесть тысяч километров. Петр Иванович, Вера Андреевна и Павел на верблюжьих спинах – это уже часть каравана; впереди и сзади верблюды с тугими тюками. Неспешность во всем, – верблюд никуда не торопится. Но при неспешности своей он неприхотлив и неумолим, потому что его выпестовала пустыня. Правда, у тех верблюдов, на которых восседали люди в Диснейленде «Шахерезада», была совсем другая природа, фабрично-заводская, электронная. Но она была столь тщательно скрыта под имиджом живой природы, что и комар никуда не мог просунуть своего тонкого носика. Караванная тропа пролегла по пустыне, по барханам сначала красноватого, потом черного песка, покрытым редкими кустами саксаула; стволы саксаула походили на небрежно заплетенные старушечьи косы. Караван-сарай примостился между барханами. Колодец возвышался перед ним. На его ворот намотали столько веревки, что легко было догаться: до воды метров тридцать. Толстые стены караван-сарая были сложены из глины, смешанной с мелко нарубленной соломой, крыша – камышовая, плоская, сверху покрытая глиной. Окна высотой и шириной не более локтя; полумрак в комнатах был как бы синонимом прохлады.

Два очага стояли перед караван-сараем, в них были вмурованы большие черные котлы. Огонь трепетал в очагах, а в котлах варились плов и шурпа – суп с бараниной и курдючным салом, овощами, горохом. В старинном медном самоваре кипела вода, и чаю испить можно было хоть сейчас. Внутри самовара горело такое же пламя, как в очагах – дровяное. Можно было спешиться, откусать плова, заглянуть в караван-сарай, посмотреть, чем торговали люди много веков назад. Шелковые ткани, фарфоровая посуда, чай вполне годились для дня сегодняшнего, а в оружии, холодном и горячем, огнестрельном, слава Создателю, люди уже не нуждались, их мораль и их образ жизни исключали опору на силу оружия и потребность в нем.

Талдыкины останавливаться не стали и в караван-сарай не заглянули, их верблюды неспешно прошествовали дальше. «Топ-топ-топ!» – вышагивали верблюды, и их круглые широкие ступни поднимались и опускались в такт медленно текущему времени.

– Век мечтала оказаться на Великом шелковом пути, – сказала Вера Андреевна.

– Тут совсем другой расклад времени, совсем другое его ощущение, – согласился Петр Иванович.

– И как люди могли месяцами высидеть на верблюжьих спинах? – спросил Павел. – Как они привыкали никуда не торопиться? Идешь по Китаю, и два месяца вокруг горы, снег и холод. Идешь по Средней Азии, и три месяца вокруг пески и жара. Огибаешь Каспий, идешь по Турции, по Балканам...

– И постигаешь величие мира, его безбрежность, – досказал Петр Иванович. – Чего только ты не увидишь за это время и с кем не поговоришь! Нет, охотников посетить дальние края во все времена было хоть отбавляй!

– Это мы утром садимся в самолет, а вечером выходим из него на противоположной стороне земли и удивляемся, почему там тоже утро! – сказала Вера Андреевна.

За час они прошествовали километров пять и вернулись в исходную точку, на верблюжье стойбище. Живому верблюду в этом случае в знак благодарности предлагалось предложить что-нибудь вкусное, лепешку или кусок сахара, а верблюда-робота достаточно было поблагодарить кивком головы. Простившись с Великим шелковым путем, Талдыкины размяли затекшие ножки и спинки, освежились арбузным соком – и пошли на американские горки. Сели в тележки, стоящие на рельсах, закрепили ремни безопасности, как в самолетах, взлетели под небо, ухнули вниз, познали, что такое невесомость, снова вознеслись – ай, хорошо! Замирало сердце, но не при взлетах вверх, а при мгновенном падении вниз. И Петр Иванович подумал, что когда человек идет к своей жизненной вершине, у него одно настроение, сродни ощущению, что все впереди, а когда он эту вершину оставляет, он чувствует совсем другое, и обида и боль падения сплошь и рядом сильнее радости и торжества подъема. В таком случае, что такое рождение и смерть? Радость рождения испытывает не сам родившийся, а его мать и отец, его семья. И боль смерти обходит умершего стороной, но тяжелейшей ношей ложится на плечи близких. Получалось, что два важнейших события в жизни человека,

его рождение и смерть, переживал не сам человек, а его ближайшее окружение.

Накатавшись на горках, Талдыкины вошли в мрачное помещение, и громоздкая клеть опустила их глубоко под землю, в шахту, где добывали уголь. Они понаблюдали за тем, как добываются руды цветных металлов, железная руда, золото, какие превращения уголь и руды претерпевают на следующих этапах, как становятся электрической энергией и пластмассами, металлом и деталями машин. Это была развернутая иллюстрация к школьным программам, и Петр Иванович пожалел, что вырос из школьных штанишек, а Павел пожалел об этом еще больше, сорванцов-одноклассников ему очень не доставало.

Потом в огромном темном зале им было продемонстрировано устройство Солнечной системы и их галактики – фильм перенес их на огнедышащую поверхность солнца с температурой в шесть тысяч градусов, на Луну, Венеру, Марс, Сатурн и Юпитер, на космические станции последнего поколения – огромные металлические диски диаметром в полкилометра с вращающимися цилиндрами, сила тяжести в которых равнялась земной. Эти станции предназначались для космических туристов. Исследовательские же космические станции были маленькие, на них работали роботы, которые спокойно переносили невесомость, вакуум и низкие температуры. Роботы идеально подходили для космоса, для освоения планет Солнечной системы и иных миров. Земной комфорт был нужен человеку, не роботу. Могильным мраком веяло на человека с небесных высот, а роботу космос был дом родной. И эту принципиальную разницу человек использовал чрезвычайно продуктивно, – освоением космоса занимались роботы и только роботы.

В музей роботов Талдыкины не зашли, благодаря Павлу, профессией которого было роботостроение, они знали о роботах практически все. Но вошли в пещеру Аладина, взяли в руки и засветили волшебную лампу, а она указала им путь дальше, в следующие подземелья, где блестели-переливались тысячи самоцветов. Они подивились несметным сокровищам, которые когда-то сосредотачивались в руках шахов и султанов, составляли существенную часть их казны. Вере Андреевне сокровища понравились, мужчины же проявили к ним полное равнодушие. Ну, золото, ну, камушки разные посверкивают. Так сколько бед из-за них было на Земле, сколько войн! Что, собственно, в них такого, что человек сделал их своими фетишами?

– Ничего вы не понимаете! – сказала им Вера Андреевна. И они ей не возразили: есть многое на свете, друг Горацио, что выше нашего понимания, и даже пытаться нечего постигнуть это. Но постоять Вере Андреевне возле горы самоцветов позволили, сколько она хотела, и руку погрузить в эту гору разрешили: подержи на ладонке горсть камушков, посмотри, как они сверкают-переливаются! Дома у нее лежало в ларцах красного дерева с десятков ожерелий и кулонов, с десятков сережек и перстней весьма высокого достоинства. Петру Ивановичу казалось, что это непозволительно много, а Вере Андреевне – что это обидно мало. В этом вопросе им не дано было прийти к общему знаменателю, ибо они по-разному смотрели на камни, умеющие блестеть и сиять своими полированными гранями.

Потом перед ними за стеклянными стенами предстали морские глубины, населенные существами обыкновенными и необыкновенными, полными загадок.

Начало смеркаться, а они, по сути дела, только приотворили дверь в Диснейленд. Надо же было придумать такое! Но, ведь, придумали, построили, а потом и многократно окупил вложенные средства: индустрия развлечений, как и шоу-бизнес, была рассчитана приносить прибыль, и она ее приносила. Они только подошли к экзотическим кварталам, где разворачивались действия по сказаниям Шахерезады и где этим действиям предстояло внимать трепетно и долго.

– Послушаем Шахерезаду завтра, а сейчас – в отель! – предложил Петр Иванович.

С ним согласились: ножки у всех Талдыкиных уже гудели. И на последующие дни были оставлены посещение мечети в Агре, московского Кремля, дворцов Зимнего, Версальского и много чего другого. В Диснейленд никто не приезжал на пару дней. Даже те, кто уезжал отсюда через неделю и едва стоял на ногах от усталости, жало-

вались, что не везде побывали и не все осмотрели. Как будто не знали, что все диковинное Диснейленд не покажет им никогда, что-нибудь самое уважаемое и заковыристое непременно утаит. Ибо этим городам надо было поддерживать легенду о неисчерпаемости сказочного начала, в них заложенного. А человеку, когда он уезжал из Диснейленда, начинало казаться, что это сказочное начало каким-то образом перелилось в него, и теперь нашептывает ему сделать то-то и то-то, чего прежде он никогда не делал.

Глава VIII

Петр Иванович обращал свои мысли к Создателю когда хотел и обыкновенно не в храме, не в присутствии служителей культа. Стены храма и смуглый, понурый лик служителя культа общению со Всевышним не способствовали, а только отвлекали от высоких мыслей. Лучше всего для этого подходили тихие предутренние часы, спокойные во всех отношениях и своим спокойствием благоприятные для единения начала земного с началом небесным, Горним. Тогда лучше всего изливалась душа и творилась молитва, если в ней была потребность. Обращаться к Создателю только с хвалой давно уже означало Его обидеть. В восхвалении Он, как Высшее начало Мироздания, не нуждался совершенно. А вот обратиться к Нему с самым для себя насущным и сокровенным было нормально и естественно. И тогда как бы сами собой открывались пути решения проблем, которые составляли суть твоего насущного и сокровенного.

Павла тоже редко когда тянуло в храм и под крылышко священнослужителя. А для Веры Андреевны посещение храма было святое дело, и она предвкушала его заблаговременно, всю неделю. Ей нравилась сама атмосфера храма, в которой отсутствовало что-либо навязчивое и давящее, а торжественность рождалась как бы из самого воздуха, из штрихов малозначаших. Ей нравилась проповедь, очень напоминающая луч света, устремленный к человеку словно из ниоткуда и имеющий свойство останавливаться на его душе. Нравилось, что источник этого света прямо не обозначался, но подразумевалось, что им являются Горние пределы. Этот узкий, строго сфокусированный на сознании человека луч света нес в себе четкое понимание, что есть хорошо и что есть плохо как в общем плане, так и в поведении и поступках каждого конкретного лица. И человеку надлежало воспринимать этот луч света как завет и предназначение.

Вера Андреевна давно уже хотела вытащить в храм своих мужчин. Ей не нравилось, что они в таком наиважнейшем деле, как общение с Создателем, варятся в собственном соку. Конечно, в храме их никто ни к чему не станет обязывать, но пусть они посмотрят, и пусть послушают. Наконец, она добилась их согласия и воссияла, довольная. Общий поход в храм был намечен на ближайшее воскресенье. Религия праведников (так называла себя единая мировая религия) была много проще, но и много объемнее, глубже религий прежних, место которых заступила без каких-либо потрясений и катаклизмов, на основе чисто добровольной. Разумеется, от христианства, ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства, синтоизма отказались далеко не все их приверженцы, но религию праведников уже исповедовали более двух третей землян. А многие совмещали новую религию со старой, ходили в храмы те и другие, это дозволялось.

Единой мировой религии было мало лет, и она ничего не диктовала и ни к чему не обязывала, воздаяний за праведность или наказаний за неправедность в ином мире не обещала, но по-матерински нежно раскрывала объятия и внушала, отнюдь не навязчиво, что в XXII веке верить в Создателя так, как верил в него древний несведущий человек, неправильно, а правильно видеть в Создателе Творца Мироздания и направляющую руку Мироздания, а также его недремлющее око. Создателя не окружали ни ангелы, ни демоны зла, но было не сосчитать Его добровольных помощников как среди людей, так и среди иных мыслящих существ, рассеянных по всему Мирозданию, а это не много не мало сто миллиардов галактик по сто миллиардов звезд в каждой. Храмы праведников своим устройством (в них комфорт не перерастал в роскошь) напоми-

нали клубы и использовались двояко, как храмы и как клубы с массой кружков по интересам, так что вечерняя жизнь в них по интенсивности и накалу страстей часто превосходила дневную.

Одевались Талдыкины тщательно, Вера Андреевна минут двадцать крутилась перед зеркалом, прихорашиваясь, наводя глянец на лицо и прическу. В храм входили торжественно, низко кланяясь, выказывая почтение силам, вознесшим Землю на вершину гармонии. Окно в куполе было прорублено в восточной его части и так точно, что лучи солнца в этот час как раз устремлялись из него на земной шар, нарисованный слева. Эффектно это было очень и символично, словно Создатель демонстрировал свое единение с Землей и человечеством.

– Какая красота! – прошептал Павел, замороженный этой картиной, действительно впечатляющей. Храм заполнился наполовину, когда на кафедру взошел проповедник и ровно в десять часов приветствовал верующих. На нем не было ничего специфического: шивильный костюм, белая рубашка, галстук. Проповеди не затягивались надолго, и большинство прихожан выслушивали их стоя. Но желающие, и немощные в том числе, могли сесть, для них стояли мягкие кресла.

Проповедник сердечно приветствовал паству, но только от своего имени, и, быстро завладев вниманием, провел параллель между лучом света, устремленным из окна на лик Земли, который был запечатлен на стене храма, и устремлениями от Создателя к человеку и от человека к Создателю, такими же впечатляющими. Никто не должен был сомневаться, что эти устремления взаимны, и если кто-то их пока не ощущал, это не означало, что их нет – они непременно наличествовали в тонком мире и тонком плане. Затем он как-то плавно и легко перешел на нужды самые обыденные, бытующие чуть ли не в каждом доме. Никто из ныне живущих не нуждался в хлебе насушном и в рубашке, в крыше над головой и в очаге, синониме тепла и света, и каждая семья обзаводилась своим домом, как только в этом возникала необходимость. Но отношения внутри семьи и внутри дома, отношения между людьми, очень близкими друг к другу – как их выстраивать, чтобы тепло домашнего очага никого не обделяло? Как вести себя, как поступать, чтобы малые и старые постоянно чувствовали рядом с собой заботливую длань тех, кто в самом соку? Как уменьшить число обид к самым близким людям, как сократить претензии к ним?

Другая ситуация: она и он, и еще один он, который тоже ее добивается. Как вести себя ей, если она уже дала одному мужчине слово, что будет ему верна, но теперь это слово ее тяготит все сильнее? Как вести себя мужчине, которого новоявленный соперник пытается оттеснить от любимой женщины? Как вести себя третьему, который отнюдь не сознает себя третьим лишним? Обстоятельство отягчающее – дети, которые могут лишиться родного отца. Ситуация обратная первой: он, она и вторая она, которая хочет, чтобы он перешел к ней. Вы прекрасно понимаете: кто-то из треугольника первого и из треугольника второго своего не получит и должен будет отступить, отказаться от своих намерений. Как ему это сделать, громко хлопнуть дверью или тихо отойти в сторону? Это были темы деликатные и животрепещущие, и проповедник, обнажая их острые углы, давал и чисто житейские, навеянные практикой советы по их сглаживанию. И раз, и два он подчеркнул, что дела такого рода вершатся не по указанию Создателя, что здесь задействуется чисто человеческая компетентность, и здесь же зарождаются азы праведности, такие, как верность, чуткость, отзывчивость, внимание, которые затем обретают свойства черт характера. Основные свои доводы он пояснял примерами доходчиво, просто и понятно, и Петр Иванович пожал руку супруге в знак того, что она правильно сделала, выташив в храм его и Павла, а себе сказал, что надо приходить сюда чаще, а не от случая к случаю.

Затем проповедник переключился на другое, тоже очень важное. Он сказал, что Создатель передал человеку многие функции Творца и стал получать от человека помощь, все более весомую и всестороннюю, его руками облагораживая Землю, а теперь и другие планеты солнечной системы. Что такое творческая функция, дарованная Создателем человеку? Это умение посеять, и умение взрастить, и умение собрать и сохранить выращенное, обратиться его на пользу себе и грядущим поколениям. Правильно ли

поступил человек, наделив этими функциями роботов и теперь все более эти функции на них перекладывая, все более от этих функций самоустраняясь? Он увеличил число работников, но не потребителей благ, расширил сферу порядка, им создаваемую, и, значит, поступил правильно. Но он и переложил со своих плеч ношу труда на плечи тех, у кого это получается лучше, – на плечи роботов, и сразу лишился первой роли в преобразовании планеты. Он самоустранился от острия технического прогресса, отдав его ученым и конструкторам-роботам. И это означает, что человечество достигло вершины, ему предназначенной, и передало эстафету иной, им же созданной форме жизни, которая поведет дело успешнее и эффективней.

И как быть человеку в этих условиях, как вести себя дальше?

Проповедник ставил очень не простые вопросы и не ждал ответа сиюминутного. Он просил думать, думать и думать. Павел про взаимоотношения людей и роботов мог бы ответить ему сразу же, но диалога с проповедником во время самой службы не предусматривалось, и репликами комментировать его слово не полагалось. Но после службы каждый желающий мог получить аудиенцию и исповедаться. Аудиенцию давали и исповедовали как сам проповедник, так и психологи, специально для этого приглашенные. В проповеднике угадывался прекрасный лектор; аудиторией он владел, как заправский оратор. Но он владел ею еще и потому, что любил ее. Его и слушали, как оратора и владельца дум – ловили каждое его слово и словно процеживали его сквозь себя.

Вздых сожаления прокатился, дружный и общий, когда проповедник кончил и произнес слова благословения. Петру Ивановичу тоже показалось, что проповедь завершилась рано. Ему понравилось, что новая религия, заботясь о своем авторитете и углубляя контакты с паствой, находит (или воспитывает) профессионалов высокого класса. Вера Андреевна была, как туго сжатая пружина. Она поспешила и была третьей, кто записался на исповедь к проповеднику. Прождав минут сорок в библиотеке храма, она вошла в небольшой приход, где против маленького столика стояли два кресла. А на столике стояли хрустальная ваза с белыми розами, бутылка с минеральной водой, поднос со стаканами.

Проповедник поклонился женщине, назвал себя, узнал ее имя, семейное положение и род занятий и сразу перешел к делу: его интересовало, что ее тревожит.

– Мой сын – моя тревога, – сказала Вера Андреевна.

– Поясните, моя уважаемая!

– Он работает с роботами – создает их и очень сведущ в своем деле, очень продвинут. Он выступает за отмену закона, позволяющего человеку контролировать роботов, за равноправие робота и человека, за самостоятельность и независимость роботов, но такую, от которой человеку не было бы плохо. Моего с мужем влияния на него недостаточно, чтобы он изменил свое мнение. Мы же не хотим, чтобы сын, противопоставляя себя обществу, попал в опалу.

– Не он один так думает, – сказал проповедник, поощряя даму к дальнейшей откровенности.

– Но за других, кто так думает, я с мужем не в ответе, а за него – в ответе, – сказала Вера Андреевна. – Я чувствую, что он чем дальше, тем сильнее укрепляется в своем решении способствовать отъединению роботов от человека и даже... даже... созданию ими самостоятельной цивилизации!

– Что ж, роботы давно уже самодостаточны, – сказал проповедник после короткой паузы; очевидно, ему тоже приходилось вникать в эту проблему, и его осведомленность вызывала уважение. – Так что их самостоятельность и независимость – дело времени, и закон, о котором вы сейчас мне сказали и который заставляет вас страдать, сочувствуя сыну, долго не продержится, его или отменят целиком, или видоизменят таким образом, что контроль над роботами полностью или почти полностью перейдет к самим роботам. На роботов, которые десятилетиями работают в космосе, влияние человека уже невелико.

– Мой сын... он очень одержим в своих устремлениях! – сказала Вера Андреевна.

– Значит, вы настойчиво учили его добиваться поставленной цели. Сами посудите, с кого ему было брать пример, как не с отца и матери?

– Да, мы с мужем своего обычно добивались, – вспомнила Вера Андреевна. По части целеустремленности она всегда шла на шаг-другой впереди Петра Ивановича, и он многим ставил ее в пример, но сам почему-то пример с нее не брал.

– Успокойтесь! – попросил проповедник. – И продолжайте настаивать на своем, единым фронтом вместе с мужем. Я переговорю с вашим сыном.

– Уповаю на проникновенность вашего слова! – воскликнула Вера Андреевна.

– Не преувеличивайте моих возможностей, – сказал проповедник, выдержал паузу и продолжил: – И своих тоже. Все в руках Создателя!

Это было не совсем так, но исповедующаяся со священнослужителем согласилась. Мужчины поджидали Веру Андреевну у выхода из храма.

– Мама, теперь тебе легче? – спросил Павел.

– Легче, – сказала Вера Андреевна. – Я выплакалась.

– Лучше ты бы выплакалась в папину жилетку, чем в чужую, он бы уж точно тебя понял, – сказал Павел.

– В чужую! Много ты понимаешь! Мне больно, потому что ты желаешь того, чего желать нельзя.

Глава IX

Сначала сын прожужжал Петру Ивановичу все уши про обещанный поход в горы, а потом они быстро собрали рюкзаки, сели в вертолет и полетели. У Чарвакского водохранилища опустились на левобережный пологий пляж, вышли, размяли ножки, разделись, ступили в воду – она была как бы специально для них подогрета, и поплыли. Вода, точнее, ее верхний трехметровый слой, была превосходна! Зато ниже была совсем другая вода, холодная и тяжелая, словно только утром переставшая быть снегом. К счастью отдыхающих, с верхним слоем эта вода не смешивалась. Петр Иванович, почувствовав себя в своей стихии, отплыл от берега метров на триста, а потом поплыл параллельно ему. Он плыл брассом, любимым своим стилем: тело распластано горизонтально, за вдохом следует погружение в воду головы, сильный гребок руками и толчок ногами. Затем голова поднимается над водой, грудь выталкивает из себя воздух и заменяет его на свежий, руки совершают очередной гребок, а ноги – толчок. И дальше в том же духе, в темпе заведенного механизма, пока не приплывешь, куда надо.

Народу на пляже было много. По всему периметру водохранилища к воде спускались аккуратные дачные домики с мансардами. При желании в них можно было жить круглый год, необходимый для этого комфорт в них был предусмотрен. По синей глади водохранилища сновали скутера, байдарки и легкокрылые яхты. С невысокой, но крутой горы слетали дельтапланы и скользили, распластавшись, в избранном направлении. Висящий под крыльями человек напоминал туловище огромной птицы. Издали дельтапланы походили на орлов, широко раскинувших крылья и оседлавших поток восходящего воздуха. Наплававшись, Талдыкины еще с полчаса покатались на яхте; управлять парусом было не так уж сложно.

– Папа, и почему мы сюда так редко выбираемся? – спросил Павел.

– Наверное, мало себя любим! – ответил отец.

– Какая вода! Красное море может отдыхать, и черное – тоже. Папа, а ведь на Земле не сосчитать уголков, где человеку очень хорошо!

У своего вертолета они переоделись и полетели дальше. Горная страна влекла их сильнее водной глади, которая под ними так ласково отражала свет. Кончилось Чарвакское водохранилище, началось Худайдотское, более узкое, сдавленное крутыми скалами. Петр Иванович смотрел на горные хребты, на их устремленность с запада на восток, дивился многоликости гор и вспоминал, по каким ущельям он поднимался почти до водораздела, а в какие не заходил, оставлял на день завтрашний. Получалось, что ущелий, в которые еще не ступала его нога, было много больше. Это сколько же красот его миновало!

Слева в водохранилище впадал белый приток Акбулака, не большой и не маленький, нормальный, чтобы идти вдоль него дня два и то и дело поворачивать голову направо и налево. Ибо удивительно красивыми были места, по которым протекала эта бурная речка. На правом берегу Акбулака вертолет приземлился, они вышли и отпустили винтокрылую машину. Робот Джон вытащил из салона три рюкзака, один емкий, как колобок, для себя, и два чисто символических, для Петра Ивановича и Павла. Идти по горной тропе совсем без рюкзаков мужчины почему-то стеснялись. В путь тронулись сразу. Было четыре часа дня. Петр Иванович наметил два часовых перехода, затем привал, ночевку, огонек, ужин и вольное сидение у живого огонька.

Пошли по тропе, что причудливо вилась по берегу реки. Она сразу вознеслась над водой; кругом были скалы, скалы и скалы, замшелые, подчас отвесные, прихотливо обтесанные временем. Серая глыба Чимгана подпирала небо на западе. За нею лежал Ташкент, и зимой десятки тысяч горожан приезжали на склоны Чимгана кататься на лыжах. Вниз они съезжали со скоростью ветра, а подниматься вверх им помогали канатные дороги и роботы. В скальных складках вершины еще лежал снег.

Петр Иванович шел впереди – торил тропу, а Джон замыкал шествие. Ему полагалось не заслонять обзора, помалкивать среди этих красот и ловить каждое желание хозяев. И, конечно, в случае чего он был главный страховщик, хотя тропа на этом маршруте нигде не была узкой, как ступня человека. Подъемы чередовались со спусками, и вскоре мужчины почувствовали, что их рубашки начали напитываться потом. Скалы, освещенные солнцем, щедро возвращали в воздух тепло, ими поглощенное. Арча оседлала расщелину между скалами; ее лохматый ствол был закручен в штопор. Интересно, что этим штопором можно было открыть?

За арчей им встретилась осыпь; куски распавшейся скалы лежали лавиной и блестили. Осыпь ровной наклонной плоскостью простиралась метров на триста. Если встать на нее сверху, поплывет она вниз или не поплывет? Рыбака они приметили далеко внизу, у Акбулака. Он вскарабкался на валун величиной с дом, который почти перегораживал реку, – вода сбегала с него пенным водопадом и сразу умирляла свой бег, и в тиховодь за валуном забросил свою удочку. Что он ловил? Форель? Маринку? Неподалеку стояла его палатка. Как он спустился вниз по такому крутому откосу?

Они обогнули этот выступ, потом второй и третий, причем с каждого из выступов им открывался пейзаж, не похожий на предыдущий, и тропа устремилась вниз, к реке, к березовой роще. Ущелье в этом месте расступилось, открылось солнцу и ветру, и уклон тропы здесь сравнялся с уклоном реки. Леса потянулись один за другим. Они обрывались у скальных выступов, сдавливающих реку, и начинались снова сразу за ними. Небо над ущельем плыло синее-синее; его можно было принять за эталон синего цвета. Они миновали отару овец, а потом пасеку. Овец, скорее всего, перегоняли на высокогорное пастбище. На пасеке они задержали взгляд: сто аккуратных деревянных домиков стояло на ровном месте, и подле ульев густо роились пчелы. Пасечник, наверное, отдыхал.

Они уже почти обогнули Чимган, ушли от его вертикальных откосов, от отбрасываемой им давящей тени. Акбулак принял приток с их стороны, а потом и слева. Ручей слева низвергался несколькими водопадами; падая с высоты, вода становилась белая-белая. Из своего притока они напились, припав к воде. В первый день пути с непривычки потребность в воде была особенно высока. По вкусу эта вода была близка к дистиллированной; по пути вниз ей негде было напиться солями.

Джон запечатлевал наиболее знаменательные моменты их пути; потом у них будет и фотоальбом снимков на двести, и фильм, посмотрев который, они как бы повторят маршрут, не поднимаясь с дивана. А больше них будет восторгаться Вера. Она собиралась пойти с ними, но ее пригласили на конференцию в Париж, и Париж со всеми своими изысками и прелестями, конечно же, перетянул чашу весов в свою сторону. Павел же по каким-то своим причинам не мог сдвинуть сроки похода на время, удобное для матери. Нестыковочка получилась; что ж, бывает.

Луг открылся им с грубыми стеблями мальвы, с кустами шиповника и барбариса. Ближе к воде зеленела ежевика, почти такая же влаголюбивая, как и камыш. Они

нырнули в нее заросли и минут пять славно лакомились. Спелой ягоды было много, она даже успела подвялиться. Виноград встретился им дикий. Лоза обвивала деревья и скалы, и неизвестно, где она чувствовала себя лучше. Созревал здешний виноград в середине осени и весь становился достоянием ос и птиц. Из плодовых деревьев им встречались орешина, яблоня, алыча, но не часто. Обогнув высокую и могучую арку, увидели под ней пустую палатку и чьи-то вещи. Очевидно, туристы или ловили рыбку, или в горы полезли, чтобы намяться как следует и вернуться к вечеру на место обещанное. Арка была настоящий исполин, высотой метров тридцать, и с толстого ее ствола ошметки коричневой коры свисали лохмотьями. Ветки же с тугими мягкими лапами обрамляли ее равномерно, и запах хвои распространялся далеко окрест. Чабаны, когда запекали мясо молодого барашка, обкладывали его арчовыми лапами, и хвоя отдавала мясу свой изумительный аромат.

Тропа уперлась в высокую мшистую скалу и перешагнула по деревянному мостику на левый берег. Для моста были употреблены стволы берез и арчи, поваленные ветром или снежными лавинами. Еще полчаса пути, и они углубились в чудесную березовую рошу. Ущелье здесь расширилось, почва и роза ветров благоприятствовали березам, и они вымахали в настоящих великанов. Они были широкоствольные, как тополь, и почти такие же высокие. Уютно было под этими деревьями, и чувствовалась какая-то приподнятость. Она возникала словно из самого воздуха, из разлитого вокруг тепла и света.

Поток шумел, сбегая вниз по крутому ложу. Но этот монотонный шум никак не поглощал звуков более тонких – вершения кузнечиков-попрыгунчиков, которые целыми стайками сновали в траве, чирикания воробьев, шелеста крон – порывы ветра поглаживали их бережно, как человек поглаживает свои волосы. «Привал! – скомандовал Петр Иванович. – Сегодня мы прошли, сколько надо! Дрова заготавливаем Джон и я, Павел ловит форель!»

День тихо угасал, краски тускнели и меркли, солнце давно ушло из ущелья и готовилось сойти с высоких пиков. Дневная жара уступила место вечерней ненавязчивой прохладе.

– Папа, а, знаешь, я бы пожил в горах какое-то время! – признался Павел.

– Отшельником полным пожил, или в кругу семьи? – полюбопытствовал Петр Иванович.

– Лучше отшельником, лучше без никого. Годик, не больше. И обязательно чтобы зима была с глубоким снегом!

– Без никого – это даже без Джона?

– Сам на сам. Мне интересно, о чем я бы стал думать. Не о себе, это уж точно.

– Ты бы выстроил в своем воображении цивилизацию роботов во всех подробностях и приблизил к себе галактики, – сказал отец.

– Наверное. Но я бы не стал отделять цивилизацию роботов от людей. Роботы не под командой людей, но вместе с людьми. Где они сейчас полные хозяева? Где человеку плохо, некомфортно. Где человеку не место. В Антарктиде, на Луне, на Марсе, в открытом Космосе.

– Так ты предполагаешь самые тесные контакты роботов с человеком?

– Непременно. И именно тесные и доверительные. Родители должны ощутить сыновью любовь в полном объеме. Исхода роботов с Земли не будет, это никому не нужно. И их перепрограммирование не будет, такие роботы как Джон, Джонами и останутся. Но, как сам понимаешь, папа, чувство собственного достоинства и некоторые другие чисто человеческие эмоции им не помешают. А их хозяевам не мешает осознать, что робот – существо, ни в чем им не уступающее, да еще умеющее в случае чего дать сдачи. Так что очередное поколение роботов будет несколько иным, ориентированным на движение вперед без повода. Самодостаточность – прекрасная основа для самостоятельности, не так ли?

– Ты верен себе, – ответил Петр Иванович. – Ну, и что мы скажем друг другу перед таким замечательным огоньком? – спросил он и положил в очаг пару сучьев потолка, – он называл их долгоиграющими.

– Папа, мы должны почаще выбираться на живую природу! – воскликнул Павел.

– А в чем проблема? – удивился Петр Иванович. – Ты сам видишь, что все эти красоты рядом с домом. Захотел и пошел, даже отпрашиваться ни у кого не надо. На вертолете мы каких-то пятьдесят километров пролетели! Собраться – тоже пара пустяков. Но почему-то всегда возникают какие-то обстоятельства, которые держат и не пускают. Кстати, ты обратил внимание, что мужчины твоего возраста выбирают на живую природу вместе с девицами?

– Папа, я не слепой и могу сообразить, что одной даже самой распрекрасной природы мужчине моего возраста... ну, несколько маловато. Только разреши мне самому сориентироваться в том необъятном цветнике, который именуется женским царством. Я хочу загореться и не погаснуть.

– Удивительно мудрое желание! – согласился Петр Иванович. – Ну, кто как, а я за сегодняшний день несколько притомился.

– И я, папа, подустал, но с твоего разрешения еще посижу у огонька пару минут...

– Один я свеж, как огурчик! – сказал Джон. – Это при том, что на меня навьючили килограммов пятьдесят. Вы даже чайничек фарфоровый не забыли в мой рюкзак положить, для полного своего комфорта.

– Я его не клал! – сказал Павел.

– И я не клал! – сказал Петр Иванович. – Джонни, ты сам его и положил, доброе дело сделал, а теперь ищешь виноватого! Раз сам положил, над собой и подтрунивай!

– Ладно, мне не привыкать подставлять под вознаграждение после правой щеки еще и левую! – сказал Джон. – Зато чаек у огонька идет замечательно, я третий чайничек уже завариваю.

– Но ты, Джонни, чего это вдруг возжелал, чтобы и тебя похвалили и по головке погладили? – сказал Петр Иванович. – Ты существо совсем другого рода-племени.

– Знаю, и этим премного доволен. Ни усталость ко мне не липнет, ни разные болячки. Это вы себе от разных хворей прививки делаете, а потом все равно простужаетесь и таблетки горстями глотаете.

– В первый раз слышу, что Джон так себя нахваливает, – удивился Петр Иванович. – С чего бы это? Или к чему бы это? Ты, Паша, что ему на ушко нашептал, пока я хворост собирал и огонек разводил?

– Я сказал ему: «Джонни, покуражься перед папочкой! Напросись на громкие аплодисменты! Повернись к папочке румяным своим боком, как пирожок свежее-спеченный!» – и вот он все это исполняет.

– В таком случае, будут аплодисменты! – И Петр Иванович стал хлопать, как в полном зале перед актерами, отлично исполнившими свои роли. Джон самодовольно улыбнулся. Погладил себя по животу, вполне спортивному, и сказал: «Будь я человек, меня бы на руках носили! Как какого-нибудь чемпиона породы!»

– Тебе бы завидовали, а это иногда плохо кончается, – сказал Павел.

– И к чему все это представление? – спросил Петр Иванович.

– К тому, папа, что цивилизации роботов быть, быть и быть! И что в содружестве двух цивилизаций ее слово будет первым. В земных делах, может быть, и вторым, а в мировых, в космических, – несомненно, первым. Да Земля очень скоро станет песчинкой в цивилизации роботов! – воскликнул он с пафосом, подогретым давней болью и страданием.

Взошла луна, величественная, как прима-балерина, отодвинула мрак и преобразила ушелье, покрыв его светом лимонным, убирающим контрасты. Прохладой потянуло со стороны высокогорья. У огонька же было хорошо необыкновенно. Тепло и дымок, смешиваясь, становились эликсиром жизни; костер был первым, что способствовало возвышению человека.

– Папа, а твоя статья про роботов в Интернете очень хороша, – сказал Павел. – Ты весьма удачно соединил историю с днем сегодняшним. Перспективы не коснулся, но она легко угадывается.

– И что ты угадал, дорогой?

– Именно то, что я тебе уже сказал. Роботы уйдут из-под опеки человека, и произойдет это совсем скоро.

– Возможно, – нехотя согласился Петр Иванович. – А пока этого не произошло, пошли, поспим спокойно. Люди и роботы... Как бы их размежевание не привело к катаклизмам!

– Не приведет, – уверенно сказал Павел. – Организация Объединенных Наций много не потрепыхается с завязанными руками и ногами!

– Полезли-ка в свои мешочки, – сказал Петр Иванович и первый расстегнул свой спальный мешок, низ которого был резиновым надувным матрацем. Мягко было спать в таком мешке и, конечно, тепло.

Утром они рано возобновили путь. Завтрак был готов еще до пробуждения Петра Ивановича и Павла. Птички на разный лад пробовали свои голоса, но не находилось дирижера, который соединил бы их в хор. Ушелье расширилось метров до трехсот, а потом снова скукожилось, заметалось среди мрачных скал. Некоторые скалы очень походили на рыцарей в шлемах и стальных доспехах. Иногда скалы не оставляли места деревьям, и пространство между ними сужалось настолько, что реке оставалось совсем мало места, и глубина ее была больше ширины, а тропа должна была протискиваться между скалами или взбираться на них. Бурный приток они перешли по двум мокрым бревнам, соединенным стальными скобами. Передохнули и двинулись дальше. Впереди, метрах в ста, важно прошествовала семья кабанов. Кабан-отец раздвигал траву и кусты, словно это ему ничего не стоило, а потом они тихо смыкались за последним кабаненком.

Ушелье вновь расширилось, и березовый лес сомкнулся над ними. Но этим деревьям было далеко до тех великанов, под которыми они ночевали. Угадывалось, что злые зимние ветра мешали здешним березам стать большими. В глухом лесу на берегу Акбулака они устроили дневной привал. Вошли в заросли ежевики, вволю полакомились ею, потом пообедали – оказывается, они не так уж проголодались, потом лежали у воды на сухой траве. Желания залезть в эту пузырящуюся воду не возникло, уж слишком она была стремительна и холодна. Часа в три пошли дальше, и скоро поднялись над лесом. Вершины открылись справа и слева, борта ушелья уже не закрывали их. С этого расстояния они не казались далекими, и видно было, что на каждую из них есть свой путь, возможно, не один – как и на каждую из вершин жизни. Тропа обогнула лес, потом шагнула на осыпь, потом круто повернула на юг, следуя реке. Деревья дальше уже не росли, а скалы громоздились во множестве, лиловые и серые, голые. Еще дальше в склоны стал обильно вкрапываться красный цвет. Тропа еще повернула, и стало видно, что река сильно сузилась и что вброд ее можно перейти в любом месте. Не так далеко уже оставалось до перевала.

– Папа, а нам за целый день не встретилась ни одна живая душа! – заметил Павел. – Не то что вчера. Здесь сумрачно, и люди сюда не идут. Или есть еще какая-нибудь причина?

– Не могу знать про это! – сказал Петр Иванович. – Джонни, затяни-ка мою любимую, для подъема духа и в знак того, что цивилизация никуда не подевалась! «Ты жива еще, моя старушка, жив и я – привет тебе, привет!»

И Джон, который нес объемистый рюкзак и руки которого отягощали две вязанки дров (там, где они собирались заночевать, не росла даже трава), тотчас подхватил всепроникающим голосом Федора Шаляпина: «Пусть струится над твоей избушкой тот вечерний несказанный свет...» Петр Иванович сразу замолчал и весь обратился в слух. А Джон продолжил из того же репертуара: «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым...» Бесподобный был голос у Шаляпина. Он и сохранился, как память о неординарном человеке, его хозяине. С песней шагалось легче, и подъем не казался таким изматывающим. Тропа поднялась еще, и открылся широченный амфитеатр, правильный, словно циркулем очерченный. Небольшое понижение в этом амфитеатре и было перевалом. А Петру Ивановичу по прежним походам запомнилось, что вершины справа и слева от перевала повнушительнее, покруче. Скалы стали красно-коричневого цвета. Кругом лежали валуны и обломки скал выше человеческого роста.

В них была густо вкраплена слюда, она блестела.

Река превратилась в ручей обыкновенный, а скоро и он обмелел, нырнул вправо и разделился на пять или шесть рукавчиков, каждый из которых кончался своим родником, обрамленным невысокой травкой. В ложбине обнажился язык снега, плотно присыпанный пылью.

– Мы почти на перевале! – сказал Петр Иванович. – Пожалуй, здесь и заночуем. Плохо только, камень сплошной кругом, песочек весь внизу остался. Зато звездный шатер над нами распахнется – будь здоров! Над городом такого не увидишь, город почему-то гасит звезды.

Солнце садилось, и на него уже можно было смотреть не мигая. В ущелье, по которому они поднялись, было сумрачно, однотонно. Джон расторопно поставил палатку (ночь на такой высоте обещала быть холодной), сложил очаг. У края снежника они набрали воды, но она была совершенно пресная, безвкусная. А вот гречневая каша со свиной тушенкой получилась очень даже ничего, отец с сыном уплетали ее за обе щеки и хваливали. Чай тоже удался, сохранил все ароматы тропиков, и его пришлось повторить. Зашло солнце, и быстро проклюнулись звезды. Они загорались прямо на глазах. Ни крон березовых не было над головой, ни скалы не нависали. Звездный полог занимал небесную высь от горизонта до горизонта. Необычно это было и очень впечатляюще. Ветер стал промозгл и ошутимо плотен. Мужчины сначала надели свитера, затем и штормовки. И все равно прохладный ветер выдувал тепло из-под одежды. Пламя костра куда-то улетучивалось, наверное, тоже тянулось к звездным высям.

А звезд высыпало великое множество. Большая Медведица никогда еще не была такой рельефной, Полярная звезда – такой обособленной. Млечный путь пенился и переливался искорками неземными, загадочными, каждая из которых могла заключать в себе иной мир, сопоставимый с земным.

– Не могу поверить, что вся эта бездна материи возникла из одной точки тринадцать с половиной миллиардов лет назад, – сказал Павел. – Как могла материя Вселенной сжаться в комок невообразимо маленький, а потом распрямиться в пространство невообразимо большое? Зачем ей это было надо?

– Смотри и приобщайся. Мироздание никогда не перестанет задавать загадки. «Звездная ночь» Ван Гога, что в нашей гостиной – вот она, над нами! Вроде бы, все уже ясно и понятно, ученые до всего докопались и чуть ли не в сами черные дыры забрались. Но тут появляется еще одна черная дыра, несколько отличная от предыдущих, и постижение мира надо начинать заново, иначе всего не объяснишь, – сказал Петр Иванович. – Я вот думаю и думаю о Создателе, но мало чего себе проясняю.

– Создатель – это данность, которая всегда была, есть и будет. Это основа и гарантия миропорядка, – сказал Павел.

– Один Создатель – одна Вселенная? А если Вселенная не одна?

– Папа, давай оставим эти наши «а если» будущим поколениям, – предложил Павел.

– Джон, а ты что нам скажешь по этому поводу? – спросил Петр Иванович.

– Я свято чту Создателя и мир, который вокруг меня. Физически я могу проникнуть в него не так далеко, а мысленно – очень далеко, но не до самых дальних его границ. Мир и Создатель едины, и если нам не дано обозреть наш мир во всех его проявлениях, нам не дано обозреть и Создателя.

– Правильно мыслишь, Джонни! – Петр Иванович отошел от костра, который на такой высоте плохо исполнял свое назначение, и отклонил голову далеко назад, стараясь охватить взором все море звезд. Но взошла луна и погасила глубину звездного неба, заслонила его собою. Оно как по мановению волшебной палочки утратило свою бездонность. Почему человека всегда влечет к себе непознанное? Когда ребенок делает первые шаги от порога родного дома, он уже идет познавать непознанное. Эта дорога не прерывается никогда, точнее, ее обрывает смерть. Нет, не обрывает, потому что происходит передача эстафеты молодой поросли. Петр Иванович вернулся к огоньку. Джон развязал вторую вязанку дров; на такой высоте и на таком ветру дрова прогорали быстро. Павел вдруг затянул голосом звонким и очень даже музыкальным:

«Надоело говорить и спорить, и любить усталые глаза...» Джон посмотрел на него и, получив кивок поддержки, продолжил: «В Флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса...» Он умел воспроизвести любой высоко котирувавшийся голос и дать ему нужное музыкальное сопровождение, – гитары, баяна или оркестра. Джона слушали, пока не прогорели последние дрова, а угли не подернулись пеплом.

А потом как бы сразу наступило утро. Оделись, потянулись, позавтракали и быстро оказались на перевале, не отстали от начавшего всходить солнышка. Постояли на высшей точке водораздела, посмотрели восторженными глазами на все четыре стороны света. Горная страна простиралась на восток и на юг на тысячи километров, а на западе и севере резко понижалась, и там угадывалась широкая равнина. Казалось, что горы подпирали небо, и в то же время не было видно, чтобы небо на них опиралось. Чем дальше на восток, тем больше на пиках Тянь-Шаня было снега и льда. Языки снега начинались совсем недалеко и часто напоминали шупальца осьминога. «Как здесь су-рово и строго!» – воскликнул Павел.

– Но мы своего добились, – сказал Петр Иванович. – Поставили цель и пришли. Поэтому мы молодцы!

– Мы молодцы! – повторил за отцом Павел. Робот Джон тоже улыбнулся, очевидно, посчитал и себя молодцом: один рюкзак его чего стоил! И верно, у него не было повода отделять себя от этой честной компании. Шаг вниз – и перевал навис над ними серой испещренной трещинами громадой. Спускались навстречу солнцу по ложбине пологой и долгой, окаймленной вершинами совсем невысокими. Несколько родников дали начало ручью безымянному, а ручей расширился и вдруг уперся в гору грунта, принесенного селевым потоком справа, и образовал озеро совсем не маленькое, фасолеобразное, длиной более километра. Озеро было темное-темное, и его плотно обступали скалы и осыпи. Зеркальная водная гладь отражала их, не искажая: утро стояло тихое-тихое. Ни деревья не росло на такой высоте, ни кустика, одна невысокая травка. Высота и ветры превратили эту местность в тундру. Высота здесь была, наверное, под три тысячи метров. Джону немедленно был задан вопрос: «Братец, а на какой высоте мы стоим?» И он ответил, что высота водной глади над уровнем моря 2912 метров, а они стоят тремя метрами выше. Перевал же, с которого они спустились, имеет отметку 3275 метров. «Координаты тоже сообщить?» – спросил он. Его остановили: в координатах нужды не было.

– Кладезь ты бесценный! – поблагодарил робота Павел.

Они постояли на берегу озера, но в воду не полезли, побоялись. Не захотели выскакать из нее со скоростью пробки, покидающей бутылку с шампанским. Подивились северной контрастности пейзажа, которому совершенно не были присущи полутона. В склоны и осыпи был ярко вкраплен темно-красный цвет, вода отливала небесной голубизной, а небо загустело и вобрало в себя черные оттенки. Но стоило облачку или тучке набежать на солнце, и все мгновенно менялось, серое покрывало гасило яркость дня, а в ветер сразу вкрадывалась промозглость осени, как преддверие зимы.

– Папа, и что ты сказал бы о домике на этом берегу? – спросил Павел отца.

– Скажу, что он не для меня.

– И не для меня, даже при самой распрекрасной девочке рядом.

– Ой, не зарекайся! Такая прелестница моргнет глазом, и край света сразу покажется тебе домом родным! – сказал Петр Иванович.

– А что! Может быть, твое предсказание осуществится! – сказал Павел на полном серьезе.

Они прошли за плотину, удерживающую воду. Достопримечательностью этой плотины было то, что ее возвела мать-природа, не человек. За плотиной стояла будочка деревянная, а подле нее из земли бил горячий источник и вился пар. Ванна была продолблена в скале близ источника; по размерам она напоминала маленький бассейн – в ней могло поместиться человек десять. Петр Иванович и Павел разделись в будочке и прыгнули в ванну. Петр Иванович вспомнил, как лет пять назад пришел сюда в последний день сентября. Пасмурно было и пошел снег, а он залез в эту ванну

и блаженствовал. Снежинки опускались ему на лицо и плечи, а он даже не ошушал, что они холодные. Температура воды в ванне была сорок два градуса.

«Ура!» – закричали мужики в один голос, так им было хорошо. Но посмотрели на Джона и смутились, ведь его их радость обошла стороной. Не создан он был воспринимать такие радости жизни, в нем слишком сильным было рациональное начало. И подумал тогда Петр Иванович, а какие радости могут быть присущи исключительно роботу? Память не подсказала ему ни одной такой радости; эмоциональная жизнь роботов была очень бедна. Он спросил об этом у Павла. Молодой человек тоже задумался, а потом сказал: «Папа, это поправимо!» И вдруг Джон повел себя совсем не рационально. «Ладно, уговорили!» – воскликнул он, скинул с себя плотную брезентовую робу и присоединился к людям. Воскликнул: «Ай, хорошо, кто понимает!» И тем самым причислил себя к числу понимающих.

Между тем тела стали покрываться мельчайшими пузырьками воздуха. Очевидно, их выделяла слабо минерализованная вода. «Сидим не более десяти минут, не перегреваемся и водичку эту не пьем!» – предупредил Джон. – Желания каждый загадывает про себя!»

Петр Иванович тотчас пожелал, чтобы Павел быстрее нашел себе достойную половину, Павел – чтобы Организация Объединенных Наций перестала опекать роботов и держать их на короткой привязи и договорилась с ними о вечном союзе и сотрудничестве. И это же желание загадал Джон, словно флюиды от Павла перетекли к нему и его окрылили. Бодрость притекала и притекала к телам, как будто горячая вода содержала ее в умеренном количестве.

– И почему я не бизнесмен! – воскликнул Джон. – Я бы поставил здесь санаторий-профилакторий.

– А я бы поставил санаторий-профилакторий на берегу Чарвакского водохранилища, а сюда привозил народ на вертолетах: окунулись, погрелись, посмотрели на озеро, обошли его по периметру, поднялись на какую-нибудь высокую скалу – и обратно, к нормальной природе и нормальной атмосфере. Здесь, когда мы на перевал поднимались, дышать было очень тяжело, – сказал Петр Иванович. – Я останавливался хотя бы на пять секунд через каждые двадцать шагов.

– Мальчикам пора вылезать! – возвестил Джон. – Лишнего мальчикам не надо!

«Не надо! Не надо!» – отразилось от близкого горного склона. Оказывается, тут жило эхо. Вылезли, постояли голышом под полуденным солнышком. Холодно не было несколько. Обсохли, потом оделись. Легко было, как после выхода из высшего учебного заведения на все четыре стороны света. Поднялись к своим рюкзакам, оставленным на берегу озера. Посмотрели еще раз на темную воду, покрытую рябью. А черная точка в небе росла и стрекотала все громче. Идти к автомобильной дороге по Анргенскому плато они не захотели, это тридцать пять километров медленных качель, вверх и вниз по однообразным припухlostям матушки-земли. Вертолет сел, винт замедлил вращение. Они поклонились горячему источнику, окрестным красноватым скалам и осыпям – и взмыли вверх. Поход был окончен. Но и в сердце Петра Ивановича, и в сердце Павла прочно запало, что должно последовать продолжение.

Глава X

К деду Якову Израилевичу Петр Иванович собирался давно и все эти дни корил себя за то, что никак не выкроит для него время. Не дед ему был Яков Израилевич, а прапрадед: разница между ними составляла сто один год и еще полгода. Яков Израилевич появился на свет в далеком 1961 году. Никто уже и не помнил, что тогда происходило и чему могли радоваться люди в те почти доисторические времена. Не время, однако, подпирало Петра Ивановича, а совсем другое мешало выбраться к деду (для краткости он отбрасывал частицы «пра», да и не нравились они ему, – они вели куда-то очень далеко, чуть ли не к прашурам, пещерным людям). К деду вдруг прилипло

много противных болезней, которые дружно пригибали его долу. Врачи едва успевали вылечить его от одного недуга, как появлялся второй и третий, и Яков Израилевич давно уже свой день начинал с того, что проглатывал пригоршню лекарств, сопровождая эту процедуру словами: «Милые, теперь мне станет легче!»

Врачебный консилиум вынес Якову Израилевичу приговор неделю назад: жить ему оставалось два месяца. Но и до этого приговора было ясно, что дед не жилец уже на белом свете. Что ж, 149 лет жизни для человека, родившегося в середине двадцатого века, были очень хорошим сроком, и друзей-ровесников у Якова Израилевича почти не осталось, а жена его Мария Мартыновна, замечательная мама и хозяйка, покинула этот бранный мир четверть века назад

– Чем больше нам быть вместе, тем лучше! – сказал тогда Яков Израилевич, и Петр Иванович те слова запомнил, не позабыл. Любил он деда и как человека-глыбу, а это с какой стороны ни посмотри, величина приметная и колоритная, и как личность почти идеальную, у которой многое можно почерпнуть, было бы желание. А у Петра Ивановича такое желание было всегда. И, наверное, ни один из зеленых отпрысков не задал ему столько «почему», сколько Петр Иванович в свои детские и юношеские годы: Яков Израилевич был свидетелем событий чрезвычайно интересных. Житейская мудрость вообще отличала деда, и он не просто говорил, как следует поступить в том или ином случае, а непременно приводил примеры, как поступали в аналогичных случаях одни, вторые и третьи его добрые знакомые. А поступали они почему-то по-разному, и результат получался не всегда положительный. Так что вопрошавший из приведенных ему примеров сам мог выбрать тот, которому последовать было лучше. Проходило время, все устраивалось должным образом, и вопрошавшему оставалось только поблагодарить Якова Израилевича за мудрый совет.

Петр Иванович взял с собой Павла, который прапрапрадеда очень уважал. Полетели в Ташкент, вошли в милый особнячок на улице, обсаженной высокими чинарами. Обняли деда, прижали к груди, поцеловали. Кивнули роботу, который ухаживал за Яковым Израилевичем. К счастью, старик не был прикован к постели, как большинство в его почтенном возрасте.

– Проститься пришли? – осведомился Яков Израилевич с мягкой улыбкой человека, которому нечего было стесняться.

– Проведать, – внес уточнение Павел. – Соскучились и пришли.

– А дети и внуки проводят меня только с экрана, – сказал Яков Израилевич. Экран занимал половину глухой стены, обращенной на север, и был выключен. Но молодая поросль доставала с его помощью старика в любое время дня и ночи, вводила в свою жизнь и в свои дела, не давала скучать. Ее, рассеянной по всему белому свету, было много, и почти про каждого своего отпрыска, ближнего и дальнего, Яков Израилевич мог сказать, что он удался. В смысле же облика физического и творческого, был ли отпрыск ростом чуть-чуть повыше или чуть-чуть пониже, особого значения не имело.

– Клавдий, пожалуйста, сотвори нам чайку и кофейку, и чего-нибудь покрепче подай тоже, – распорядился Яков Израилевич.

– И шахматную доску подать, конечно? – спросил робот Клавдий.

– Ты все помнишь, – сказал Яков Израилевич. – К доске полагаются часы.

– Ваши «нажал – пошел» и «пошел – нажал» я тоже помню, – сказал Клавдий, принес шахматы и часы, расставил на доске фигурки. Вскоре рядом с шахматной доской появился поднос со свежесваренным чаем, с кофейником, распространяющим далеко окрест ароматы далекой Бразилии, с графинчиком, наполненным водкой, постоянной на лимонных корочках, с коробкой, в которой шоколадные конфеты перемежались с печеньем.

– Петя, вино, как я понимаю, ты принес свое? – спросил Яков Израилевич.

– Дед, ты все правильно понимаешь!

Петр Иванович поставил на стол два сосуда, с вином вишневым и виноградным, сорта «изабелла». Сказал: «И то, и другое в твоём возрасте не столько вино, сколько лекарство».

– И водочка тоже, – дополнил Яков Израилевич и прикрыл веки, прося о соше-

ствии покоя на его дом и его бrenную душу. – Кого я сначала брeю, праправнука или пра-пра-пра... Этих «пра» уже столько, что я о них спотыкаюсь. Прашур я, наверное!

– Этих «пра» будет еще больше, – сказал Павел.

– Уже не будет, – спокойно опроверг его Яков Израилевич и налил в три стакана «изабеллы». Свой стакан он наполнил на одну треть. Сказал: – Ну, согрели кровушку! Со свиданьем, мои дорогие!

Петр Иванович подумал, что счет этим свиданиям теперь пойдет на единицы. Все пригубили вино, а Петр Иванович еще и посмаковал его, и Яков Израилевич, перед которым, конечно же, стояли белые фигуры, вальяжно двинул вперед на два поля королевскую пешку и нажал на часы. Первым сразиться с ним пожелал Павел – и тоже двинул вперед королевскую пешку. Часы зашелкали, как сороки, ведь на каждую партию игроку отводилось ровно пять минут. Белые стали наседать на черных, черные оборонялись, но расставляли ловушки, в которые лучше было не попадаться. Павел играл хуже отца и чуть-чуть хуже, чем дед. Яков Израилевич в его ловушки не попадал, а внука подлавливал на его оплошностях, усиливая давление. Из плохой позиция Павла быстро превратилась в очень плохую – и рухнула. А Яков Израилевич гордо выпятил грудь и произнес свою любимую присказку: «Вот тут она ему и сказала: «За мной, мальчик, не гонись!» Один – ноль, проигравший пьет чай и отдыхает!»

Петр Иванович, которого игре в шахматы обучил Яков Израилевич в раннем возрасте и который шахматы полюбил за их неисчерпаемость, сам после первых же ходов надавил на Якова Израилевича и принудил его обороняться, но над некоторыми ходами продумал дольше, чем полагалось думать на блиц-турнире. Дед, его, разумеется, не торопил – пусть думает, а часы пусть тикают свое. И при очень плохой позиции Якова Израилевича, при абсолютно проигрышной позиции у Петра Ивановича флажок завис, а потом и упал. Радость деда была велика необыкновенно. Петр Иванович, конечно же, был посрамлен, ему следовало быстрее соображать. «Тугодумство – это хорошо или плохо? – витийствовал Яков Израилевич. – Тугодумство не есть хорошо! Молодо-зелено! Молодо-зелено!» – Деду нравилось скандировать это, а Талдыкины смотрели на него и улыбались. Лучшего удовольствия они и не могли доставить старику. Победа не по игре, но по времени в блиц-турнире ничем не отличалась от разгрома, учиненного сопернику. Напротив, улизнуть от поражения и получить заветное очко в абсолютно проигрышном положении за счет падения флажка противника было так же почетно, как и поставить ему мат.

Еще выпили вина, и незаметно переключились на чай.

– Дед, скажи-ка, а что из прожитого тебе запомнилось больше всего? – спросил Павел, снова садясь за доску перед Яковом Израилевичем.

– Выиграть захотел? Внимание мое раздваиваешь и на другое переключаешь? – сказал Яков Израилевич и в этот раз двинул вперед ферзевую пешку. – Ладно, я уже столько раз брил тебя и папаню твоего, что можно и остановиться. Но скажи, для чего останавливаться, если представляется еще одна возможность побрить новобранца молодого и необученного? Но ты вопрос задал и ответа на него ждешь. В пору моей юности и зрелости социализм в лице Советского Союза, Китая и других социалистических стран бодался с капитализмом в лице Соединенных Штатов Америки, стран Западной Европы и остального мира. Частная собственность и частная инициатива, мои дорогие, показала полное свое превосходство над государственной собственностью и тоталитарной инициативой. Коммунистическая доктрина о всеобщем равенстве и братстве за десятилетия чрезвычайно медленного воплощения в жизнь изжила себя и перестала волновать умы, вследствие чего Советский Союз почил естественной смертью. В мире тогда было накоплено очень много разного разрушительного оружия – ядерных боеголовок и межконтинентальных ракет, атомных подводных лодок, танков. Но людям хватило ума это оружие не задействовать, и позже оно было уничтожено.

– Как много интересного у нас за плечами! – согласился Петр Иванович. – Дед, ходи. Пошел – нажал, нажал – пошел! Шевелимся, шевелимся! А насчет того, что могло быть, так оно могло и могло. Могло быть одно, второе и третье, а было только то, что было.

– О! Твой флажок упал, я выиграл! – обрадовался Яков Израилевич. И Петр Иванович подумал, как мало надо человеку для всплеска радости. Только это никак не заслоняет от той страшной беды, которая надвигается. Лоб деда вдруг покрыли множественные капельки пота, он стер их салфеткой. Поморщился: «Опять эта слабость! Вроде бы, все хорошо, а потом в момент все меняется, и уже кругом все плохо». Клавдий был тут как тут, со шприцом наготове. Вколочил укольчик в мякоть руки, и минуты через три Якову Израилевичу полегчало.

– Полежать придется! – сказал дед. Аудиенция заканчивалась. Спрашивать, все ли у Якова Израилевича есть, не имело смысла. Конечно, у него все было, нужное вместе с ненужным. Главное, уход за ним был более чем надлежащий.

– Дед, а мы твою копию приготовили, вот! – сообщил старцу Павел. Яков Израилевич кивнул. Он сначала было воспротивился переместить свой интеллект в робота, в точную свою копию, а потом под давлением детей, внуков – согласился. Работа предстояла кропотливая, тонкая и деликатная, на несколько часов. Его семья хотела этого, и он не стал противиться ее воле. Ему даже было интересно какое-то время пожить вместе со своим двойником, послушать самого себя, задать самому себе вопросы, заранее зная ответы и слова, в которые они будут облачены.

– И когда меня ждет эта процедура? – спросил Яков Израилевич. – Надеюсь, личность моя не раздвоится?

– Это произойдет завтра, дед. Все твое останется при тебе, и, одновременно, все твое перейдет в робота. Напрягаться тебе не придется.

– После чего произойдет естественный акт списания! – сказал Яков Израилевич.

– Дед, что ты такое болтаешь? Типун тебе на язык! У тебя никогда не было близнеца-брата? Теперь он у тебя появится!

Глава XI

Петр Иванович и Павел заехали за Яковом Израилевичем утром. Клавдий побрил старца, и не только щеки и подбородок, но и голову, и теперь его темя сверкало безукоризненной гладкостью. Так электронным датчикам легче будет делать свое дело. Дед был тих, но не пасмурен, а как-то задумчиво светел. У него было время поразмышлять о том, что сегодня должно было произойти, и он решил, что продолжение деятельности его интеллекта в сосуде, каким был робот, – лучший из возможных вариантов, что этот сосуд все сохранит, ничего не расплескает, а, напротив, еще будет пополняться. А когда его близкие потихоньку забудут о нем, когда он надоест им своими экскурсами в прошлое, его интеллект, перемещенный в робота, можно будет тихо погасить – чтобы об него не спотыкались другие.

Кончался август, и отовсюду струилось тепло. Вера Андреевна встретила родных в вестибюле госпиталя. Посадила в лифт, подняла на седьмой этаж, повела по широкому коридору в просторную палату.

– Тут все и совершится, Яков Израилевич! – оповестила она.

– И где мой однайцевой близнец? – поинтересовался старец.

– Сейчас войдет. Он вам будет ближе, чем однайцевой!

– Грустно мне, – признался Яков Израилевич. – Все понимаю, а как-то не по себе. Это как предварительное прощание с самим собой. С другой стороны, мне и жизнь давно не в радость. Тело давно уже не поспевает за умом-разумом. Нет, слишком задерживаться на этом свете не есть хорошо!

– Дед, ты чего? – удивился Павел. – Держи хвост пистолетом! Сейчас мы тебе такого двойника замастрячим, что вы переглянетесь, мгновенно ошутите родство душ и к девочкам побежите!

– Побежим! – согласился Яков Израилевич. – В своем воображении и побежим. Мне это давно уже не нужно, а робота никогда не было нужно. Я в молодые годы как прибежал к своей Машеньке, так и остановился. Все, точка.

– Дед, ты в плане постоянства у нас эталон! – сказал Павел. – Мама, командуй, куда деду садиться или ложиться. Ну, с Богом!

– Тут, Паша, не я командую, тут есть свой командир.

Белые халаты окружили Якова Израилевича и облекли его в белое, усадили в кресло с откидывающейся спинкой. Стеллажи с оборудованием стояли рядом; о назначении этого оборудования осведомлены были немногие. Тут и двойник Якова Израилевича объявился, того же роста и той же комплекции. На нем тоже был белый халат. Лицо двойника являло собой тщательную копию лица Якова Израилевича. Каждая морщинка была такой же глубины, каждая прожилка была точно на своем месте. Родинка на виске близ левого глаза, и та была того же размера и цвета.

Робот-копия поприветствовал настоящего Якова Израилевича. Тембр голоса и интонации почтительного удивления тоже были одно к одному. «Во дает наука! – воскликнул настоящий Яков Израилевич и сделал попытку встать, но его удержали. – Мать честная, умеем, умеем!»

– Расслабьтесь, пожалуйста! – попросила Вера Андреевна. – Альберт Ервандович, пациент в полном вашем распоряжении! – доложила она.

При словах «Альберт Ервандович» Петр Иванович встрепенулся – так звали его однокашника Аталиева, золотого медалиста, ставшего прекрасным хирургом, а потом доктором медицины и академиком, известным светилом по пересадке интеллекта, характера и привычек человека, жизненный путь которого приближался к финишу, двойнику-роботу. Альберт Ервандович Петра Ивановича сразу заметил и крепко обнял, шепнул: «Все будет наилучшим образом! Задержишь потом, пошепчемся немного». Наверное, в памяти Аталиева уже гнездилась мысль, что операцию, которую он делает своим пациентам, как абсолютно серийную и выверенную в мельчайших подробностях, пробьет час – сделают и ему.

– Приступаем! – распорядился академик, и его помощники засуетились, водрузили на голову Якова Израилевича большой белый шлем с доброй сотней датчиков, и такой же шлем, но бежевый, надели на голову двойника. «Не разговариваем, спокойно плывем по течению, про плохое и про хорошее не вспоминаем! – говорил академик Якову Израилевичу, между тем как взгляд его был прикован к экрану, на котором осциллографы выводили свои цветные волнистые линии, изредка перекрываемые черными закорючками. – Так-так-так! Очень даже хорошо! Ну, с Богом!»

И перелив интеллекта начался. Точнее, это было тщательное копирование – с пробуждением памяти слой за слоем, то есть год за годом. Кора и подкорка, все содержимое мозга, включая инстинкты, клетка за клеткой и нейрон за нейроном дублировались в двойника. Важно было воспроизвести все от «а» до «я», и это достигалось с высочайшей степенью эффективности. Процесс потек своим чередом, академик позволил себе удалиться, оставив присматривать за ходом дела одного из своих помощников, а Петра Ивановича поманил пальчиком, чтобы следовал за ним.

– Рад, что свиделись! – объявил он в своем кабинете, где его ждало кофе, а гостя – рюмка коньяка. – Я тебя сколько раз просил: не пропадай надолго! Твоему старцу дышать сколько осталось? Меньше двух месяцев? Вы проводите его в последний путь, а через месяц так привыкните к двойнику, что об утрате невозполнимой думать забудете. Это минус, но он единственный. Все остальное – это одни плюсы: человек-то практически остается с вами в том виде и облике, в каком вы его запомнили. У тебя деток сколько, двое? И у меня тоже. Все давно на своих ногах, врачи, как и я. Это в семье традиция. А твой малый, я слышал, великий спец по роботам? Эх, не надо, не надо было позволять им обгонять человека! Но дело сделано. Мы теперь на вторых ролях, это необратимо.

– На вторых, и здесь уже ничего не поменяется, – согласился Петр Иванович.

– Прими рюмочку, для согрева души, – попросил Альберт Ервандович. – Да и я, пожалуй, с кофейком повременю, компанию тебе составлю. Там, где твой Яков Израилевич раздваивается и в оболочку робота переливается, все схвачено, и первый контролер за процессом – сам робот, которого скоро все вы будете звать-величать

Яковом Израилевичем, или дедом Яшей. За тебя, Петя! А за то, что мы эту каменную стену возвели и за нее теперь прячемся, давай пить не будем. Мы страшно промахнулись, эпохально промахнулись.

– Мой Паша так не считает.

– Вот потому он в таком почете у наших железных деток, и те его на руках носят и везде им козыряют. А ты, ты как считаешь?

И поник Петр Иванович, в душе давно согласный со своим настырным однокашником. А коньяк был марочный, армянский, и одной рюмочкой они не ограничились, но на третью остановились.

– Чувствую, моментами ты отсутствуешь, тебе хочется вернуться в палату, – сказал Альберт Ервандович. – Ладно, пошли туда! Но там мы не поговорим.

А в палате и в самом деле процесс шел своим чередом, чему наилучшим образом способствовала тишина. Петр Иванович, Вера Андреевна и Павел смотрели на двух совершенно одинаковых стариков под шлемами белым и бежевым, с лицами цвета печеного яблока, изборожденными ушелями морщин, и думали: один из них, который человек, скоро уйдет, но останется тень его, во всем его повторяющая, и все будут принимать эту тень за ушедшего человека и оказывать ей великое почтение. Тень эта будет двигаться и разговаривать, точь в точь как это делал Яков Израилевич, будет обладать его привычками и повадками. Сможет работать там, где прежде работал Яков Израилевич, только в этом не будет необходимости. Получалось, что человеку пока не было гарантировано бессмертие, а его тени, то есть полному его тождеству – было. Физиология умирала, мозг же продолжал витийствовать в эмпириях далеких и близких. Жизнь мозга продлевалась, правда, совсем на другой основе, и он мог вбирать в себя новые сведения и впечатления, как если бы Яков Израилевич продолжал жить и пользоваться своими органами чувств. Тут было чему удивляться, поражаться и восхищаться. Робот мог вобрать в себя от человека бесконечно много, а человек от робота – нет, нет и нет. Движение здесь могло осуществляться только в одном направлении. И не удел ли человечества перелиться в роботов и тихо угаснуть?

Тут было над чем поломать голову. Петр Иванович стал погружаться в эту мыслью, и тишина в палате начала заполняться тревогой и мраком. Все-таки, наверное, лучше бы не делать того, что сейчас делалось. Лучше или не лучше, кто скажет? Прошел час этой священной тишины, потом второй и третий. Казалось, невидимому процессу не будет конца. Все это время напряжение не покидало Петра Ивановича. Он чувствовал, что оно не оставляло Веру Андреевну и Павла. Момент был торжественный и трагический одновременно. Вдруг как по команде вошли академик и все его помощники.

– Дело сделано! – возвестил Альберт Ервандович. И тотчас с головы Якова Израилевича и его двойника были сняты шлемы.

– Как мы себя чувствуем? – спросил старца академик. – Чашечка кофе вам не помешает.

– Не помешает, – согласился Яков Израилевич. – Но сначала я пожму руку брату своему единоутробному! – Он поднялся, качнулся вправо, качнулся влево, – долгое сидение на одном месте атрофировало его мышцы, выбросил в стороны руки для равновесия и на ногах удержался без посторонней помощи. Подошел к роботу, обнял его и троекратно поцеловал: «Яша, дорогой, принимай эстафету!»

– Эстафету принял! – отпартовал робот и вытянулся по стойке «смирно», выражая полнейшую готовность исполнить любое распоряжение Якова Израилевича.

– Пейте свой кофе, уважаемый Яков Израилевич, и проведем небольшой эксперимент, – сказал академик. – Яков Израилевич, задавайте своему двойнику и зеркальному отображению любые вопросы и знайте, что он должен будет ответить на них слово в слово, как ответили бы вы. Все готовы? Приступаем! Чур, первый вопрос задаю я. Весной 1966 года в Ташкенте произошло землетрясение силой восемь с половиной баллов. Что скажете?

Двойник Якова Израилевича откинул голову несколько назад, приосанился, как приосанился и его прототип, и начал повествование: «Мать честная! Меня подбросило, а потом еще и еще! Домишко наш из сырцового кирпича закрипел и застонал, а

собаки у соседей воют, как будто их лупят нещадно. Мать думала, что еще чуть-чуть, и домик по швам расплывется. Она побледнела и голосит: «Во двор! Все во двор!» А все и без ее команды уже во дворе, мы последние в комнате телепаемся. Я посмотрел – на бабушкиной кровати кирпич лежит. Прямо на подушке.

– И много было пострадавших?

– Какое много! Почти никого, толчок был вертикальный. Будь толчок такой же силы, но горизонтальный, Ташкент превратился бы в гигантское кладбище. Все перепугались, это да. Неделю потом боялись в дома свои войти и нас, детей, не пускали. Во дворе ночевали, благо погода позволяла. Ну, дяденьку одного на нашей улице зашибло, его даже в больницу отвезли. В то утро мама с папой пошли на работу, а меня папа в детский сад отвел. Только мы весь день во дворе играли, и кормили нас тоже во дворе. А потом наш детский сад закрыли, и до школы я дома сидел. Зато в школу пошел на год раньше, шестилетний с половиной лет. Я всегда был из молодых и ранних. Наш дом позже стальными балками обшили, сносить не стали. А очень много домов снесли, весь центр снесли одноэтажный и заново отстроили.

– Все верно, – подтвердил подлинный Яков Израилевич. – Мой братик вспомнил даже больше, чем если бы про это стал рассказывать я. Ты вот что вспомни: отец когда тебе кубики подарил?

– Самые первые? Когда мне пять годиков исполнилось. Я из них разные домики строил и башни. И папа строил. У него они красивее получались и не рассыпались, если высокие были. И еще я из них строил танки и пушки, когда в солдатиков играл – после школы, на полу в папином кабинете, когда папа на работу уезжал.

– А что такое «лапта»?

– Это игра такая, в нее потом перестали играть. Ребята делятся на две команды, по три-четыре человека в каждой, берут теннисный мячик и палку-биту, находят площадку размером с баскетбольное поле, и одна команда, по жребью, играет в поле, или мается, а вторая подает, то есть бьет битой по мячу и бежит в поле до черты, метров двадцать, двадцать пять, а потом бежит обратно, на кон, и снова подает. Полагается...

– Замечательная была игра! Жалко, Петя и Паша, что вы ее не застали. Побегали бы в свое удовольствие, мячик бы в цель побросали очень даже интересную – когда девочка бежит, вся в напряжении, а ты в нее целишься, бросаешь тугой мячик, и он со вкусом в нее попадает, – тут есть что запомнить! Теперь скажи, а кто была та девочка, которую ты в первый раз поцеловал?

– Ее звали Анжелика. Она... Ты, Изя, прекрасно помнишь, какой была она, а остальным про это знать не обязательно. Ее потом летчик у меня увел. Про которого мы еще песенку веселую пели: «Мама, я летчика люблю! Мама, за летчика пойду! Летчик высоко летает, много денег зашибает, вот за это я его люблю!» Летчик был самостоятельный человек, не то что я, студент-первокурсник. Жалела ли она потом о таком повороте? Возможно. Я, когда волны улеглись, ни о чем не жалел и, пожелай она ко мне вернуться, не принял бы ее.

– Как звали мою первую учительницу?

– Мария Васильевна. Она жила недалеко от нас, в доме за глиняным дувалом. В ее дворе росла огромная урючина, и треть ее кроны свисала на улицу. В начале июня утром там можно было подобрать много спелого урюка, и мы с пацанами его подбিরали. Косточки я тоже колол, я любил их.

– А что я до сих пор простить себе не могу?

– В пятом классе я открыл мамину сумочку, взял из нее пять рублей и купил на базаре у барыг книгу, не помню, какую, абсолютно никчемную. Вечером мама говорит отцу: «Это ты взял из моей сумочки пятерочку? Я пошла в обед в магазин за сахаром и гречкой, и мне нечем было заплатить». – «Не я», – сказал отец. Она у отца про деньги в моем присутствии спросила, чтобы мне стыдно стало. И мне до сих пор стыдно, хотя стыдиться давно уже не перед кем. Я не признался, что сделал это, но больше так не поступал. Всю жизнь помнил, как нехорошо себя чувствуешь, когда берешь не свое, и никогда не брал чужого.

– Верно, верно. Какими были последние слова Марии Мартыновны?

– Яша, прости, что я ухожу первая.

– И ты прости?

– Я обмер. Я до сих пор в трансе.

– Я сейчас начну стихи читать, а ты продолжишь: «Шаганэ ты, моя Шаганэ, от того, что я с севера, что ли, я готов рассказать тебе поле...»

– Про волнистую рожь при луне. Шаганэ ты моя, Шаганэ! От того, что я с севера, что ли, что луна там огромней в сто раз, как бы ни был красив Шираз, он не лучше рязанских раздолий. От того, что я с севера, что ли...

– Нормально. А шахматы здесь есть? Сгоняем по-быстрому пару партий!

– Есть, а как же! – сказал Павел и достал из портфеля доску с фигурами и шахматные часы. И это предусмотрел!

– Чур, белые мои! – воскликнул двойник, проявляя живейший интерес. – Пошел – нажал, нажал – пошел! Заяц трепаться не будет!

Живому Якову Израилевичу оставалось только смотреть на него, такого бойко-го на язык, моргать и оторопело помалкивать. Расставили фигурки, отвели часовые стрелки на пять минут от двенадцати, и первая партия началась. Азарт был велик, словно не старцы замшелые сошлись в бескомпромиссной схватке за шахматной доской, а подростки неистовые. Пяти минут на партию хватило каждому, стрелка не упала ни у кого. При счете 2:2 два матча прервали. Силы соперников были примерно равные, что и требовалось доказать.

– Вроде бы, полный порядок! – сказал Альберт Ервандович, и все с ним согласилось. Особенно болельщикам понравился равный счет в партиях-пятиминутках. На самом деле, конечно, знак равенства вбирал в себя много больше. Якову Израилевичу и его полному двойнику можно было возвращаться домой.

Прошло сорок три дня, и Якова Израилевича не стало. Он заснул и не проснулся. Он и мечтал о такой легкости ухода из этого брэнного мира. Датчик, в него вживленный, подал сигнал тревоги через десять секунд после начала сердечного приступа. Но хлопоты медиков были напрасны и отдавали формальностью. На погребальной процессии живой Яков Израилевич стоял подле почившего, и кого-то это сильно смушало, а кого-то нисколько не удивляло. Слов прощания робот не произнес и вообще рта не раскрыл, – молчал, молчал и молчал; вселенская тоска была на его лице. Но слезу уронил, и она прочертила зигзаг на его морщинистой щеке. Начиналась его трудовая вахта по замещению умершего. А слово прощания было кому произнести и без него, Якова Израилевича любили за добрый нрав и редкую душевность. К нему приходили, изливали свою боль, выслушивали слова участия и получали облегчение. И многим теперь было интересно, а можно ли будет со своим наболевшим придти к двойнику Якова Израилевича. Но одного взгляда на двойника было достаточно, чтобы сказать себе: «Можно!»

(Продолжение следует)

ПОЭЗИЯ

Елена АЛИМОВА

Жизнь без любви не интересна

* * *

Жизнь на Земле так коротка,
И быстро тает время.
Не забывайте никогда
Любви посеять семя.
Она течет, словно река,
Иль ветер неизвестный,
Не забывайте никогда –
Жизнь без любви не интересна.
Когда в ваш дом пришла беда
И жизнь хотите вы оставить,
Не забывайте никогда –
Любовь поможет все исправить!
Бывает, лишь одни глаза
Вернут вас к жизни взглядом,
Не забывайте никогда –
Любовь должна быть рядом!
А если топчите Сердца,
Которые вас любят,
Забудьте лучше навсегда –
Любовь оставит Вас и так же Вас забудет!

* * *

Когда задумаешься ты
Над смыслом своей жизни,
Когда поймешь, лишь только сны
Бывают не капризны.
Когда от блеска звезд заплачешь,
Захочешь солнца луч,
Когда в себе обиды спрячешь
И сердце перестанешь мучить,
Когда захочешь нежности и доброты
И ласки глаз влюбленных,
Когда покинут мрачные мечты,
И плач в глазах утихнет опьяненных,
Когда ты боль в груди услышишь

И не захочешь больше мстить,
Когда свободно ты задышишь
И людям сможешь зло простить –
Тогда ты попроси у Бога,
Чтоб он за все простил тебя,
И будь отныне к себе строгим,
И на людей смотри любя.

* * *

Пришел он домой после трудного дня.
Ночь... поздно, а сын на ступеньках сидит...
Малыш прошептал:
– А я жду тебя!
Ты мог бы пойти меня спать уложить?

Ты мог бы со мной посидеть пол часа?
И сказку о ежиках мне рассказать...
– Сынок, извини, засыпай без меня,
Мне завтра с утра на работу вставать.

Ребенок поднялся и с грустью в глазах
Ручонки к отцу протянул...
Отец устает, постоянно в делах –
Взял на руки, тяжело вздохнул.

Донес до кровати, чтоб спать положить,
Но сын его не отпускал:
– Я папа, хотел у тебя попросить,
Чтоб двести рублей ты мне дал.

Отец улыбнулся, сын глаз не сводил:
– Мне, пап, они очень нужны.
Достал он ту сумму, что сын попросил
И рядом с подушкой его положил.

А позже, когда малыш уже спал,
Он тихо зашел, чмокнуть в щечку его.
Там рядом с подушкой он насчитал
На триста рублей к его двести еще.

На утро, за завтраком строго спросил,
– Зачем тебе деньги, ответь мне сейчас.
– Я слышал, как маме ты говорил,
500 рублей стоит рабочий твой час.

Малыш убежал, а вернувшись в руках
Он деньги держал, чтоб отцу предложить.
– Теперь я смогу за твой час заплатить!
Чтоб ты смог прийти и со мною побыть.

С надеждой в глазах он отцу протянул,
Все деньги, что смог накопить...
С досадой и грустью на сына взглянул,
И с мыслями все изменить.

проза

Рахимжон РАХМАТ

В БЕЗДНЕ СОЗНАНИЯ

Рассказ

Нет, не сон, что-то другое началось внутри моего сознания. Как будто стремительно уносит меня резвый необъезженный скакун в неведомую даль...

Я с большой скоростью лечу в темную, бескрайнюю, пугающую тьму. Огромная вселенная превращается в пустоту, не видно ни звезд, ни луны, лишь темнота. Такое ощущение, что мир затягивает в пучину необъятной бездны. Странная картина открывается вокруг: бескрайний мрак, едва уловимые маленькие частички-звездочки, не видно никаких очертаний, все формы мира словно растаяли, слившись с темнотой. Безграничная мощь вселенной как будто растекалась под натиском неизвестной силы, превратившись в густой мрак. Я не чувствую, не вижу своего тела, оно перестало существовать – все стало тьмой, осталась только одна способность – видеть. Больше ничего. Мне кажется, что душа моя покинула тело и стремительно летит в бескрайнюю темноту. Где мое тело? Сердце охватила паника. Иногда, когда я сплю, мое сознание начинает «работать» так, что я попадаю в миры, о существовании которых человечество не догадывается и не может знать. Могу оказаться в царстве мертвых, даже не почувствовав своего перемещения, словно прижавшись лицом к окошку поезда, летящего на большой скорости вдоль абсолютно темной пустыни, ты проваливаешься в самую глубину тьмы. Я почувствовал лишь одно: в самых недрах мрака есть едва различимые крохотные точки света. Вот, к примеру, когда человек резко закрывает глаза, то тоже видит эти светлые пятнышки.

Начинаю делать над собой усилие, чтобы проснуться. Хочу пошевелить кончиками пальцев ног, хочу позвать и разбудить спящую рядом жену, но голоса нет. Бодрствующая часть моего сознания размышляет: может, я умираю, ведь во сне люди тоже умирают?! Мне обязательно нужно проснуться, иначе я больше никогда не проснусь, вернее моя душа может не вернуться в тело. Делаю усилие, напрягаюсь, словно сдвигаю с места огромный камень и... мучительно просыпаюсь – ощущение, что тебя затягивает во тьму, исчезает как ветер. Слава Богу, я спасся от смерти, теперь осталось лишь встать, вымыть лицо холодной водой, затем лечь и без сновидений спокойно уснуть, избавившись от ужаса тьмы. Я знаю, в такие моменты кошмара мозг мой накаляется и будто закипает. Встав с места, иду на кухню, открываю кран с холодной водой и начинаю умываться. Но лицо вообще не чувствует воды, даже не ощущает ее прохладу. Набираю воду в ладони, снова умываюсь, однако лицо даже не становится влажным, оно сухое. Какой-то частью своего сознания, мерцающей словно свеча, я почувствовал: «Еще не проснулся; то, что я хотел умыться лишь желание, возникшее в моем сознании, на самом деле я еще не проснулся». Снова, желая пробудиться, напрягаюсь, делаю усилие, чувствую, что черпаю силы из той частички моего сознания, которая едва светилась.

Наконец, проснулся... Сбросив с себя одеяло, быстро встал и направился в сторону веранды. Взяв с книжной полки сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Но вкуса почему-то не почувствовал. Может быть это «дамская», «слабая» сигарета? Не люблю я такие тонкие, не подходят они мужчинам. А может мне мешают почувствовать их вкус клейкие образования, собравшиеся за ночь во рту. Бросив сигарету в мусорное ведро, полощу рот, но не чувствую вкуса воды. Неужели она может быть такой безвкусной, или я не прополоскал хорошо рот?

Опять тщательно полощу рот. Появляется странное, гнетущее ощущение дискомфорта: будто прилипло ко мне что-то, и источает неприятный запах. В надежде отмыться, открываю дверь в уборную и ... оказываюсь в доме соседей. В комнате тусклый желтоватый свет лампочки. На ветхой изодранной постели, согнувшись, и свесив голову на грудь, сидит женщина и треплет вату. Только сейчас увидел: у соседской жены на темечке проплешина размером в ладонь. Сбоку от нее, облокотившись о стену с соломенной штукатуркой, сидит девочка, с грязными свалывшимися, слипшимися волосами и темными давно немывтыми пятками, и с трудом грызет огромную айву. А сосед мой сидит на коленях в центре комнаты, склонив голову к земле. Половина его плеча почему-то провалилась, словно смытая дождем глиняная стена. Никто из них не заметил моего присутствия. Моя покойная бабушка не любила их, называла «ворами чужой земли». Территория нашего приусадебного участка была не разделена, не было ни стены, ни изгороди. Сосед наш постепенно присвоил себе всю землю пограничной зоны, разделяющую наши участки, каждый раз обрезая по чуть-чуть и нашу территорию. И тут... в еле светящейся, как тусклая звезда, части моего сознания появилась мысль: «Твой сосед умер пять лет назад, ты все еще не проснулся, ты спишь». Собрав остатки сил из той части сознания, что излучала свет, опять постарался проснуться, попытался позвать на помощь спящую рядом жену: «Разбуди меня, я брежу, меня мучают кошмары». Однако жена не слышит меня. Стараюсь пошевелить пальцами ног, они шевелятся, но движения не помогают очнуться. Опять, что есть силы, шевелю пальцами, стараюсь, чтобы тело мое, наконец, пробудилось. Вообще-то, когда я попадаю в такое беспомощное состояние, стараюсь мобилизовать бодрствующую светлую часть сознания и пошевелить ногами. Мое пробуждение всегда начинается с ног, постепенно охватывая все тело. Внезапно в моем сознании появились странные звуки, шепет, писк. Не борюсь с этими звуками в голове, отпускаю их, однако шум беспричинно усиливается, становится странным каким-то бессмысленным гвалтом, засасывая меня в бездну. Светлой частью своего сознания я стараюсь избавиться от этих звуков. Мне удается полностью выключить все эти странные звуки. Я проснулся, поднялся и стал долго массировать свое лицо – сухое, как наждачная бумага. Вдруг под ковром кто-то, похожий на крысу стал метаться из стороны в сторону. Ковер вздыбился. Кто это? В доме появилась крыса? Но откуда? Откуда же ей быть на четвертом этаже, у нас даже мышей отродясь не было! По-моему, что-то движущееся так стремительно под ковром, ничто иное, как злой дух. «Пусть будет, что будет», – подумал я и стал зорко следить за происходящим. В подходящий момент прихлопнул рукой ковер. Тогда, что-то похожее на крысу внезапно юркнуло мне под майку. Я крепко прижал поверх майки это существо, другой рукой потихоньку вытащил его из-за пазухи и что было сил, ударил о стену. По-моему, оно погибло, не успев издать ни звука, оставив лишь кровавый след на стене. Включив свет, посмотрел на стену, она чистая. Посмотрел вниз, по сторонам – нет никакого трупа. И тут снова из светлой части моего сознания появились звуки: «Ты еще не проснулся!». И снова попытки, усилия над собой, шевеление пальцами ног.

Слава Богу, жена разбудила меня, толкнув в плечо.

– Вставайте, отец¹, рассвело. Не опоздайте на работу.

– Слушай, – говорю уставившейся на меня жене, – ночью мне снились кошмары, я бредил, стонал, звал тебя на помощь. Ты слышала?

– Нет, ничего не слышала, – ответила она и вышла в коридор.

Проводив жену взглядом, ... я вздрогнул. Постой! Эта женщина, спавшая рядом,

¹ Супруги, имеющие детей, обращаются друг к другу, используя слова: «отец» и «мать».

не моя жена, это девушка, которая в юности отвергла мою любовь и вышла замуж за другого. Что она рядом?...а-а... я еще не проснулся. И опять из светлой части моего сознания послышались звуки: «Я все еще вижу кошмары».

Наконец, я проснулся и сам почувствовал, что уже не сплю. Вот рядом со мной, завернувшись в одеяло, посапывает моя супруга. Повернув кран, вымыл лицо, вода оказалась холодной. Быстро вытерся, чтобы не застудить глаза. Холодная вода, изгнав остатки сна, мгновенно взбудрила. Прикурив сигарету, зашел в уборную. Еще раз тщательно умылся и вытер лицо. Поставил чайник на газ. Уже рассвело. Пусть жена поспит, я сам справлюсь с завтраком.

Поставил чайник на газ. В доме не осталось ни крошки хлеба. Полуодетый выскочил в магазин. С утра хлеб раздобыть сложно, окрестные пекари еще не работают, я купил хлеба чуть вдалеке от дома. Наверное, вода в чайнике уже выкипела, я специально немного налил, чтобы быстрее закипела. Войдя в дом, тут же направился в сторону кухни. На кухне увидел свою бабушку: она накрыла на стол, заварила чай, вымыла пиалы и положила на край скатерти, перевернув их. Отлично. Быстро попив чаю, побегу на работу. Сегодня завтрак приготовила моя бабушка. Бабушка?... опять из постепенно уменьшающейся светлой части моего сознания послышался тонкий, печальный голос: ты еще не проснулся! Из темного уголка моего сознания медленно, как шипящая змея, выползла мысль: ты не сможешь проснуться, ты давно уже мертв.

*Сегодня, наверное, 5 ноября.
Ночью я не спал.*

Перевод Саодат Камиловой

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

Нодир НОРМАТОВ

**Последнее завещание
Рузы Чарыева**

Роман-эссе*

Нодир Норматов известен и как искусствовед, и как писатель. Вышедшие из-под его пера роман «Баригал», «Рассказы Кухитанга», сборник повестей «Голубые орехи», книги «Птицы над оврагом», «Дом, где живет радуга» уже нашли признание читателей.

Роман-эссе был собран из личных наблюдений Нодира Норматова, бесед автора с Рузы Чарыевым, дневниковых записей художника. Простым и доступным языком книга повествует о детстве и юности Рузы Чарыева, значительных событиях его жизни и даже пытается проникнуть в «святая святых» творческий мир художника и показать процесс создания полотен.

Часть первая

Искусство – шаг из видимого и понятного в скрытое и непостижимое.

* * *

Воспоминание – одна из форм встречи.

Джебран Халиль Джебран

КРАСОЧНЫЕ ДВЕРИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Кишлак Вандоб расположился у самого подножия гор, лето сюда запаздывает. Вернее, весна не торопится убирать приданое, выставленное всем напоказ. Удивительное это зрелище, когда и весна еще не отцвела, а уже в свои права входит лето.

Наступила та пора, когда созрел урожай и на деревьях стали появляться первые желтые листья. Однако рядом, в двух шагах от нашего дома – на склонах гор все еще буйствовали цветы и травы, их высота на некошенных лугах достигала колен, а над нами кружили белые, оранжевые, желтые бабочки. Если пойти в сторону водопада, многоцветие красок ослепит вас. И вспомнится детство. Какое это счастье – спрятаться в непроходимых зарослях и о чем-то мечтать! От аромата цветов займется дыхание. Слух будет ласкать пение птиц.

Я был один в комнате и наслаждался зрелищем таких вот пейзажей, сделанных накануне.

* Журнальный вариант.

Рузы ака с самого утра рисовал на фоне далеких гор мальчишку, раскладывавшего на крыше глинобитного сарая урюк для сушки.

Я открыл дверь и вышел на улицу. И сразу почувствовал тонкий аромат полевых цветов. Их оставила возле дома девчушка лет десяти, живущая рядом с детским оздоровительным лагерем. Имени ее мы не знаем. Когда заговариваем с ней, она молчит. Лишь сверкает глазами-бусинами и убегает. Цветы даже не привяли, они были все еще свежи и нежны. Для этой девочки Рузы ака нарисовал картину, где изобразил ее на фоне рощицы. С тех пор она и привязалась к Рузы ака. Для художника даже самый обыкновенный цветок – «замечательный», вот и носит девочка нам охапками эти цветы.

Назавтра, под вечер, Рузы ака исчез. Разыскивая его, я обошел окрестности лагеря. Оказывается, у дочки сторожа потерялись бараны. Рузы ака отправился с ребятами на их поиски. В ту ночь он вернулся промокшим до ниточки. «Знаешь, я видел камни, которые сияют даже в темноте. С таким явлением мне раньше не приходилось сталкиваться», – говорил он вне себя от счастья. Проснувшись утром, я не обнаружил Рузы ака. Он вернулся ближе к обеду с новым этюдом. «Если бы бараны не потерялись, я бы никогда не увидел тех удивительных мест», – сказал он.

Накануне осени мы покинули эти места. Роши на склонах гор понемногу обретали желтоватую окраску, речки становились полноводнее день ото дня. На улицах кишлака, давшего нам временный приют, начинался листопад, многое в природе стало незаметно меняться. Костер, разожженный детьми, дочку сторожа, приносившую каждое утро цветы, картину туманной ночи, когда они искали пропавших баранов позднее я находил в его произведениях, все эти картины получили творческое преломление под пронизательным взглядом художника, стали яснее и ярче.

Со времени нашего первого совместного с Рузы Чарыевым путешествия прошло уже без малого пятнадцать лет. Где мы только не побывали за эти годы, о чем только не говорили и не спорили далеко за полночь. Однажды мы с художником услышали интервью Чарыева по узбекскому радио.

«Ташкентская школьница Катя Ермукова мечтает стать художницей. Что нужно для этого сделать? – спрашивает она. Ответить ей мы попросили заместителя председателя Союза художников Узбекистана, заслуженного деятеля искусств республики Рузы Чарыева. Судьба этого узбекского художника типична для всех одаренных молодых людей нашей страны. Перед ними – широкий простор для любого творчества, для них открыты все пути к овладению избранным делом.

Послушайте, что говорит Рузы Чарыев: «Дружочек Катенька! Тебе очень хочется стать художницей? Это чудесно, что такая мечта овладела тобою с детства. Но запомни: для того, чтобы стремление твое осуществилось, нужно упорно добиваться поставленной цели. Нужно хорошо учиться и неустанно работать в избранной области. С самого детства.

Расскажу о себе. Я из далекого кишлака Пашхурд, – есть такой в Сурхандарье. Мне было несколько месяцев, когда мы с братом лишились родителей. Мы не знали материнской ласки. Воспитывался я в Шерабадском детском доме, потом в Термезском. С самого раннего возраста очень любил рисовать, – никогда не расставался с цветными карандашами.

При Термезском краеведческом музее организовали кружок юных археологов. С увлечением я начал в нем заниматься. Мы совершали интересные походы. Нам поручали зарисовывать природу, и в моем альбоме появились и голубые Бабатагские горы, и волны капризной Амударьи, и зыбь песков под раскаленным солнцем. В музее работала художница Наталия Николаевна Попова. Она обратила внимание на мои зарисовки, стала учить меня рисовать. Часто рассказывала о творчестве великих мастеров кисти. Советовала мне посвятить свою жизнь искусству. Вскоре я закончил школу и по ее совету поехал в Ташкент – держать экзамены в художественное училище имени Бенькова. Представь себе, меня приняли! Но не прошло и года, как меня призвали в армию. Яркие пейзажи родного Узбекистана сменили живописные карпатские горы – там я обучался воинскому делу. Однако каждую свободную минутку использовал для зарисовок. И когда через четыре года вернулся в училище, привез с собой множество этюдов. Меня сразу перевели на второй курс. Закончил

училище и меня направили в далекий Ленинград – продолжать учебу в Академии художеств. Неповторим этот дивный город с его дворцами, картинными галереями, скульптурами Летнего сада с его «в гранит одетой Невой». Казалось, сама атмосфера Петровского града насыщена высоким искусством, духом великого Пушкина. Там я учился живописи, знакомился с творчеством многих мировых гениев.

Наконец закончил и академию, получил диплом с отличием, вернулся в Ташкент. Жизнь моя богата и плодотворна. Возможность отдаваться живописи – великая радость и счастье. У меня своя художественная мастерская. Участвую в выставках. Мои произведения удосужились показать на республиканской выставке «Наш современник». Была организована и персональная выставка – это мой творческий отчет перед родным городом.

Путешествия по странам мира раздвигают горизонты творчества. С новыми впечатлениями возникают и новые темы. Я много видел во время поездок, познакомился с искусством народов Африки, любовался в подлинниках шедеврами итальянских гениев, созерцал в Греции классические образцы эллинской архитектуры и ваяния. Был в Швеции, Румынии, на Мальте...

И все же история моей жизни, пожалуй, ничем не примечательна для условий нашей страны. Ведь каждый из вас, ребята, может избрать себе любимое дело. И если простой кишлачный мальчишка смог свободно стать художником, значит, любовь может добиться такого же успеха.

Поэтому, милая Катюша, не отступай от задуманного. Рисуй все свободное время и когда-нибудь покажешь свои альбомы художникам. Желаю тебе удачи, дружок!».

После такого интервью Рузы ака признался мне:

– На встречах многие, чаще всего дети, спрашивают меня: как вы стали художником? Я отвечаю им, что стал художником благодаря тому, что постоянно учился и достиг каких-то успехов в живописи, из-за неустанный труда, что рисовал без усталости. Говорю, что сама жизнь воспитала меня как художника... И все же нутром чувствую, что сказанного мною мало. Если бы мы вдвоем затеяли книгу, то уж она стала бы ответом на все их вопросы...

Эти слова послужили для меня отправной точкой для работы – я стал записывать высказывания художника об искусстве, о жизни. Вначале я хотел написать книгу от имени Рузы ака. Позже увидел, что в канву повествования вплетается то, что я знал, слышал о художнике, мои личные наблюдения. Так, книга стала результатом двух точек зрения – автора и художника. Самая главная ее цель: появление третьей точки зрения – читателя – на искусство, новый взгляд на жизнь, новые мысли.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Маму я не помню. Мне едва исполнилось восемь месяцев, когда она заболела тифом и умерла. А вслед за ней вскоре умер и отец. Об этом мне рассказывала тетя, дожившая до глубокой старости и умершая в девяностолетнем возрасте. Я родился в беспокойное, голодное время. «Когда начали создаваться колхозы, стало твориться что-то неладное. Множество людей, будь то ремесленники средней руки, грамотные люди, знавшие арабский, или баи и купцы – по чьему-то оговору, по навету, без суда и следствия оказывались в тюрьме, – рассказывала тетя. – Их осиротевшие дети пухли с голоду и умирали». Это были времена, когда люди жили в постоянном страхе, не верили друг другу. Вот из-за таких ошибок, из-за того, что торжествовала несправедливость, распались многие семьи, братья и сестры, родственники разлучались и разъезжались по свету. Волею судеб, как говорила моя тетя, на мою долю выпало немало испытаний.

Из дневника художника

В тот памятный вечер он наполнил ковш водой и уселся на большой валун, смотрел на все и старался запомнить. Напротив него, прямо посреди хауза росла джида. Ствол ее наполовину скрывался в зеленоватой воде. Ветер срывал ее белесые прошлогодние листья. На широкой площадке ребятишки играли в чиллак – игру, напоминавшую «чижик». Потом дети пошли навстречу стаду, лениво бредущему по степной дороге. Девчонки встретились на узкой улочке, посеCRETничали и разбежались. Рузы же думал о том, как встретит его завтра далекий город. С малых лет он любил горизонт, воображал, что в нем есть что-то такое, что может наполнить его сердце радостью. Но он любил не только горизонт, но и свой кишлак. В особенности, самозабвенно любовался громадами гор, окружающими кишлак. Неугасимая краса гор, их вершины, зовущие ввысь, очаровывали его. Глядя на них, различные чувства переполняли его. Последние красноватые лучи закатного солнца трепетали на верхушках тополей, растущих в горных ложбинах. Под тополями пробудились родники. Кеклики, лягушки, дождавшиеся весеннего вечера, оглашали округу таинственными звуками.

Да, он все это любил, только что-то манило его в неведомые дали.

Назавтра Рузы увезут за горы, откуда по утрам встает солнце. В памяти осталось только это.

... Когда осеннее солнце осветило сады, Рузы пришел к своему наставнику Гавриилу Васильевичу Парфенову. По профессии он археолог, а в свободное время вел кружок юных краеведов. Однажды он рассказал ребятам о красной пещере. «Я слышал об этой пещере в Зараутсае, Кухитанге, Бойсуна», – сказал Рузы. «Мы обязательно обследуем ее, начинайте готовиться в поход», – сказал археолог. Рузы пришел к нему за советом: где можно найти какой-нибудь альбом, цветные карандаши? В здешних краях не так-то просто было что-либо найти. До того, как оказаться в Термезе, Рузы побывал в детских домах Бойсуна, Шерабада, Кумкурмана, ему очень хотелось нарисовать портреты друзей, с которыми он так неожиданно расстался.

Рузы постеснялся попросить у археолога альбом, потому что какая-то девушка, установив этюдник, писала его портрет.

– Эта девушка – художница, – представил ее археолог. – Зовут Елена. Она будет вести у вас уроки рисования.

Елена спросила, сколько ему лет.

– Мне исполнилось двенадцать, – ответил Рузы.

Елена, подумав, сказала, что начинать заниматься живописью в этом возрасте уже поздно. Рузы возразил ей, что он все равно будет художником.

Девушка улыбнулась и сказала:

– Для тебя не поздно. Только нужно будет много трудиться.

Рузы стал смотреть этюды, видимо, совсем свежие, от них еще исходил запах краски. Девушка поставила пластинку, и во дворе зазвучала незнакомая мелодия.

Рузы засмотрелся на ее стройную фигурку и на душе у него потеплело. Захотелось нарисовать ее портрет. Но он застеснялся. Попросил позволения уйти.

– Ладно, иди. Проводи заодно и Елену, – сказал Парфенов.

Когда они вышли на улицу, их опьянила свежесть воздуха, еще влажного от недавно прошедшего дождя. Налетавший временами ветер будоражил душу. Мокрый асфальт дороги блестел и отливал желтоватым светом – отражением неоновых фонарей.

Елена подарила ему красный карандаш. Улицы города, освещенные множеством огней, в этот час, когда Рузы провожал Елену, были безлюдны и тихи. Все его воображение было захвачено красным карандашом, которым он уже рисовал алую зарю.

* * *

В детдоме всегда найдется, чем занять себя: уборка территории, помощь на кухне, заготовка дров... В свободное время ребята играли в разные игры. Однажды Рузы было велено пробежать по тонкой доске над большим хаузом, который был у

них во дворе. «Почему это я не пробегу, конечно, пробегу», – подбадривал он себя. И побежал. Но когда добежал до середины моста, споткнулся обо что-то и полетел в воду. Плавать он не умел и тут же стал тонуть.

Кто-то вытащил его из хауза. Посмотрел на своего спасителя и глазам не поверил. Это был первый задира и хулиган. Рузы раньше недолюбливал его. Но с этого дня он стал ему как родной.

Того мальчишку все называли «Мишка», хотя он был узбеком. Увидев рисунки Рузы, он сказал ему:

– Смотри, у тебя такие умелые руки, что ты подбираешь здесь детдомовские куски, устройся на работу. Вот я таскаю на вокзале вещи и беру за это деньги. Если захочешь, я и тебе найду что-нибудь подходящее.

Рузы согласился. Конечно, лучше жить самостоятельно. Никто тебя не ругает. Заработаешь деньги, можешь потратить их как захочешь.

С этими мыслями он сбегал с детдома. Они сняли с Мишкой одну комнату и стали жить. Рузы стал помощником сапожника. Через какое-то время он понял, что совершил ошибку. Тех денег, которые ему давал мастер, едва хватало на пропитание.

Однажды он так проголодался, что ему стало дурно. В кармане ни гроша, но он слонялся по базару. Три раза заходил в хлебный магазин. Под конец не удержался, и незаметно стянул у продавщицы буханку. Но даже отойдя от магазина на приличное расстояние, не смог отважиться отломить хоть кусочек. Он опять вернулся в магазин.

– Тетя, я украл у вас хлеб. Но я его не съел. Вот возьмите, – сказал он продавщице.

И тихонько положил буханку на прилавок.

От этих слов женщина прослезилась. Видимо, она догадалась, что он сирота, тут же отрезала и протянула ему кусок хлеба.

– Будь проклята это война, – с горечью говорила она.

После этого Рузы стал помогать ей, она давала ему за работу кусок хлеба.

И все же такая жизнь была не для Рузы. «Нужно возвращаться в детдом. Но вот примут ли они меня?»

К счастью, его не прогнали. Возвратившись, он услышал новость. Детский дом переезжал из Термеза в поселок Сурхан.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ К МЕЧТЕ

В 1966 году я встретил своего друга Рауфа Вахабова, с которым вместе рос в детском доме. Он в то время делал хорошие скульптуры. Но художником не стал. «Не было возможности получить образование», – попытался он оправдаться. Я четыре часа трудился в тот день над его портретом и мысленно спорил с ним: «Как это не было возможности... у меня тоже никого из близких не было, однако я добился и получил образование художника». Вслух я этих мыслей не высказал.

Из дневника художника.

Рузы понравился чистый воздух Сурхандарьи, ее необъятные горизонты, запах ее земли. Хотя их жилые комнаты не были такими светлыми и уютными, как в городе, важно то, что чувствовалась большая свобода. Можно было совершать дальние и ближние походы, рисовать все, что твоей душе угодно.

Продержав Рузы в детдоме два года, решили направить его в ФЗО7. Рузы должен был выучиться какой-нибудь рабочей профессии на одном из Ташкентских заводов.

Оставался год до окончания войны, на заводах и фабриках катастрофически не хватало рабочих рук.

Рузы был готов трудиться. Но монотонная работа на заводе была ему не по душе. А когда работа не нравится, человек быстро устает.

Он сбежал из общежития. Он знал, что стоит ему появиться на вокзале, как его тут же схватят и вернут на прежнее место. Поэтому он отправился пешком по железной дороге, надеясь вскочить на подножку какого-нибудь товарного состава, едущего в Сурхандарью.

Идя вдоль железной дороги, он пытался запомнить все необычное, систематизировал свои наблюдения.

Когда он все же забрался в товарный вагон, его довольно быстро изловили. На дорогах тогда было очень много беспризорников, похожих на него. Рузы с группой таких ребят отправили в детский дом в Ленинабад. Небо над городом было красивое. Особую прелесть придавали ему видневшиеся вдаль горы в пелене облаков. Но через два дня ему стало тоскливо. Он скучал по родным местам, по своим друзьям. На третий день сбежал из детского дома. И опять пустился в дорогу. Кормился тем, что ему давали местные жители: кислым молоком, куском лепешки. Чтобы не заблудиться, держался железной дороги. На какой-то маленькой станции опять вскочил на подножку товарного поезда.

Когда он доехал до Термеза, на вокзале увидел русского художника, который продавал женские портреты. Какое-то время Рузы наблюдал за ним. Возвращающиеся с фронта солдаты с удовольствием покупали эти портреты, другой человек доставлял продавцу все новые и новые работы. «Я бы тоже мог рисовать такие портреты и продавать их», – подумал Рузы.

В тот же день он познакомился с этими художниками. Они дали Рузы большущий картон, поставили перед ним фотографию какой-то женщины и велели срисовать ее. Рузы сделал копию, его работа понравилась им.

Уже через полгода он так набил руку, что делал очень хорошие копии. В это время он снял квартиру у сотрудницы музея, художницы Натальи Михайловны Поповой. Он теперь зарабатывал деньги, рисуя картины в мастерских. Наталья Попова посоветовала ему ехать в Ташкент, поступать в художественное училище.

И он поехал в Ташкент.

– Я не боюсь экзамена по рисованию, а вот с языком у меня плохи дела, – честно признался он Саше Боцману, с которым познакомился во дворе училища.

– Ну, славай тогда экзамен на родном языке, – посоветовал Саша.

– Вся беда в том, что я не знаю толком ни русского, ни узбекского, – сокрушался Рузы.

Он был прав. Все экзамены он сдал успешно, а русский завалил. Но то ли преподавательница сжалась над ним, то ли картины его понравились, она назначила пересдачу экзамена и поставила ему тройку.

Рузы приняли в училище. Каждую новую работу он показывал той мягкосердечной преподавательнице и говорил:

– Когда-нибудь я оправдаю ваше доверие.

После окончания первого курса он получил повестку в военкомат. Когда стал прощаться с однокашниками, они дали ему шутовское обещание:

– До твоего возвращения мы тоже не будем переходить на другой курс.

Для паренька, выросшего в детском доме, тяготы воинской службы не кажутся столь тяжелыми. Несмотря на то, что было много учебных занятий и занятий на плацу, Рузы выкраивал время для рисования и альбом его пополнялся изо дня в день. Слух о молодом художнике дошел и до генерала. Как-то раз он вызвал его и спросил:

– Ты сможешь снять копии вот с этих картин?

– Постараюсь, товарищ генерал, – ответил Рузы

Через несколько дней он представил генералу копию с картины Виктора Васнецова «Аленушка». Эта работа понравилась не только генералу, но его жене и детям. А когда Рузы сделал копии с таких работ, как «Грачи прилетели» Саврасова, «Корабельные сосны» Шишкина, «Золотая осень» Левитана, «Девушка, освещенная солнцем», генерал проникся к нему симпатией и создал ему все условия для работы. По причине своей занятости, генерал отправлял Рузы вместе с домашними на оперные спектакли. Жена генерала была большой поклонницей оперы.

Вначале он не воспринимал оперу, но был вынужден слушать. А потом привык. Даже мог воспроизводить по памяти отдельные арии из итальянских и русских опер.

Когда он выкраивал свободную минутку, садился за портреты своих товарищей по службе, писал и городские пейзажи.

– Нарисуй мне вид Ташкента, – попросил как-то генерал.

Рузы задумался. До сих пор ему не приходилось писать что-то по памяти. В этот момент он особенно почувствовал, как сильно стосковался по широким улицам Ташкента, по его красочным базарам, по глинобитным домикам, крыши которых пламенеют по весне маками.

Наконец он остановил свой выбор на домике на берегу Буржара, где он снимал комнату, учась в художественном училище. Он вспомнил милую, добрую хозяйку дома, ее симпатичную дочь. Не всплыви в его памяти их образы, может, он не справился бы так блестяще со стоящей перед ним задачей. В его представлении в пейзаже канал Буржар и глинобитный дом на его берегу должны являть собой что-то цельное, наподобие единства образов матери и дочери. Наконец, он приступил к работе. Маленький дом. Таинственный канал, в водах которого отражается небо. В произведении преобладали переливы золотых и свинцовых тонов.

– Замечательно, – восхитился генерал, разглядывая уже готовую работу. – Только, мне кажется, она получилась несколько печальной.

Он этого не ощущал, когда писал. Его тоска по родному краю, вся та грусть, что была на сердце, отразилась в его произведении и зазвучали, как печальная мелодия.

– Художник, не испытывающий ни чувства любви, ни чувства печали, не может быть художником, – сказала жена генерала.

Слова этой женщины воодушевили Рузы. Первый раз в жизни он подарил чужому человеку свою авторскую работу. Всем сердцем он чувствовал, как день ото дня крепнет его талант, вера в свои собственные силы, он знал, что теперь будет писать самостоятельные художественные произведения.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИШЛАК

В жизни каждого художника бывают такие мгновения, когда в сердце что-то заново рождается. Это – любовь к родине, к земле. С этой минуты художник должен стремиться заново постичь, открыть для себя родину, стать единомышленником своих земляков, проникнуться их сокровенными чаяниями. Художник не имеет права быть сторонним наблюдателем. Художник, у которого нет родной земли, нет своего края, не может состояться как художник. Где бы я ни был, Пашхурд всегда со мной, мысленно я постоянно нахожусь там.

Из дневника художника.

Художник вернулся в родной кишлак Пашхурд лишь через тридцать три года. Я был свидетелем этого события. Учился я тогда в шестом классе. Было лето. Я поехал за тридцать километров, в райцентр Шерабад, сейчас уже не помню, что мне там было нужно. Закончив дела, вышел на дорогу, в надежде на попутную машину или арбу. Автобусного сообщения с нашим кишлаком еще не было, горная дорога, узкая и опасная, местами зависала над пропастью, грузовики и те ездил по ней с трудом. В кишлак меня привез наш односельчанин Жума Хофиз. У него был трактор с прицепом. Кроме меня, в прицепе оказались еще двое – парень в шахрисабзской тюбетейке и светловолосая русская девушка. В то время у каждой местности была своя тюбетейка с характерным орнаментом или узором. По головному убору определяли, откуда родом человек. Взять, к примеру, десятки небольших кишлаков, разбросанных в горах и ушелях Кухитанга. Они так же имели свои традиционные тюбетейки. Мне, подростку, не составило труда определить, что попутчик не из наших мест. А парень между тем, знай себе расхваливал русской девушке наши красоты. «Смотри, какая красивая река Шерабад». Когда примечал живописные холмы, опять восклицал: «Как красиво». Он радовался всему, что видел вокруг. Затем стал рассказывать что-то своей спутнице, но я этого уже

не понял. В нашем кишлаке русский язык знали только фронтовики да ребята, служившие в армии.

Мои спутники сошли на дороге, а я, вернувшись домой, забыл о них. Но я долго помнил восторг парня. После его слов знакомые с детства горы, ущелья, речки и ручьи воспринимались по-другому. Теперь они стали таинственными и прекрасными. В кишлаке было принято говорить о горах иначе. Никто бы не сказал «красивые горы», вместо этого, обронил бы замечание: лежат под толстым слоем снега, или, наоборот, что в горах не выпало ни капли дождя или снега, такова была традиция.

Впоследствии Рузы-ака рассказал об этом путешествии.

– Заканчивая институт, я еще толком не знал, куда мне ехать, где мне жить. А вернее, выросший в детском доме, я не имел привязанности к какому-то городу или местности, и мне было безразлично, где жить. При всем том хорошо, что дают детские дома детям, они не могут заменить им отца и мать. Дети растут без корней, им неведомы семейные традиции, национальные и народные традиции и обычаи, о какой любви к родине может идти речь. Я напомним вам одну индийскую сказку на эту тему. У одной вороны было два птенца. Однажды она решила перенести их на противоположный берег реки – в тех местах было много падали. Перелетая реку с первым вороненком, мать спросила у него: «Дитя мое, как ты отблагодаришь меня за это доброе дело?» Птенец ответил ей на это: «Матушка, я буду заботиться о тебе всю жизнь, кормить самым вкусным на свете». Ворона-мать сбросила вороненка в бушующие волны реки и вернулась за вторым. Перелетая реку со вторым, она задала ему тот же вопрос. «Матушка, я не могу тебе ничего обещать, но ту любовь, которую ты проявила к своим детям, я постараюсь вернуть своим детям». Ворона мать была довольна своим птенцом. Таковы и человеческие дети. Заканчивая институт, я собирался остаться в Ленинграде. Но моя жена Марина стала настаивать: «Поедем к тебе, на родину».

И вот через тридцать три года художник поехал в родной кишлак Пашхурд. Во время этого долгого путешествия делал зарисовки в альбом, а последние десять верст до кишлака они прошли пешком. Однако встретили нас там холодно. Был у меня один дальний родственник, так он сразу накинулся на меня: «Зачем ты женился на русской? Сейчас, молодого, она тебя любит, а постареешь – бросит. Довелось мне насмотреться на таких в армии». Я обиделся на него и перебрался в соседний кишлак Зарабог. Я шел и плакал, мне было горько, что в родном кишлаке я не встретил ни доброты, ни участия.

В то время, когда Рузы писал этюды в Зарабаге, в Пашхурде его разыскивал человек, прозванный в народе Курбан-хромец. Сам родом он был тоже из Пашхурда, но в 30-е годы в числе других сельчан был выслан в Денау. Человек незаурядный, противоречивый. Был крупным торговым дельцом, всегда при деньгах, имел авторитет и влияние на людей. Однако значительную часть доходов тратил на благотворительные цели. Женил безродных парней, справлял свадьбы, помогал устроить свое хозяйство. Детей, оставшихся без родителей, старался выучить. Рузы было лет десять, когда за ним в термезский детдом приехал Курбан-хромой. Он забрал мальчика на несколько дней в кишлак и устроил там той по случаю его обрезания. Когда Рузы учился в институте, Курбан-хромой высылал ему деньги. И вот этот человек услышал о возвращении Чарыева в кишлак. Он поехал познакомиться с ним. Узнав, что Рузы обидели, Курбан-хромой не на шутку рассердился. Сел в машину, отправился в Зарабаг. Привез Чарыева обратно в Пашхурд и при большом скоплении народа, заявил: «Эй, люди, запомните, кто обидит этого парня, будет иметь дело со мной. Перед вами художник, который прославит наш край». После этого Рузы стал приезжать в кишлак на этюды. В один из приездов ему сообщили горестную весть о том, что Курбан-хромой отравился. Чарьев тяжело переживал его смерть. Именно этот человек сказал то главное, что Чарьев запомнил на всю жизнь: «Рузыбай, никогда не забывай этот край и свой родной кишлак!»

РОЖДЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Недавно я был вынужден написать портрет одного человека. Меня просто уговорили. Я рисовал, преодолевая себя. Когда я закончил портрет, все говорили о необычайном сходстве портрета с этим человеком. Он был мне совершенно чужд по духу. Поэтому я запечатлел его бесстрастно, как фотограф. Если между художником и портретируемым не возникает чувства общности, то работа обречена на провал. В чем же выражается это родство душ? Художник чувствует его сразу. С первого взгляда он определяет будущего героя своего произведения. В 1974 году я написал портрет философа. В плане цветовой гаммы портрет получился впечатляющим, а по форме – не совсем. Почему так случилось? Я всегда стараюсь докопаться до причин моих неудач.

Из дневника художника.

Воздух над склонами холмов, которые окружали кишлак, был густым и ароматным из-за обильно цветущего шпорника. Особенно много его возле кладбища, что виднеется за мельницей. Кусты подходят вплотную к тропинке и кое-где даже скрывают ее. Кажется, что и горизонт окрашен в желтоватый цвет, окрашен шпорником. По этой тропе шел усталый художник.

Он жил здесь, в кишлаке, уже неделю. Жила в душе Рузы ака, выросшего вдали от родного кишлака, мечта: устроить выставку своих произведений на родине. Преодолев немало трудностей, ему, наконец, удалось воплотить свою мечту в жизнь. Выставку развернули в школьном клубе. Однако волнение и радость, переполнявшие его душу, померкли и угасли в течение получаса. Картины, которые он писал годами, люди успели осмотреть за полчаса, а может и того меньше, и разошлись. Переживая тяжелейшую депрессию, художник хотел побыстрее уехать из кишлака. Удерживало лишь то, что он не мог отыскать могилу отца, а люди, знавшие, где он похоронен, тоже все поумирали. Поэтому он и шел по тропе – грустный и несчастный. Как-то колючие кусты цеплялись за полы его одежды и как бы говорили: «Не уходи». Поднявшийся перед дождем ветер растрепал его волосы, пригнул до земли кусты шпорника. Однако цветам он не страшен, как не страшен им ни дождь, ни снег – они держатся до самой весны. Под палящими лучами солнца они сохнут. Но и тогда не теряют своей прелести. Художник ценил достоинства этого цветка. Но сейчас, удрученный, он даже на шпорник не обратил внимания, он смотрел увлажнившимися из-за злого ветра глазами куда-то вдаль. Он прошел еще несколько шагов, и в ложбине показалась мельница. Шагах в ста от нее начинались дворы. Они стояли плотно, бок о бок. В сторонке, под чинарой всегдашняя возня ребятишек. Художник и этому зрелищу не уделил внимания, а пошел улицей, которую пересекал звонкий арык. Краем глаза он заметил, что один мальчишка отделился от ребячьей гурьбы и увязался за ним. Здешние дети, завидев незнакомца, следят за ним. Однако этот оказался притким, он пустился вдогонку за Чарьевым. Видя, что художник не собирается останавливаться, мальчишка окликнул его:

– Эй, дядя!

Художник остановился.

– Чего тебе? – лениво спросил он у мальчишки.

– Ассалом алейкум.

– Ваалейкум.

Мальчишка пинком отшвырнул камень, оказавшийся у него под ногами, и повел неторопливую беседу:

– Вы ведь рисуете, да? – выяснив самое главное, он продолжал; – а я весь день вас искал. Мама сказала мне: иди, найди дядю художника.

– Что ей нужно от меня?

– Матери? – мальчишка на минуту задумался, потом нахмурился: – Дело, наверное, есть до вас. Идемте.

– А где ты живешь? – теперь уже с любопытством спросил художник, разглядывая этого лопухого мальчишку.

– Внизу, за мельницей. Пойдете?

– Ну что ж, идем.

Дорогой они молчали. Когда дошли до ворот в начале узкой улицы, мальчишка остановился и, серьезно глядя на художника, сказал:

– Пришли.

И тут только художник вспомнил про обычай – прежде чем войти в чужой дом, спрашивают о хозяине, дома ли он.

– Отец дома?

Несмотря на то, что мальчишке было семь-восемь, держался он как взрослый. Глядя прямо в глаза художнику, он сказал:

– Мой отец умер. Иначе я давно провел бы вас в дом. Вам придется здесь подождать. Я сейчас позову маму.

– Хорошо, позови.

Художник проводил мальчишку взглядом. И вдруг услышал позади себя вкрадчивое: «Почему здесь стоим, сынок?».

– Дело есть, дед, – ответил художник.

Старик, забыв о своих делах, вдруг юркнул в те же ворота, что и мальчишка.

– Бибигуль! – закричал он с порога.

Из глубины двора откликнулась женщина.

Немного погодя, в воротах появилась сама Бибигуль. Она была в красном платье.

– Заставляешь гостя ждать, – сказал старик, улыбаясь.

– Ассалом алейкум, – приветствовала их женщина и пожала руку старику, а следом художнику. И он почувствовал, как горяча ее почерневшая на солнце рука. В кишлаке Пашхурд мужчины и женщины при встрече обмениваются рукопожатием.

– Заходите, – стала приглашать она гостей в дом, а стоявшему рядом сыну поручила: – Норкул, иди, позови дядю. Пусть придет. Скажи ему, что у нас художник.

– О чем речь? – спросил у нее старик.

– Я слышала, что этот человек рисует, – ответила Бибигуль. Раскрыв ладонь, она показала фотокарточку, – может, он ее увеличит.

Старик взял ее у нее из рук, повертел, но ничего разглядеть не смог.

– Кто это?

– Да, это же отец, – ответил Норкул, которому так не хотелось уходить.

– А ты все еще здесь? Ну ступай же. Позови дядю, – стала уговаривать Бибигуль.

– В прошлом году к нам тоже приезжал один художник, я его просила сделать портрет. А он так и не согласился, все просил найти фотографию побольше, а где же я ее возьму?

Только теперь художник взглянул на стоявшую рядом женщину. На шее у нее была нитка темных бус. При каждом слове бусины тихонько подрагивали. Большой кисейный платок окутывал ее голову и плечи, как частица белоснежного облака, и трепетал на ветру.

– Я ведь не фотограф, – сказал он и чуть было не прибавил «сестра», но увидев ее лицо, отказался от этой мысли. Ее спокойный и неискушенный взгляд пришелся ему по душе.

«Э-э, сделаю-ка я доброе дело для простой сельской женщины», – подумал он про себя и сказал вслух:

– Хорошо, я попробую нарисовать.

Бибигуль обрадовалась. Она пригласила его выпить чая.

– Я должен работать, – сказал художник и ушел в маленькую гостиницу на окраине кишлака.

На следующий день художник принес ей портрет.

– Вот, взгляните, похож? – спросил он у хозяйки дома.

Бибигуль, закусив губами кончик платка, робко взглянула на портрет и кивнула.

– Кем он был? – спросил художник.

– Чабаном.

От угощения художник отказался и вышел из дома. Его догнал Норкул. Он стал протягивать деньги.

– Возьмите, мама передала.

Но художник отказался.

В тот же день он отправился в сторону соляной горы, которая издали напоминала айсберг. Едва он нарисовал этюд, смотрит – кончилась вода, и ему пришлось спуститься к речушке. Здесь он опять встретил вчерашнего старика. От него он узнал, что муж Бибигуль – Холик, в тот год, когда была суровая зима, неожиданно сорвался с вершины и разбился, что все эти годы Бибигуль живет одна, на судьбу не ропшет и растит единственного сына.

Когда старик сказал, что перед смертью чабан попросил вынести его на пастбище, в воображении художника зародилась одна идея.

И он уже никуда не сворачивая, направился прямо в гостиницу, которая находилась посреди пастбища. Он оставил в своей комнате этюдник, а сам поспешил в школьный клуб, где была размещена выставка его картин. Он хотел сегодня же приступить к пейзажу «Вечер на пастбище». В клубе было на удивление многолюдно. Директор школы обрадовался ему:

– Ты хорошо нарисовал мужа Бибигуль, – похвалил он.

– А вы откуда знаете? – удивился он.

– Бибигуль показала портрет женщинам. Они, увидев, что ты так хорошо рисуешь, пришли посмотреть на другие твои картины, – сказал директор.

«Искусство никогда не бывает понято сразу», – пришли на память ему слова одного художника, и вспомнилась трагическая судьба Гогена.

На другой день художник сидел на доске, приспособленной под скамью возле гостиницы, и наслаждался теплым днем. Солнце спряталось за облако, вдали отчетливо виднелись горы. У самого края поля, возле сломанного моста играли ребяташки. Сторож гостиницы вел со стороны зарослей джиды корову, он прервал раздумья художника.

– Не сидите так, идемте, попьем чаю.

Художник почувствовал, что для его пейзажа прямо-таки необходима такая вот корова. Поэтому он, подойдя к ней поближе, стал рисовать ее.

Позже он лежал в своей комнате и, глядя на гнездо ласточки под потолком, почему-то вспоминал свою жизнь в городе, свои картины, и досконально анализировал свое творчество.

Художник остался в кишлаке еще на несколько недель. В светлые долгие летние вечера он сидел в комнате и рисовал портрет Бибигуль и ее мужа. И эта работа доставляла ему удовольствие. За это время к нему несколько раз приходил Норкул. Художник сразу убирал портрет или поворачивал холст изображением к стене, а мальчишку занимал рассказами или давал посмотреть книжку с картинками.

Работа уже близилась к концу, как вдруг его свалила простуда.

В тот памятный вечер, не переставая, шумели деревья, они словно чувствовали, что должно произойти что-то необыкновенное. Художник лежал на кровати и листал книгу. Дверь тихонько отворилась, и он увидел у нее в руках чашку горячего супа.

Поправив рукой платок, у нее были красивые длинные пальцы, Бибигуль подошла к картинам. Поняв, что больше всего ее волновало в этот момент, художник поставил перед ней картину, на которой была изображена Бибигуль. Она встречала мужа взглядом, полным любви, нежности, и какой-то девичьей стыдливости.

На миг Бибигуль застыла. После, приблизившись к картине, она стала гладить руками лицо и волосы мужа, она относилась к изображению, как к живому человеку. Художник стоял тут же, рядом и, глядя то на картину, то на Бибигуль, смеялся, его переполняла какая-то неведомая радость. Бибигуль отняла, наконец, от картины дрожащую руку. И стремительно выбежала из комнаты. Полная луна изливала на округу золотые лучи, по тропе через пастбище уходила Бибигуль.

У дверей гостиницы стоял художник. Он смотрел вслед женщине, и ему казалось, что он видит это во сне. Видение вдохновило его, и в душе зародилось новое произведение.

ЭТЮД

Открытие разом не делается. Мне кажется, все начинается с крупинок, с самых малых качественных изменений, которые и предваряют это открытие. Речь идет не только о новизне формы, очень важен образ мышления. Постигнув искусство познать мир, я в каждой вещи и через нее научился видеть новое. Рисуя, я каждый раз что-то открываю для себя.

Только для себя и в себе. Если мое открытие будет признано временем, то оно станет, действительно, открытием. Чтобы этим открытием опередить свое время, нужно обладать большим дарованием. Ибо и сам мир, и человек, и искусство, и Земля постоянно меняются.

Окружающая среда оставляет свою печать на произведении, которое ты создаешь. Это естественно. Мне кажется, открытия нужно делать не в области формы, а исходя из внутренней потребности в пространственных связях с жизнью. Нужно бороться за право осознать себя, за право изображать все, что ты любишь, чем ты дорожишь таким, каким ты это видишь.

Из дневника художника.

Ранняя весна. Берег реки. Тропа, по которой мы шли, поросла тамариском. Художник почему-то пошел медленнее и стал озираться по сторонам. Из-под ног с шумом вылетели птицы и сели на ветку развесистого дерева, растущего возле речки. Художник:

– Сколько же здесь деревьев! Тридцать лет назад я прошел по этим местам пешком, – сказал он, и, словно пытаясь, что-то вспомнить, задержал свой взгляд на дереве.

Когда красноватые лучи солнца коснулись вершин Кухитанга, мы продолжили свой путь. Кривые ветви низкорослого дерева преградили нам дорогу. По левую сторону от него – глубокая пропасть. С этого места отчетливо просматривается ее противоположный край.

Художник понюхал ветку, побитую морозом.

– Она пахнет яблоком, незрелым, погубленным уже в завязи, яблоком, – промолвил он тихонько.

Мы долго смотрели на небольшую, затерянную среди холмов, красноватую гробницу диковинной формы, на девушку в красном платке, которая вела на поводу лошадь по переливающимся на солнце изумрудным лугам.

– Замечательный вид, – воскликнул Рузы-ака. – Вот уж пятнадцать лет подряд я приезжаю сюда, в окрестности Шерабада, чтобы писать пейзажи. Но в каждый мой новый приезд я вижу другой пейзаж. Честно, мне нравится, любуюсь здешней природой, делать этюды. Работа спорится. Этюд – душа будущей картины, ее сердце. В нем нужно определить цветовую гамму будущей картины, найти композицию, помимо того, что нужно выбрать передний и задний планы, здесь должна найти отражение гармония между душой человека и природой. Это очень важно. Скажу честно, это очень сложная работа. Но на первый взгляд это незаметно. Спросите, почему? Да потому, что кажется, что художник просто копирует природу.

По правде говоря, я и сам считал рисование этюдов легкой работой: определить в пейзаже свет и тени, перенести все это на холст, для этого рисовать каждый день в одно и то же время...

В ложбине между отрогами гор текла река, мы вошли в небольшой двор, расположенный на ее берегу. Эта дача принадлежит совхозу «Шерабад». Вот уже несколько месяцев здесь живет и работает Чарыев. Рядом с садом – древняя крепость. На противоположном берегу реки виднеются дворы, холмы, адыры, древняя гробница. Несколько лет назад эти края покорили и мое сердце. Еще и поэтому я завел обычай часто приезжать сюда, быть первым зрителем новых работ художника. В каждый свой приезд я заставал Рузы-ака за какими-то новыми хлопотами. Кишлак Куштегирмон – в пяти верстах от Шерабада. По этим дорогам летом-то не пройдешь, а уж про зиму и говорить-то не стоит. Только художник ни разу не посетовал по этому поводу.

В тот день мы пошли с ним в местечко, называемое Чаманкул. Одолев большую гору, мы очутились в долине, покрытой дерном. Был день народного гуляния. По горизонту тянулась горная гряда, зеленые холмы. А на народном празднике – жаркие бои палванов, танцы, песни, беготня и суматоха. Повара хлопочут над котлами, готовя праздничные блюда. Словом, картина, радующая глаз и улаждающая душу. Художник долго кружил в праздничной толпе. Пока не увидел компанию людей, восседающих по-турецки на разостланном пологе. Он замер: «Восемнадцать лет я не мог найти ключ к одной своей картине. Вот он – этот ключ. Теперь мне нужно нарисовать этюд с этой компании». Сказав это, он примостил холст на камне и приступил к работе. К полудню этюд был готов.

Вскороности мы вернулись на дачу. Кое-что в этюде он переписал заново. Я мысленно восстановил давешнюю картину. На этюд художник перенес все самое выразительное, что было в бытовой сценке, самый дух этого застолья, прорисовал планы, основные цвета.

– Я бы посоветовал начинавшему художнику в первую очередь писать этюды.

Я спросил у Рузы-ака, как выбирать место для этюдов.

Он не спешил с ответом.

– Когда мы дойдем с тобой во-он до того кишлака на перевале, тогда я тебе и скажу, – пообещал он.

Мы побывали в названном месте – Хатки и Танги. Увидев заброшенные, и в самом деле беспредельные сады, я был поражен.

– Сады Кухитанга пришли в упадок, – говорил с горечью художник, – люди перебрались в степь. Я читал книгу Лагофета, где он пишет, что в начале XX века в этих краях шумели сады и большие леса. Вот все, что осталось от былых садов и лесов. Правда, леса еще встречаются на склонах вон той горы, но и там изрядно поредели.

Теперь в голосе художника было отчаяние.

– Эти сады сейчас заброшены. Посмотри на эти пейзажи.

Он поставил передо мной пейзажи, которые написал здесь. Когда среди полотен, где были нарисованы картины природы, я стал встречать деревья, с которых ободрана кора, сломаны ветви, у меня заныло сердце. Все это дело рук «дикарей», которые ставят в лесу палатки и живут, нисколько не считаясь с окружающей природой. Многие из них оставляют на стволах деревьев свои инициалы. Кто-то варварски, безжалостно содрал с дерева кору. Теперь, наверное, и вам стали понятны жалобы художника.

– Вот видишь, этюд просто так не пишется. На нем должно быть запечатлено такое, что может повергнуть сердце художника в трепет.

Говоря это, он предложил мне посмотреть еще один этюд. На нем была изображена гробница Ходжи Исо Мударриса Термези, поклониться которой, мы ходили на днях. Дело в том, что мечеть, находящаяся рядом с гробницей, созданная, подобно мавзолею Исмаила Самани в неповторимом архитектурном стиле, по причине своей беспризорности и заброшенности, стала разрушаться. Однако никому нет дела до этого замечательного памятника архитектуры. Когда мы встретились с руководителем района, он ответил, что если соответствующие организации разрешат провести реставрационные работы, то они и справятся с этой задачей.

На этюде был нарисован как раз этот памятник. Древнее строение, по стенам которого пошли трещины, где птицы выют гнезда, было выписано с любовью и печалью.

День стоял ясный, воздух был пропитан запахом меда. Мы долго беседовали, сидя на веранде. Наш разговор касался картин природы, животного мира, какую роль они играют в жизни человека. Как тут было не вспомнить книгу доктора биологии Н. Реймарса о заповедных зонах. Известный ученый отстаивает в своем труде идею возрождения заповедных зон природным путем. Он провозглашает такой лозунг: если дерево сломалось – не прикасайся к нему, если чересчур расплодилось насекомые – молчи. Сильно увеличилось поголовье животных – не торопись. Все потихоньку, само собой придет в состояние равновесия. Потому что вмешательство человека в эти процессы, независимо от того, хорошее оно или плохое, в большинстве своем приводит к нарушению этого равновесия. Таково мнение ученого. Заслу-

живают внимания и работы И.К. Пачоского, основателя замечательного народного сада, который считается одновременно ученым России и Польши.

– Скажите, ну почему у нас эти законы не воплощаются в жизнь, – воскликнул художник.

Чтобы хоть немного ободрить его, я рассказал о том, что в крупнейшем заповеднике Таджикистана – Полвонтукае, сейчас руководствуются положениями профессора Реймарса.

С ближнего дерева донеслось воркование горлинки. Художник издал в ответ похожие звуки. И горлинка ему ответила. Они так «переговаривались» минут десять. Я был удивлен.

– Неужто вы и язык птиц знаете?

Он рассмеялся:

– Я люблю слушать пение птиц. Случается, что на природе обостряется чувство одиночества. Тогда начинаешь прислушиваться к пению птиц и голосам зверей... Но стоит прозвучать выстрелам и устанавливается мертвая тишина. Это нагоняет тоску. Для меня это невыносимо.

Он рассказал случай, как отнял у одного своего приятеля винтовку.

– Этот бесстыжий собирался охотиться на кекликов, в пору их брачного сезона, – разволновался художник. – Ах, если бы в каждом кишлаке открылась картинную галерею. Может быть тогда, люди, глядя на себя, на пейзажи, смогли бы прийти к каким-то очень правильным решениям. Самая замечательная вещь на свете – это самообразование. Школьники не должны упускать эту возможность. Начинающим художникам я бы советовал читать книги по ботанике, зоологии, медицине, философии, классическую литературу. Все это выразится в рождающемся произведении.

Он встал и как всегда радостно распахнул настежь створки окна и стал смотреть вдаль.

– Окно – это мой телевизор, – сказал он.

Установив картон, художник стал зарисовывать тень от горы, которая падала на бескрайнюю холмистую степь.

– Эту передают состояние души человека, его переживания, – сказал он, наконец. – Это спрятано в каждой краске. Найти это и понять – задача зрителя.

* * *

Вы убедитесь в одной вещи – через свою живопись художник выражает любовь к трудовому народу, к простым людям. Любовь эта, переливаясь как радуга, естественно, не затмевает слабо окрашенных мест, неточность линий. Но одно все же совершенно очевидно – художник всегда справлялся с поставленной задачей, работал свободно, без натуги и напряжения. Каждый посетитель галереи чувствует это сердцем. «Кумкурганские яблоки» – одно из значительных произведений Р. Чарыева. В этой работе через трогательные образы девушек художник передал красоту людей нашей земли, которую он неустанно воспевае в своих работах, открывая новые грани.

– Итак, Рузы-ака, вы же не ответили полностью на мой вопрос, часто ли вы огорчаетесь или обижаетесь на что-то? – вернулся я к теме нашего разговора.

– Бывают ситуации, когда я не скрываю свою обиду, – сказал он смеясь. – Увидев недавно, в каком неказистом здании разместилось Управление культуры, я всерьез огорчился. Нужно ведь понимать, что это управление культуры! Другая вещь, которая часто повергает меня в уныние – это поведение человека, его культура. Это уже прописная истина, что каждый человек должен быть воспитанным, культурным. К сожалению, я чаще всего сталкиваюсь с полной ее противоположностью. Вы знаете, просто нет сил, видеть этот официоз, бюрократизм, грубость, фальшь. Еще один момент. Некоторые искусствоведы и журналисты, когда пишут о творчестве художника, делают это очень поверхностно. Вы думаете, что читателю важно знать только о званиях художника и о его жизни? Очень важно высказать свое собственное мнение о деле его жизни – о произведениях. Большинство же в одних и тех же выражениях

характеризует и творчество Пикассо и любого начинающего художника. Нельзя так обесценивать слова. Иные даже звания художника умудряются перевернуть. На днях я услышал по радио такую информацию о себе: «Недавно по инициативе народного художника Узбекистана Рузы Чарыева в Термезе открылась художественная галерея». Мне ведь это звание не присваивалось.¹

– Рузы-ака, по-моему, это не столь уж великая ошибка, – ответил я ему. – Вы давно уже народный художник.

– Человеку приятно лесть, – сказал он, смеясь, – Вот это и плохо.

Да, даже об этом говорит его открытый, искренний «Автопортрет».

В «Автопортрете», созданном в 80-х годах, необычайно жизненно передан образ художника, выполненный нервными мазками. Прекрасно передана сосредоточенность смотрящих на зрителя, горящих глаз, смуглое лицо, обрамленное густой черной бородой с проседью. Чередованием вертикальных, зеленых и серых полос его одежды подчеркивается пульсирующее движение, характерное для личности художника. Сдержанная гамма красок отвечает эмоциональной тональности образа и выразительности психологического состояния. При подчеркнутой неподвижности лица, глаза в портрете несут в себе определенную эмоциональную ноту, которая завораживает зрителя, устанавливает с ним волнующий контакт. Этим внутренним горением проникнута духовная жизнь художника и его живопись.

Его вдохновляют и народные песни о первой степной былинке, воспоминания далекого детства. Летом он торопится запечатлеть пейзажи, щедро освещенные солнцем. Осень еще богаче сюжетами и красками. В плавно увлекаемых осенними водами опавших листьях художник видит аллегорию на мечты и чаяния человека. Художник ищет соразмерность между неиссякаемыми красками природы и человеческим обликом.

Когда он находит эту соразмерность, радуясь, как ребенок, восхищенно восклицает: Гениально! Прекрасно! Где вы пропадаете, посмотрите на это произведение! Вы только взгляните!..

(Продолжение следует)

Перевод Гавхар Норматовой

¹ 15 сентября 1987 года Рузы Чарыеву было присвоено звание «Народный художник Узбекистана».

публицистика

Ирода РАХИМОВА

ДЖОМОЛУНГМА – ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Ирода Каримовна Рахимова родилась в 1962 году в г. Ташкенте. В 1986 году закончила исторический факультет Ташкентского государственного педагогического института, затем стала работать редактором в Издательстве «Узбекистан», с 2004 года – ИПТД «Узбекистан», в котором работает и поныне.

Автор целого ряда публицистических статей об истории и географии, а также о спорте, опубликованных в республиканских журналах, таких как «Звезда Востока», «Мозийдан садо», «Архитектура и строительство», и газетах «Соғлом авлод», «Зеркало», «Правда Востока».

* * *

*Силы гор простираются в высь и в ширь...
Умение гарцевать по облакам – это от гор,
И умение поспевать за ветром – тоже от гор.**

В самопознании заключается ядро каждой задачи человека. И это характерно для любого вида человеческой деятельности, направленной на достижение большего результата, чем предусматривают инструкции, законы, директивы, обычаи.

В 1998 году 22 мая впервые было совершено победное восхождение альпинистов из Республики Узбекистан на вершину Джомолунгмы – Эверест. Это восхождение стало еще одним победным достижением нашей Родины, доказав тем самым, что наш народ всегда готов на великие и благие деяния в любой сфере деятельности человека, в данном случае, в альпинизме – в одном из самых сложных и опасных видов спорта. Первым на Эверест поднялся альпинист Рустам Раджабов, несмотря на неблагоприятные погодные условия. Всего на вершину поднялись одиннадцать узбекистанцев. В летопись независимой страны эта победа вписала яркие страницы и вот что говорят сами победители: «Трудно передать словами чувство гордости и радости, переполнявшие наши сердца при виде развевающегося на вершине Эвереста нашего Государственного флага. Это было накануне семилетия Независимости страны, и она вступила в ряды ведущих стран мира в области альпинизма. И благодаря Независимости спортсмены Узбекистана получили возможность организовать собственную экспедицию в Гималаи. Мы, члены группы, находясь на «крыше мира», переживали самые счастливые минуты в своей жизни, при этом осознав возможности независимого нашего государства».

* Месснер Р. Хрустальный горизонт. – Москва. «Планета», 1990, С 22.

Экспедицией руководил Анатолий Шабанов, являвшийся генеральным секретарем Федерации альпинизма и скалолазания Узбекистана. В состав команды вошли лучшие спортсмены – Рустам Раджабов, Ильяс Тухватуллин, Андрей Заикин, Андрей Федоров, Алексей Докукин, Роман Мац, Ханиф Балмагамбетов, Марат Усаев, Константин Бойцов, Олег Григорьев, Сергей Соколов, единственная альпинистка – Светлана Баскакова и запасной. Экспедиция была немногочисленной, поэтому еще в Ташкенте были определены задачи и обязанности каждого участника.

Джомолунгма поднимается в Главном Гималайском хребте на высоту 8848 м. Это гора с мощным массивом оледенения.

В южном продолжении Главного хребта расположен ближайший сосед гиганта – массив Лхоцзе (8516 м). Еще далее на юго-восток высится восьмитысячник Макалу (8463 м). На северо-западе в Главном хребте поднимается еще один гигант – вершина Чо-Ойю (8201 м).

Самой высочайшей вершиной в мире Джомолунгма стала считаться с 1852 г. В 1802 г. англичане начали первую общую тригонометрическую съемку Индии, в том числе и ее горной части. Первые съемки были закончены в 1823 г. в связи со смертью ее руководителя Лемптона. Возобновились они в 1830 г. с назначением Джорджа Эвереста председателем геодезического комитета Индии.

В переводе с тибетского Джомолунгма означает «мать богов земли» («чомо», «джомо» – богиня-мать или мать богов; «лунг» – страна, земля, область; «ма» – окончание женского рода).

Другим местным названием, как утверждают отдельные авторы, еще более древним, являлось Чомо-Канкар, что в переводе с тибетского означало «мать – царица снежной белизны». Такое название привел известный знаток Гималаев Сарат Чандра Дас в подготовленном им к изданию в 1902 г. тибетском словаре.

С 1856 г. неожиданно для географов на топографических картах Гималаев у этого массива появилось название «Эверест». Это случилось после того, как в результате геодезических съемок выяснилось, что это самая высокая вершина мира. Джордж Эверест, бывший ранее председателем геодезического комитета Индии, к этому времени покинул страну.

В отношении ее высоты также существовало немало различных данных – 8888, 8882, 8848, 8842 м. Сейчас указывается высота 8848 м.

В наши дни на картах и в литературе распространены названия «Эверест», «Джомолунгма», «Чомолунгма».

НАМАСТЕ, ДЕЛИ! КАТМАНДУ – ЖЕМЧУЖИНА МИРОВОГО ГРАДОСТРОЕНИЯ ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

Самолет авиакомпании «Узбекистон хаво йуллари» 23 марта 1998 года в 6.30 по местному времени вылетел из Ташкента в Дели – столицу Индии, увозя на борту пятнадцать спортсменов, стремящихся к встрече с Джомолунгмой.

Маршрут был следующий: долететь на самолете до Дели; сухопутным путем добраться до Катманду – столицы Непала; затем – на грузовиках по горным дорогам Непала и Тибета автономной области КНР. Оставшуюся часть пути преодолеть караванным способом, наняв погонщиков яков и, погрузив на них вещи, дойти до базового лагеря к леднику Ронбук.

Первое впечатление от великих гор мира у наших спортсменов сложилось, когда они, пролетев над низменностью с текущими по ней североиндийскими реками, увидели на северо-востоке вершины ослепительных белоснежных гор. Стояла ясная солнечная погода, и это дало возможность охватить взглядом через иллюминаторы самолета нескончаемые пряжи горных цепей. Для узбекистанцев это и была первая встреча с Гималаями.

Приземлились в аэропорту Дели. Столица встретила гостей по-летнему жаркой погодой и многоголосыми приветствиями: «Намасте!». Что означает многочисленные напутствия: «Благословен будь, путник! Ведь дороги по нашей планете полны опасностей и не всегда комфортны. Будь скромн и стоек. Благосла-

вен будь и на горной тропинке и когда выходишь из самолета. Да сопутствует тебе удача!».

Прекрасна столица Индии, но, к сожалению, не было возможности осмотреть город и ознакомиться с его достопримечательностями.

В Дели пробыли всего один день, и, когда благополучно прошли переговоры с таможенниками и были соблюдены все формальности с официальными органами, дающими разрешение на продвижение экспедиции по дорогам страны к Непалу, члены экспедиции сели в автобус индийского производства, а грузы водрузили на два грузовика нанятые в Дели.

Дорога к Катманду серпантинном вела вдоль реки по крутым подъемам. Размеренное движение автобуса заставило пассажиров незаметно перейти в состояние сна или дремы. Как вдруг к часу ночи неожиданно пассажиры автобуса наткнулись на заграждение, выложенное из камней. Еще неожиданнее было то, что в какой-то момент на середину дороги перед автобусом выскочил невысокого роста человек с маленьким стареньким пистолетиком. Он все время размахивал им, угрожая и приказывая им убираться восвояси. Людям из Узбекистана видеть подобное было в диковинку, потому что они прибыли из благополучной страны. После того, как все выяснилось, оказалось, что это была организованная забастовка дорожных служащих, которые в знак протеста перекрыли дорогу. По совету офицера связи, сопровождавшего группу после перехода границы Индии с Непалом, автобус отъехал к маленькой деревушке в двух километрах от дороги.

Эта забастовка могла стать задержкой продвижения экспедиции. Чтобы не тратить время попусту, ребята использовали вынужденную остановку для того, чтобы ознакомиться с местными окрестностями. Здесь была живописная холмистая местность. И то что они созерцали напоминало эпизод из телепередачи Клуб кинопутешественников. Не верилось, что они едут к великой горе Джомолунгме. Ведь Эверест это мечта, фантом.

Альпинизм – экстремальный вид спорта. И кто им занимается, привык к походным условиям. И примером тому служила импровизированная столовая на обочине дороги. Ребята соорудили вполне удобный стол, застелив его длинной скатертью. Такой оригинальной «столовой» можно было только позавидовать, ведь вид открывался чудесный с террасами полей, гор и рекой внизу.

И когда они снова тронулись в путь, неширокая дорога повела их на юго-восток страны в сторону столицы Непала. Надо было торопиться – из-за задержки в дороге им могло грозить свертывание экспедиции. Здесь вдоль дороги высажены деревья, а за ними виднелись возделанные поля, чередующиеся с яркой зеленью трав. Движение часто замедлялось из-за того, что дорогу переходило стадо волов. Ехали с редкими остановками-привалами, не заезжая в небольшие городки для устройства в гостиницу. К концу второго дня пути по дороге стало попадаться очень много народу – многочисленные паломники, спешащие на праздник Мачхендранатх.

По мере продвижения экспедиции природа окрестностей менялась – низменность незаметно уступила место предгорьям, где рисовые поля с деревьями сменялись джунглями с причудливыми деревьями, лианами и разнообразной фауной.

Стали подъезжать к реке Трисули (или Нарайяни). Вид на панораму реки в сочетании с горами был неповторим – гладь речной ленты в обрамлении ярко-бордового красноземья откосов гор.

По прибытии в Катманду и посещении Министерства иностранных дел, команде были вручены правила, касающиеся подобных альпинистских экспедиций. В них разъяснялась процедура подачи и утверждения заявок на экспедиции, таблицы пошлин за восхождения, классифицированные в зависимости от высоты, обязанности офицера связи, сирдара (руководителя носильщиков грузов), носильщиков, списки обмундирования и снаряжения, положенные носильщикам, правила соблюдения чистоты, нормальных условий жизни во время похода, в базовом и промежуточных лагерях. Инструкцией строго запрещалась вырубка деревьев и охота на зверей. В обязанность же руководителя экспедиции вменялось еженедельно информировать о действиях экспедиции.

Средневековый город встретил их шумным многоголосьем людей, автомобилей, изобилием знаменитых памятников, а также разнообразием запахов постоянно живущего города.

Итак, Непал, Катманду.

Федеративная Демократическая Республика Непал расположена в Южной Азии. Это горная страна, потому что шесть седьмых ее территории занята хребтами Гималайской горной системы. Эта страна расположена между двумя самыми населенными странами мира. К северу она граничит с Тибетом – автономным регионом Китая; по южной границе, с запада на восток она граничит с Индией. На территории страны снегами покрыто свыше 1300 горных вершин. В Непале находятся восемь из 14 восьмитысячников мира и среди них – Джомолунгма (по-непальски – Сагарматха).

В столице Непала Катманду узбекистанцы разместились в гостинице «Гауризанкар». Предстояло проведение основательной экипировки спортсменов, а также подготовка и обеспечение провиантом экспедиции. Это заняло два-три дня. И между небольшими перерывами в работе была возможность осмотреть необыкновенный город.

Непал единственная индуистская монархия в мире. Там говорят на сорока языках и диалектах. Гаутама Будда, основатель буддизма родился в 550 г. до н.э. в маленькой деревне Лумбини, на границе с Индией. Именно из Непала буддизм начал распространяться по всему миру.

Долина Катманду, высотой около 1300 м, считается горной долиной и исторической областью Непала. Здесь расположены такие города как Катманду, Лалитпур (Потан), Бхактапур, Киртипур, Панаути. Местные жители говорят, что в Долине Катманду живет 10 миллионов богов. Буддизм и индуизм здесь тесно переплелись.

К достопримечательностям города относятся: площадь Дурбар, здание Кастамандал, Королевский дворец; известные учебные заведения – это Королевская академия, Национальный колледж, Санскритский колледж, университет. Музеи города знамениты экспонатами, собранными в разные эпохи развития Долины.

Чтобы полюбоваться вдоволь панорамой непальской столицы, по извилистой узкой дороге наши соотечественники медленно поднимались к вершине холма туда, где возвышается храм Сваямбхунатх.

На фоне заснеженных пиков видны багряно-золотые островерхние крыши, украшенных искусной резьбой бесчисленных пагод, ярко-зеленые островки рисовых полей, паутина узких улиц старого города с кирпичными домами и новые районы с современными домами. Везде старое соседствует с новым.

Настоящий буддист, придя в Сваямбхунатх, сначала обойдет по часовой стрелке главную ступу, провернет вмонтированные в основание ступы вертикальные, отполированные руками многих поколений барабаны, в которых начертаны строки из молитв. Достаточно крутануть молитвенный барабан (лучше, конечно, все барабаны по очереди) – и можете быть уверены, что ваша молитва достигла небес. Этому также способствуют флаги, привязанные к шнурам, один конец которых прикреплен к вершине ступы. На каждом флаге также начертаны молитвы, которые ветер непременно унесет на небеса. Необязательно помнить молитвы наизусть, их даже необязательно знать – все делает за вас наделенный священной силой крутящийся барабан.

Наши ребята старались не отставать от путешественников и покрутили барабаны. Ведь молитва во всех религиях остается молитвой. И это был красивый и экзотичный обряд.

Когда осматривали один из храмов в городе, монахи, узнав что это альпинисты из далекого Узбекистана, предложили освятить их вещи. Некоторые спортсмены согласились принести свои вещи, лыжные палки, снаряжение и даже веревки. Для них обряд стал дополнительной поддержкой в грядущих испытаниях, ведь человек всегда верит в свою мечту и в себя. Главное в жизни – это позитивное мышление и действие.

Ребята обошли вокруг другого комплекса – Боудданатх. Здесь шиплет ноздри едкий дым от жертвоприношений, благовоний. Все люди стараются покрутить молитвенные барабаны, где-то приглушено звучат бубны и язычки колокольчиков, подвешенные к крышам пагод. Когда их раскачивает ветерок, они издают нежный переличатый звон.

После того, как все намеченное – покупки и дела, были здесь завершены, экспедиция «взяла курс» на Тибет – таинственный, неисследованный, малонаселенный, но бесконечно прекрасный в своей первозданной красоте. Тибет притягивает огромное количество паломников и пилигримов, путешественников и исследователей, спортсменов и людей, желающих найти уединение и удалиться от шумных городов, от нескончаемых человеческих проблем и желаний...

Раннее утро. Огромный диск солнца поднимается над далекими вечными вершинами равнодушных и величественных гор.

Экспедиция наших спортсменов шла по Тибетскому нагорью по пути английской экспедиции 1922 и 1924 гг., продвигаясь к Ронбукскому леднику. Два грузовика ехали по каменистой пустынной долине, обрамленной вдалеке горами. Дышать было тяжело, так как бедный кислородом воздух на высоте 3500–4000 м над уровнем моря чередовался с непрерывным пронизывающим ветром с севера, несущим в долину осадки в виде дождя и снега.

Шоссейные дороги давно сменились проезжими дорогами, не очень хорошо заасфальтированными. А еще дальше пришлось еле-еле пробираться по ущельям и перевалам Тибета. В одном из таких ущелий ребят ожидал снежный завал. Накануне сошла лавина и огромный снежный пласт перегородил дорогу через ущелье. В нескольких метрах в сторону от дороги другие транспортные средства пробили небольшую «лазейку-проход». Туда и двинулись грузовики экспедиции. Протискиваясь и застревая в ледовом мешке, первый грузовик отчаянно пробивался сквозь лед. Он то отъезжал назад, чтобы с большой скоростью прорваться через стенки ледового тоннеля, то его колеса застревали в месиве из камней, льда, растаявшей грязевой воды. Это мучение продолжалось около пяти часов. И экспедиция начала отставать от графика. Ребята нервничали, ведь необходимо было вовремя добраться до базового лагеря.

ВСТРЕЧА С ДЖОМОЛУНГМОЙ

Далее дорога вела по Хималае Хай вей, мимо тибетских деревень. Внезапно перед путешественниками возник монастырь монахов. Это был Ронбук.

Здесь дующий ветер – неотъемлемая составляющая местности, как и скалы с осыпями льда. Это долина, запертая со всех сторон горами. А массивные монастырские стены кажутся маленькими на фоне гигантской горы, которая занимает все пространство. Это самый высокогорно расположенный монастырь в мире.

Путь экспедиции через границы трех государств был наконец завершён в базовом лагере.

Как вспоминает участник экспедиции Ильяс Тухватуллин: «После высокогорной пустыни, коей является Тибетское нагорье, где царствуют пыль, ветер, суточные перепады температур, здесь на подступах к великой горе, природа постаралась еще больше защитить свое сокровище от посторонних глаз, от цивилизации, воздвигнув немислимый для новичков барьер из ледовых скал, крутых склонов, снежных лавин и края бедного кислородом».

В бинокль можно было разглядеть разнообразные формы не только Эвереста, но и других гор пониже. Это напоминало калейдоскоп граней, конусов, склонов, карнизов, ледовых стен, от которых при ясной погоде отражалось солнце. Недалеко от лагеря изредка появлялись горные козлы и непуганые куропатки.

Маршрут восхождения экспедиции узбекистанцев намечался через Северное седло. По этому пути хотели пройти и другие экспедиции из разных стран. Поэтому когда наши спортсмены, выбрав удобную поляну, где вблизи протекал ручей и росла то там, то здесь травка, поставили палатки и стали обустраиваться, то недалеко от них, заперестрели палатки других экспедиций, прибывших и прибывающих. Это были альпинисты из России, США, Чехии, ЮАР и др.

Была, наконец, решена и проблема с доставкой грузов – нагруженные яки благополучно доставили вещи альпинистов до передового базового лагеря.

3 мая. Начавшаяся непогода помешала осуществлению первых разведок горы. Шел сильный снег и дул шквальный ветер. Неуютно было даже выходить на несколько метров из палатки.

Через пару дней погода немного нормализовалась и все стали готовиться к обустройству высотных лагерей – ставить памятку с запасами продовольствия, кислородных баллонов на случай внезапной непогоды или ночевки на высоте; прокладывать путь по поверхности горы, провешивая веревки и закрепляя их на стене горы, так как на пути к вершине есть невидимые трещины, покрытые снежным завалом.

Всегда бывает первый выход к горе. После двухкилометрового прохождения к ее отвесной части, Джомолунгма предстала во всем своем величии перед альпинистами и стало ясно, насколько она труднодоступна. Но работать было необходимо. Одна группа сменяла другую. Все выше и выше ставились промежуточные высотные лагеря, провешивались многокилометровые веревки – перила.

10 мая в 4 часа утра для установки АВС (передового базового лагеря 1) на 6400 м и 7100 метров ушли Р. Раджабов, С. Баскакова, А. Федоров, М. Усаев, С. Соколов.

В работу по провешиванию перил и установке второго (7800 м) и третьего (8200 м) лагерей подключились О. Григорьев, И. Тухватуллин, А. Заикин. Так при установлении промежуточных лагерей на горе работала то одна группа, то другая. Хотя здесь рельеф оказался несложным – кружевные серповидные снежные гребни, – непогода усиливала трудности преодоления высоты, поэтому усилия людей затрачивались вдвойне. Мешал работать плотным слоем падающий снег.

14 мая разыгралась метель со шквальным ветром, от которого впоследствии сильно пострадали палатки на высоте 7100 м и 7800 м. По следующим прогнозам восхождение к предвершине и на саму вершину стали планировать на 23 мая.

Неизвестная никому узбекская команда постепенно начала завоевывать авторитет.

К 16 мая было сделано достаточно много: установлен маршрут, по которому были провешены веревки, поставлены три лагеря.

К 20 мая непогода стала отступать. Обилие снега затрудняло продвижение по горе.

21 мая рано утром Р. Раджабов с первого лагеря на 6400 м стал подниматься вверх. С собой он взял небольшую палатку со снаряжением и рюкзак продуктами. Как он вспоминает: «С самого начала прибытия в базовый лагерь меня томило нетерпение. Я чувствовал в себе достаточно сил, чтобы постараться преодолеть всякие неожиданные на пути к восхождению неприятности – холод, непогоду, недостаточную акклиматизацию, а вместе с ней и плохое самочувствие на такой высоте. Меня также очень сильно волновало чувство ответственности за команду в целом. Не хотелось даже думать о поражении, или еще о каких-либо неприятностях, происходящих на горе. И это ощущение огромного волнения и нетерпения не давало мне спокойно дожидаться установления хорошей погоды. Я рвался к работе и мысленно и физически, чтобы дойти до вершины. И мне легче было что-то предпринимать и действовать, работая на горе, нежели внизу без действия программатично дожидаться благоприятных условий. И чувство ответственности заставляло меня быть в состоянии постоянной готовности к штурму. А работая, я успокаивался...».

Здесь уместно вспомнить древнее тибетское высказывание: «Движение к цели – есть сама цель». Мудрость этих слов невероятно действенна и актуальна для всех людей, озаренных любой позитивной идеей, требующей осуществления.

В тот день Р. Раджабов поднялся на два лагеря вверх к вершине Эвереста – с 6400 м на 8200 м. И к 17⁰⁰ часам вечера на этой высоте, найдя удобное, не лавиноопасное место, поставил палатку, таким образом установив последний высотный лагерь. Рустам по рации сообщил, где он находится и что с ним все в порядке. Успокоив внизу друзей он решил здесь переночевать. А до вершины всего 650 метров. На такой высоте, где воздух беден кислородом, человек ощущает огромную усталость от кислородного голодания, холода. Ночевка возможна, если есть кислородные баллоны. Каждое движение стоит огромных усилий.

Вот что Р. Раджабов рассказывал о той ночевке: «Усталость одолевала меня невероятно, после того как установил палатку. Заташив рюкзак и снаряжение, я некоторое время просто отдыхал, было очень холодно – после обеда температура понизилась, хотя на небе было мало облаков. Следовательно на следующий

день могла быть вполне нормальная погода. И мысль о том, что до вершины недалеко сильно волновала меня. Хотелось спать, но сначала надо было поесть и попить как можно больше воды ведь на такой высоте быстро происходит обезвоживание организма. Мною был выпит оставшийся чай из термоса. С собой было два баллона с кислородом. Решил на ночь спать в маске, дыша кислородом, чтобы не чувствовать утром усталости. Выглянув «на улицу» наскреб снега в большую кружку, затем поставил ее на горелку-газ для растопки. На высоте 8200 м горячее питье приготовить невозможно, т.к. вода здесь не нагревается до ста градусов. Достал супы-полуфабрикаты и, дождавшись, когда снег растает, бросил туда содержимое пакета. Не было аппетита, голода не чувствовал, приходилось есть через силу. Так провозился часа два. Выглянув наружу, я не мог не восхититься красотой уже наступившей таинственной ночи. По-прежнему шел снег, но уже редкий. Темное небо почти прояснилось из-за выглянувшей Луны и было ощущение, что звезды прямо над головой. Не хотелось предпринимать никаких усилий, но надо было еще растопить снега в кружку и наполнить водой термос. Ботинки решил не снимать, так как даже в палатке они могли за ночь продубеть от мороза. Наконец, покончил с растопкой снега, который влил в термос и все приготовил к утреннему прорыву. Надев кислородную маску, я улегся для сна. Но не спалось, мысли лезли в голову в дреме: как странно непредсказуема судьба человека – еще несколько месяцев назад я даже не предполагал и не мечтал, что вот так в ночь с 21 на 22 мая буду один находиться очень-очень высоко, вдали от людей, где-то в предвершинной части Джомолунгмы... Вспомнились родные, близкие, друзья, как они? Сейчас в Ташкенте «золотой сезон», не жарко еще, хорошо, тепло. Тепло, которого мне сейчас так не хватает... А что будет завтра? Сумею ли? Всевышний да поможет мне и всем нам! Были мои последние мысли уже почти во сне...

Проснулся около 4⁰⁰ утра от холода, пронизывающего все мое существо. Как показал термометр было 15 градусов мороза. Маленький фонарик все еще горел «на полу» палатки». Движение в тесной палатке доставляет много неудобств. С пробуждением вся ответственность за восхождение вновь нахлынула на меня лавиной, и от этого мне даже стало как-то не по себе, бросило в жар. Я постарался внутренне мобилизоваться. Итак, необходимо побольше попить, проверить рюкзак и вперед».

Рассвет наступает мгновенно. На востоке из облаков в зелено-голубом свете высвечиваются гиганты Гималаев. Панорама рассвета потрясающая.

До полудня Рустам шел по предвершинному гребню. До чего же все-таки большая гора! Уже виднелся геодезический штатив, установленный в 1975 году китайскими альпинистами на вершине. В тот день трехметровый штатив был почти полностью под снегом, торчала только его верхняя часть. Рустам все время поднимался. Он шел к предвершинному гребню. Пока вдруг не обнаружил, что оттуда, где он стоит дальше идти уже некуда. Вершина представляет собой снежный гребень длиной 6–7 м и шириной около метра. И штатив, доверху засыпанный снегом был рядом, обвязанный разноцветными флажками и лентами из разных стран, под ногами лежали использованные кислородные баллоны...

В 12¹⁵ часов дня по непальскому времени Рустам Раджабов совершил победное восхождение на третий полюс Земли – Джомолунгму.

Оглядываясь вокруг, он был безмерно счастлив, как человек, у которого осуществилась мечта. Его охватило безграничное чувство радости. Спортсмены из Узбекистана смогли совершить восхождение на высшую точку планеты и поднять флаг нашей страны. По радиации он сообщил радостную весть руководителю экспедиции в базовом лагере. Офицеру связи перечислил все предметы, которые обнаружил на вершине – таким образом был установлен факт совершения восхождения.

А вокруг него необыкновенный простор! Голубой купол неба с нежными белоснежными облаками... Вершина Эвереста!.. Сверху, со стороны Ронбука – Тибет и Китай! Повернешься – Непал, Индия. Присматриваясь к вершинам снизу можно обозначить для себя – вершины Чо-Ойю, а дальше – Макалу и Лхоцзе. Ни с чем не сравнимая красота великой природы!

Рустам захотел еще немного побыть здесь – один на один с красотой нашей

Земли, хоть и тяжело на такой высоте. Ведь прикладывалось столько человеческих усилий, чтобы оказаться здесь!

Все, пора вниз. Спуститься благополучно – еще одна победа!

При спуске на 8200 м он встретил друзей, накануне поднявшихся со второго лагеря.

Последующие события стали развиваться победоносными темпами. Гора была благосклонна к нашим спортсменам.

23 мая Олег Григорьев, Андрей Федоров, Сергей Соколов, Светлана Баскакова и Марат Усаев с высоты 8200 м стали подниматься к вершине. Все они сумели взойти на вершину в 14³⁰ дня.

24 мая рано утром следующая группа в составе Ильяса Тухватуллина, Андрея Заикина, Алексея Докукина после ночевки на 8200 м в пятом лагере вышла на восхождение. На высшую точку планеты они ступили – И. Тухватуллин в 13³⁰, а А. Заикин и А. Докукин в 13⁵⁰.

25 мая побывали на вершине Эвереста Ханиф Балмагамбетов и Роман Мац.

Всего за время восхождения на вершину поднялись 11 спортсменов. Это стало доказательством высокого уровня профессионализма узбекских альпинистов. Это подтверждает их мужество, умение поддерживать друзей надежным плечом, как во время работы на горе, так и во время восхождения и говорит об отлично слаженном взаимодействии всех членов команды. Такое количество альпинистов обычно покоряет Эверест в составе широкомасштабных экспедиций. А в нашем случае почти все поднялись на Джомолунгму, что непременно войдет в анналы истории альпинизма Узбекистана, а также станет примером для новых поколений, занимающихся этим видом спорта.

27 мая участники узбекской экспедиции начали собираться домой.

28 мая команда выехала на джипах из базового лагеря в Катманду. До свидания, великая гора! До новых встреч! Ведь впереди новые восхождения спортсменов нашей страны на другие восьмитысячники и архисложные вершины мира.

публицистика

Наргиса ИСМОИЛОВА

РЕЖИССЁР И ПЕДАГОГ

Наргиса Турсунбаевна Исмаилова родилась в г. Ташкенте 19 сентября 1982 года. В настоящее время преподаватель факультета «Санъатшунослик ва техноген санъати» кафедры «Режиссер телевидения» Государственного института искусств Узбекистана. Пишет статьи о художественных и документальных фильмах нашей страны.

Любители искусства хорошо знают Баходыра Ахмедова как талантливого режиссера студии «Узбектелефильм», создавшего несколько сотен документальных и игровых телефильмов, умеющего, не останавливаясь на достигнутом, расширять горизонты своего жизненного призвания.

Когда сегодня студенты Государственного института искусств Узбекистана встречаются в аудитории своего преподавателя, они знают, что их учитель, взвешивающий каждую фразу, основывает свои суждения и выводы на собственном богатом опыте.

Будучи еще мальчишкой он зачитывался приключенческими книгами. Книга «Алые погоны» так его увлекла, что чуть было не сподвигла на побег из дома и поступление в Суворовское училище. Это был конец 40-х годов XX века – послевоенное время, и в училище брали исключительно сирот, потерявших родителей на войне. Родители Баходыра, к счастью, были живы, а это значило, что ему уготован иной путь.

Детство его прошло в районе Рабочего городка г. Ташкента, где он живет и поныне. За эти годы среди его соседей были многие известные люди, ученые, писатели. На их улице жили известный драматург Зиннат Фатхулин и писатель-фронтовик Адам Рахмат. Часто мимо уличной детворы величественно шествовал писатель Ойбек. По соседству проживали такие видные творческие люди, как Зафар Диёр, Акмаль Пулат, Миртемир, Уткур Рашид, Шукур Сагдулла, Саид Ахмад, знаменитый кинорежиссер Наби Ганиев, позднее Шухрат Аббасов. С Эльёром Ишмухамедовым, ярким представителем новой волны узбекского кинематографа 60–70 годов, они ходили в один детский сад.

Такое соседство с творческими людьми не прошло бесследно. В 1990-м году им был создан фильм о поэте Усмани Насыре, репрессированном в 30-х годах. Его сестра Рохатой ая жила на параллельной улице.

После восьмого класса жизнь Баходира Ахмедова начала меняться. В 1959 году в подсобных помещениях кинотеатра «Ватан» открылся кинотехникум. На этом месте ныне находится Государственный национальный театр Узбекистана. Слав документы, Баходир Ахмедов надеялся, что именно здесь его и научат снимать кино. Но оказалось, в учебном заведении учили ремонтировать оборудование кинопроката и кинопроизводства. Утешало то, что постоянно крутили популярные фильмы, и

можно было ошутить себя причастным к миру кино. На последнем курсе студентов направили на практику в «Узбекфильм», чтобы таким образом связать полученные теоретические знания с практикой. Тогда же при киностудии Ахмедов поступил на годичные курсы для ассистентов операторов и кинорежиссеров, на которых преподавали мастера узбекской кинематографии. Их методы преподавания и опыт он в последующем использовал и в своей профессиональной деятельности.

В 1964 году Баходир Ахмедов также закончил курсы при «Узбекфильме» и Кинотехникум. Вместе с ним учились известные в последующем работники искусства: Рустам Хамдамов, один из видных деятелей мирового кино, который теперь живет и творит в Париже, а также мастер дубляжа кино Юлдаш Абдукаримов.

После получения двух дипломов Баходир Ахмедов подал заявление и поступил на вечернее отделение юридического факультета ТашГУ. Какие мысли владели им в то время? Может, все-таки, желание обрести вполне земную профессию? Но эти метания продолжались недолго. Его призвали в армию, и три года он прослужил в городе Горьком. На второй год военной службы он перевел документы во Всесоюзный юридический институт, находящийся в этом же городе. В армии его назначили начальником клуба, киномехаником и почтмейстером в одном лице, так как у него был соответствующий диплом. Ему приходилось искать, изучать литературу про кино, чтобы читать лекции для солдат. Военная служба прошла для него как бы под лозунгом «Даешь кино!». Вернувшись домой, он понял, что никакого юриста из него не получится и решил учиться дальше.

Он сдал документы в Ташкентский театрально-художественный институт на режиссерский факультет. Выпустив дипломный спектакль «Дорогой мальчик» в ТЮЗе имени Ю. Ахунбабаева, в 1972 году поступил на работу в «Узбектелефильм». Затем в 1976 году подал документы в Москву на Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино.

Свою приверженность кинематографической среде Баходир Ахмедов объясняет тем, что на него повлиял муж сестры – Латиф Файзиев, народный артист Узбекистана, лауреат Государственной премии, известный узбекский кинорежиссер.

Он поступает на Высшие режиссерские курсы. Обучение в мастерской народного артиста России, режиссера Эмиля Лотяну, известного по фильмам «Лаутары», «Табор уходит в небо», «Мой ласковый и нежный зверь», «Анна Павлова» привнесло в творчество Баходира Ганиевича элементы поэтического, лирического кино, свойственного его учителю. Будучи на съемках фильма «Мой ласковый и нежный зверь», он наблюдал, как Лотяну искал в каждом эпизоде особую, значимую деталь.

В молодости Б. Ахмедов был приверженцем фильмов итальянских неореалистов, в частности Бергмана. А поэтическое кино Э. Лотяну опосредованным образом повлияло на лирическую линию в его творчестве.

Ознакомившись с фильмографией режиссера, можно проследить разнообразие тем, но в целом прослеживается единая концепция – личность человека изображается детально, крупным планом. При этом в конце 80-х годов — это женские образы, в 90-х годах — знаменитые современники: Усман Насыр, Чулпан, Фитрат, Ойбек, Шайхзода, Латиф Файзиев. А с обретением Узбекистаном Независимости режиссер стал раскрывать в своем творчестве образы и характеры, принадлежавшие новому времени.

По признанию самого режиссера, интересы и настроения постоянно меняются. Одни темы оказываются исчерпанными, другие – уходят из поля зрения из-за отсутствия интереса и актуальности, третьи – волнуют с новой силой и приходится возвращаться к ним вновь и вновь, четвертые – находятся в процессе созревания, а затем и рождения.

Многие люди, прожившие большую часть своей жизни, признаются, что половину отпущенных им судьбой задуманных дел они все же осуществили. В этом отношении Баходир Ганиевич к себе по-своему критичен. Создав на нынешний момент более 200 фильмов, он считает, что реализовал себя в жизни и в творчестве не более, чем на 70 процентов.

Ахмедов строг и справедлив с теми, кому суждено двигать вперед национальное кино и телевидение. Он преподает в институте, который ему знаком и дорог. Здесь

много лет назад он, еще молодым специалистом слушал выступления замечательных педагогов, представителей узбекского искусства: режиссеров И. Радуна, В. Григорьева, М. Рубинштейна, Т. Исраилова, искусствоведов Я. Фельдмана, А. Рыбника, Л. Ходжаевой.

Учеба у режиссера Э. Лотяну, практические советы А. Хамраева при создании дипломного фильма «Эшмат – добрый ангел», не прошли даром. Он научился снимать не только документальные ленты, но и фильмы игровые, многосерийные. Зрители помнят его сериалы «Под высокими горами», «Лафз», «Сад», «Имон» и, транслируемый с большим успехом на каналах Узбекского телевидения национальный сериал «Калдиргочлар яна кайтади».

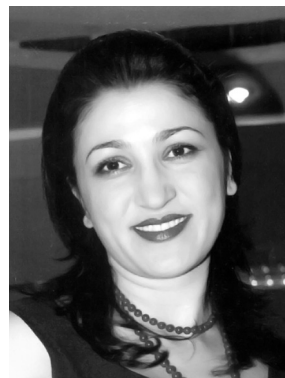
Со временем пришло понимание, что накопленный богатый творческий опыт требует систематизации, обобщения. Одна за другой издаются книги Б. Ахмедова «Один день и вся жизнь», «Фильмы для голубого экрана», «Под знаком кино», «Телевизионное кино Узбекистана» и др. Одна из его работ становится основой диссертации, которую он успешно защищает в институте искусствознания.

Сегодня Б.Г. Ахмедов – один из самых авторитетных знатоков телевизионного кино, ученый, кандидат искусствоведческих наук, профессор Государственного института искусств Узбекистана, заслуженный работник культуры Республики Узбекистан. Не прерывая свою практическую деятельность на студии «Узбектеелефильм», он как учитель, все силы и знания отдает воспитанию молодого поколения – будущего нашего киноискусства.

литературная критика

Саодат КАМИЛОВА,
кандидат филологических наук, доцент

Некоторые тенденции развития узбекского рассказа в период Независимости

Саодат Эргашевна Камилова родилась в 1974 г. в г. Ангрене Ташкентской области. В 1998 г. с отличием закончила историко-филологический факультет Ташкентского областного государственного педагогического института.

С 1999 г. работает на кафедре русского языка и литературы ТОГПИ. Закончила аспирантуру при УзГУМЯ. В 2008 году защитила кандидатскую диссертацию, областью исследования в которой было сравнительное литературоведение; с 2009 года – доцент.

Автор более 30 научных публикаций. В периодических изданиях республики печатаются рассказы современных узбекских авторов, переведенные С.Э. Камилловой на русский язык.

* * *

Общеизвестно, что в рассказе как одном из мобильных прозаических жанров реализуются новые темы, образы и проблемы. Рассказ реагирует на социальные и духовные изменения, происходящие в обществе, не только обращением к новым темам, новой проблематике, не только созданием новых характеров, но и изменением своей структуры. Новое содержание неизменно находит новую форму. Современная узбекская литература является ярким примером гибкой и прочной связи сдвигов в «малом жанре» с процессами жизни человека в социуме. Исследователь узбекской новеллистики Н.В. Владимирова весьма точно охарактеризовала художественную направленность современного литературного процесса в нашей стране: «... в современной узбекской прозе, пытающейся определить новые пути постижения бытийного смысла в этом кризисном, переломном пространстве, с ее обращенностью к вопросам *existentia*¹ человека и бытия, в центр вводится проблема самосознания современного человека, фиксирующего в своем «сокровенном Я» все эпохальные и вечные проблемы»². В создании того, что мы называем современным узбекским рассказом, участвуют сотни писателей различных поколений со своим художественным почерком, неравнозначным талантом и далеко не всегда предугаданным местом в истории узбекской литературы. Каждый из них в меру своей творческой самостоятельности выбирает свой путь. В данной статье мы рассмотрим несколько основных направлений развития современного узбекского рассказа, в которых можно уловить очертания общей картины движения жанра и определить некоторые изменения, которые произошли в малой прозе в годы Независимости.

¹ *Existentia* – существование, сущность

² Владимирова Н.В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода. – Т.: Фан, 2011. С.181.

В узбекской малой прозе начала XXI века обновляется концепция личности, возникает новый тип психологизма, связанный с закрытостью, сосредоточенностью на себе современного человека, попытками переоценить традиционные духовные ценности. В современном узбекском рассказе представлены разнообразные творческие искания и формы структурно-художественной трансформации. Он «... размыл четкие границы между реалистическим и модернистским типами художественного сознания»³, формируя внутри литературной системы множество стиливых направлений. Отечественная малая проза дает примеры художественного синтеза различных жанровых моделей, форм, конструкций. Так, Исожон Султон создает такие пограничные жанровые образования, как рассказ-раздумье («Чаша на воде» – «Сувдаги коса»), рассказ – семейная хроника («Судьба» – «Кисмат»); Улугбек Хамдам – рассказ-сновидение («Пиала воды» – «Бир пиала сув», «Тюльпаны» – «Лола», «Забытые мелодии» – «Унутилган най навоси», «Камень» – «Тош» и др.), а произведение («В бездне сознания» – «Миямнинг ичида») Рахимжона Рахмата можно назвать «рассказом-запиской». Повествовательная манера узбекских прозаиков свидетельствует, на наш взгляд, о жанрово-стилевом обновлении современного рассказа, стремлении к экспериментальным новациям. В ней вариативность мировидений, новые художественные решения связаны с постановкой вопросов духовно-нравственного порядка.

Несомненный интерес в этом отношении представляет рассказ И. Султона «Чаша на воде», написанный в 2010 году и являющийся неким сплавом разножанровых особенностей. Это и «рассказ-зарисовка», и «рассказ-мысль», и «рассказ-раздумье» с сильным элегическим началом, запечатлевший не только мгновенные лирические переживания, нюансы неопределившихся чувств, но и глубокую, преданную любовь к Отчизне. Все это звучит без излишнего морализма, рассказ убеждает и подкупает читателя массой точно и верно схваченных деталей. В основе рассказа «Чаша на воде» лежит антитеза, образу Возлюбленной – Отчизны противопоставляется Море-Чужбина, а лодка на воде – человеческая судьба и «...чаша плавает не как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии»⁴. Рассказ И. Султона, по сути говоря, цепь впечатлений, наблюдений, лирических зарисовок. Писатель выступает здесь незаурядным, тонким и вдохновенным мастером пейзажа – особенно – «ферганского», с его чистыми акварельными красками, полутонами и задумчивостью. Он удивительно передает очарование летнего вечера в кишлаке: *«точно тонкий занавес медленно и неторопливо спускается на деревья, на опоры виноградных лоз, на пыльные улицы, на аккуратно убранные поля – спускается тихо и бережно! Кое-где, во дворах можно увидеть семьи, оживленно беседующие за ужином под желтым светом фонаря, висящего на ветке айвы или яблони. Соседи угощают друг друга ужином. У очага слышен звон помытой посуды, которую раскладывают по местам. Вокруг стоит запах клевера, молока, запах свежесрезанных листьев тутовника, смешанный с ароматом базилика, растущего во дворе»*. Реалистическая пластичность письма, соединяясь с лиризмом, создает почти музыкальное произведение, чему во многом способствует рефреном звучащие строчки: *«Волны плещутся и бьются о лодку»*. Колоритный, точно взвешенный и тонко обдуманный художественный язык создает совершенно новый образ Родины, любовью к которой пронизано каждое слово: *«...двух людей в лодке, которую вертит, словно соломинку среди бушующих волн, манит Отчизна. Страстные желания и мечты лишь о встрече с Ней. Возлюбленная моя, ты услада души... Я ошущаю всем своим существом неразрывную связь с Любимой, и, если ее не будет, мне остается лишь стинуть в этой пучине»*. Размытость сюжета, отсутствие фабульной развязки, множество лирических отступлений, открытое личное, субъективное мироощущение художника, неизбежно включающее в себя оценочный элемент с одной стороны и самостоятельность взгляда и чувства, свой взгляд на мир, открытость, прозрачность авторской позиции и патриотический пафос с другой, позволяет определить данный лирический рассказ как «рассказ – раздумье», способный вместить в себя судьбу человека, связанную с судьбой народа, нации, государства. Поэтому

³ Гарипова Г.Т. Образ одинокого человека в национальной картине мира в узбекской новеллистике рубежа XX – XXI веков. // Ж. Преподавание языка и литературы. – Т., 2010, №4, С. 68.

⁴ Здесь и далее даны переводы автора статьи.

произведение И. Султона звучит с большой, пронзительной силой и способно конкурировать с крупными произведениями.

Рахимжона Рахмата характеризуют иные творческие устремления. Он тяготеет к сюжетам отчетливым, фабульно напряженным и ясным. В его рассказах нет лирической размытости и эскизности, которая свойственна художнику-лирику И. Султому. Но с И. Султоном его роднит то же стремление докопаться до сути человеческого характера, его соотнесенности с эпохой («Я и мир»), связать неразрывными реально существующими, но недостаточно еще познанными закономерностями развития человеческой психики. Его рассказ «В бездне сознания» (2011 г.) также представляет некий авторский эксперимент, в основе которого лежит художественный прием «поток сознания». Повествование в этом произведении настолько обнажено, концентрировано и емко, что читателю тяжело выдержать такую сгущенность фантазии вперемежку с жизненными реалиями. В рассказе отсутствует обращение автора к читателю через произведение, в каком-то ни было традиционном виде, посредством содержания или художественной формы. Автор ничего не «хочет сказать» и все смыслы, которые читатель находит, он вычитывает из текста самостоятельно. Привычка воспринимать произведение как высказывание автора, нацеленное на возможного адресата, в данном случае, играет с читателем злую шутку. Этот прием художника позволяет вступить в своеобразную игру с читателем, вовлекая его в процесс чтения с неожиданными поворотами и резко контрастирующим финалом – определенным в своей одномерной конечности: это или смерть, или окончательное тупиковое одиночество героя (как заблагорассудится читателю!). Р. Рахмат намеренно прибегает к такой крайности, чтобы показать, что причины страшной деформации сознания в нашей душевной несвободе, социальной заданности, запрограммированности, в неспособности разрешить извечный вопрос о смысле человеческого бытия. Писатель как бы подчеркивает, что наше безответственное отношение к собственной жизни, когда мы живем, не углубляясь в суть явлений, подчиняясь бытовым или клановым стереотипам, не может не разрушать нас изнутри, не калечить наше сознание, психику: *«Я не чувствую, не вижу своего тела, оно перестало существовать – все стало тьмой, осталась только одна способность – видеть. Больше ничего. Мне кажется, что душа моя покинула тело и стремительно летит в бескрайнюю темноту»*. Форма нововидения, сочетание несочетаемого лишь на первый взгляд может показаться нехитрым приемом. Ведь предметом изображения здесь намеренно делается не некий вымышленный мир, а деятельность сознания, освобожденного во время сна от социальных условностей. Многослойное, хрупкое, ускользающее от однозначных толкований произведение Р. Рахмата все же имеет символический, обобщающий смысл. Это рассказ о внутренней несвободе человеческих поступков, художественное объективное исследование того, в какой мере человек, полностью отдающий себе отчет в каждом шаге, вдруг осознает, что сам себе неподвластен. Его усилия, попытки вернуть светлую часть своей личности, оказываются безуспешными и нравственные критерии, обращенные внутрь самого себя лишь слабая попытка возратить свое «Я»: *«...опять из постепенно уменьшающейся светлой части моего сознания послышался тонкий, печальный голос: ты еще не проснулся! Из темного уголка моего сознания медленно, как шипящая змея, выползла мысль: ты не сможешь проснуться, ты давно уже мертв»*. Писатель до конца безжалостен в своей объективности по отношению к герою рассказа. Но смысл произведения не сводится к разоблачающему психологическому эксперименту. Идея намного шире – в утрате человеком способности самореализации, означающей, в конечном счете, омертвление личности, так как внутренняя дисгармония разрушает двигательные силы внутреннего развития. Светлая часть сознания возвращает картины-вспышки из прошлой реальной жизни, создающие ощущение духовной защищенности и личностной свободы: *«...это девушка, которая в юности отвергла мою любовь и вышла замуж за другого; ...на кухне увидел свою бабушку: она накрыла на стол, заварила чай, вымыла пиалы и положила на край скатерти, перевернув их; Моя покойная бабушка не любила их, называла «ворами чужой земли»... Сосед наш постепенно присвоил себе всю землю пограничной зоны, разделяющую наши участки, каждый раз обрезая по чуть-чуть и нашу территорию»*, но эти мгновения истинной жизни вновь поглощает мрак повседневноности. Форма

дневниковой записи освобождает художника от условностей жанра, позволяя свободно и глубоко реализовать свой замысел.

Жанровые новообразования в современной узбекской литературе свидетельствуют о специфическом художественном мышлении авторов. Они формируют новую модель повествования, нарушая пространственно-временные связи, усиливая символические знаковые элементы, ассоциативные цепочки и аллюзии. В рассказах периода Независимости актуализируется философская установка на мифологизм и символизацию, которые расширяют и углубляют повествовательное пространство.

Узбекская прозаическая традиция использования образов-символов восходит к творчеству М. Бехбуди, А. Кадыри, А. Фитрата, Чулпана, Айбека и др. Хотя в 20-е годы XX столетия узбекская литература переживала процесс обновления и поисков модернистских новаций, но символизация как художественный прием была уже известна в классической поэзии Востока. Это явление было характерным и, можно сказать, основополагающим для нее. Затем эстафету подхватили наши «шестидесятники»: У. Хошимов, Т. Пулатов, Ш. Холмирзаев и другие, которые использовали символизацию с целью разрушить иллюзию жизнеподобия, нередко возникающую у читателей, чтобы подчеркнуть многозначность, большую смысловую глубину создаваемых ими образов.

Цель символизации в современном узбекском рассказе в создании и постижении сегодняшней действительности. Писатели используют символы, создавая многозначные образы-обобщения, связанные с различными сторонами жизни людей. Причем в некоторых произведениях современных авторов образ-символ приобретает конкретность и национальную самобытность, отражающую ментальность узбекского народа.

Разработка «неопсихологизма», особое внимание к глубинным процессам человеческой психики, оригинальное использование символов и символических деталей присущи малой прозе У. Хамдама. В его рассказах «Камень» («Тош»), «Мусульманин» («Мусулмон»), «Пиала воды» («Бир пиала сув»), «Тюльпаны» («Лола»), «Забывшие мелодии ная» («Унутилган най навоси») символы расширяют перспективу произведения, позволяют читателю на основе «авторских подсказок» выстроить цепь ассоциаций, воссоздающую общую картину современной жизни. Этот автор обладает незаурядным дарованием, все его произведения – это размышление о судьбе человека в широком контексте мировой вселенской жизни. В каждом из этих рассказов У. Хамдама ставится та или иная нравственная проблема. В своих произведениях писатель пытается не столько выявить причинно-следственные связи, сколько обнаружить созвучие стихии современности со стихией Природы. Автор ищет ту ноту, которая бы открыла путь к этому созвучию, тот ритм, который бы открывал возможность слияния «разнородных сред». В его рассказах четкий сюжетный каркас, композиция обычно не имеет ясно выраженного развития действия, кульминация сливается с развязкой, но при всей четкости формальных аспектов, повествование являет собой как бы запечатленный в кадре момент (хоть и разной продолжительности) непрерывно движущегося стихийного потока жизни. Событийно действие не находит своей исчерпанности, конфликт поддается исследованию, но не разрешению. Сюжет хамдамовских рассказов строится по законам многоголосого музыкального произведения. Причем в каждом из рассказов писатель стремится отыскать такой аккорд, такое созвучие, которое могло бы служить одновременно и своеобразным аккумулятором и источником художественной энергии в рассказе. Таким элементом в рассказах Хамдама является символика. Образы-символы становятся рефреном обобщающим картины мира, способным мобильно подключаться к накоплению и трате энергии в рассказе. В «Мусульманине» такого рода аккумулятором становится сразу несколько образов-символов: образы птичек как символа совести, времени, судьбы и души; образ дерева – символ жизни; образ сада – философский символ, который подчеркивает связь времен, взаимопроникновение различных пластов жизни, родственных корней, молодого поколения, устремленного в будущее. В «Тюльпанах» – это, напоенный звенящей нежностью и манящий, образ тюльпана-мечты; скала – символ сложности достижения цели; мотыльки – стремящиеся к жизненному «восхождению», люди. В «Пиале воды» – лейтмотив жажды, символизирует пред-

ставление о невыполненном человеческом предназначении. Постепенно из рассказа в рассказ расширяется значение образов-символов пути, дали, движения: они выражают представление автора о вечном и преходящем в жизни людей, о судьбе личности и судьбах мира, создают «миф» о человеке и времени.

Наиболее ярким в структурно-художественном отношении представляется рассказ «Мусульманин», опубликованный в 2010 году в журнале «Ёшлик», №10, отразивший широкий круг противоречий и духовно-нравственных исканий автора. В героях-близнецах, Хасане и Хусане, писатель попытался уловить, запечатлеть движение нравственных идеалов нынешнего молодого поколения. В ключевые моменты личностного выбора героев, автор создает образы-символы, проясняющие их отношение к жизни, способствующие самопознанию и духовному прозрению (образ мечети, образ сада, образ осыпавшегося дерева): *«Когда птичка взлетела, вместе с цветами трепещущей ветки, на которой она сидела, стали осыпаться цветы всего дерева, полностью обнажив его. Голое дерево казалось безнадежно мертвым. Но оно было еще в таком возрасте, когда могло жить и плодоносить. И если в его корнях не заведутся черви, если оно выстоит под натиском стихий, то хочется верить, что следующей весной, оно вновь зацветет... Хотелось бы верить...»*

Да, если дерево не устанет цвести, птичка тоже когда-нибудь обязательно вернется...».

Вообще символика является специфической особенностью художественной палитры авторов. Рассказчики используют два типа символов. К первому типу можно отнести символы, имеющие опору в культурной традиции. Они часть культуры, для их построения писатели используют язык мировой культуры, в принципе понятный более или менее осведомленному читателю. Конечно, каждый символ приобретает индивидуальные смысловые оттенки, близкие писателю, важные для него в конкретном произведении. Такими «культурно-историческими» символами являются образы-символы «дороги», «пути», «моря», «сада», «неба», «полета», «бездны», «птицы». Ко второму типу можно отнести символы, созданные без опоры на мировую культурную традицию. Такие символы возникают на основе смысловых отношений внутри одного литературного произведения или ряда произведений. Таковы символы «каменная», «арбы», «рыбы», «красных напوماженных губ женщины», «пиалы», «косы-чаши» и др., причем многие из них отражают ментальность народа.

Таким образом, для современного узбекского рассказа характерно стремление к глубинному познанию и исследованию человеческой души, включенной в противоречивую сложность мироздания. Узбекские писатели, отражая частные, мимолетные, «незначительные» моменты из жизни людей приходят к фундаментальным художественным обобщениям и исследованию плоскости «Я – Я», субъективный индивидуализм позволяет познать, понять, признать жизнь и наметить духовные ориентиры. Прием полистилизма⁵ в рассказах узбекских авторов имеет внутреннюю мотивировку – историческую, психологическую, сюжетную. Спецификой «авторского» сознания обусловлены такие художественные тенденции, как интерес к проблемам сегодняшнего дня, актуализация широкого спектра литературных традиций, интерес к феномену смерти, психическим отклонениям и сновидениям, тяготение к жанрово-стилевым экспериментам. Все это позволяет говорить об эволюции и динамике узбекского литературного процесса в целом и о его достойном движении в XXI веке, ориентированном на «...включенность в мировой литературный процесс нового столетия»⁶.

⁵ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: Учеб. пособие – М.: Изд.центр «Академия», 2003, С. 521.

⁶ Мирзаев С. Узбекская литература XX века. – М.: Вост.лит., 2010, С. 375.

литературная критика

Бегойим ХОЛБЕКОВА,
старший преподаватель Андижанского
государственного педагогического института языков

Поэзия Роберта Бёрнса на узбекском языке

Произведения шотландского поэта Роберта Бёрнса занимают значительное место в сокровищнице мировой литературы. Сегодня его поэзия звучит на многих языках народов мира. Главная причина такой его популярности в том, что песни, баллады и эпиграммы оригинальны, неповторимы наполненностью чувством свободы, овеяны великим гуманизмом, привлекательны своей задушевностью и искренностью. Особенно близки сердцам людей его стихотворения, в которых воспевается чисто человеческая, бескорыстная любовь.

Роберт Бёрнс из числа поэтов, к которым приходит вдохновение не от каких-либо абстрактных или отвлеченных явлений. Его вдохновение конкретно, осязаемо, оно всегда рядом с поэтом, который вдохновлен своей возлюбленной, ее улыбкой, нежностью, изяществом. Ее капризы и трогательное кокетство волнует его. К нему приходит вдохновение в клеверном поле и там, где растет ячмень и даже в толчее многолюдного базара. Вдохновляют поэта красивые черты лица девушки: иссиня-голубые глаза, изогнутые, как лук брови, увлажненные пурпурные губы. Дают вдохновение поэту беспредельные поля, богатые сады родного края, крутые горы и тучные пастбища, реки, богатые рыбой. Вызывают особые чувства патриотизма у поэта жизнь, борьба и душевных страдания народных героев, таких как Уоллес, Брюс, которые всего себя посвятили борьбе за свободу народа Шотландии, за независимость своей родины от колониального ига.

До 60-х годов прошлого века узбекские читатели были знакомы с творчеством великого поэта Шотландии только по русским переводам его поэзии. Первым на пламенную лирическую, истинно народного характера поэзию Роберта Бёрнса в узбекской литературе обратил внимание талантливый поэт Мухаммад Али Ахмедов. В период учебы в 1966–1969 годах в Московском литературном институте имени М. Горького, он начал переводить стихи шотландского поэта на узбекский язык. Но он не торопился предавать их всенародной огласке, а только читал их в кругу творческой молодежи, на творческих вечерах любителей поэзии и таким образом он оттачивал мастерство переводчика.

Мухаммад Али (родился в 1942 г.) – народный поэт Узбекистана, переводчик, ученый, публицист, кандидат филологических наук, профессор Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами. В 1991–2005 годы он как профессор Вашингтонского университета США читал там лекции о современной узбекской культуре, языке и литературе, устном народном творчестве, обучал американских студентов узбекскому языку, читал лекции по этнографии, народным обычаям и обрядам, которые необходимо знать в деле перевода произведений худо-

жественной литературы с одного языка на другой. Мухаммад Али – автор книг поэтической, прозаической, публицистической и переводной литературы. Широко известны среди народа его поэтические сочинения «Любить и быть любимым» (1983), «Избранные стихи» (1997), поэмы «Машраб» (1966), «Небесные грезы» (1967), роман в стихах «Вечный мир» (1979), прозаическая диалогия «Сарбадоры» (1989), роман-хроника «Мысли о литературе» (2005), книга путевых записей «Америка в моем взоре», цикл исторических романов «Жахонгир Мирзо» (1999), «Умаршайх Мирзо» (2004), «Мироншох Мирзо» (2008) из тетралогии «Могучая держава». Заслужили внимания читателей публицистические книги «Только влюбленным лицезреть Аллаха» (1992), «Цветник Амира Темура» (2006), посвященные актуальным проблемам языка, литературы, истории, экологии.

Произведения Мухаммада Али переведены на языки около тридцати народов мира, в том числе США, России, Турции, Индии, Китая, Украины, Сербии, Афганистана и других стран. Роман «Жахонгир Мирзо», первая книга тетралогии «Могучая держава» в 2008 году вышла в свет на турецком языке в Стамбуле (Турция).

Мухаммад Али – один из зрелых и опытных мастеров перевода в современной узбекской литературе. Благодаря его таланту стали достоянием узбекской литературы переводы на узбекский язык индийского эпоса «Рамаяна» (1978), каракалпакские эпические поэмы «Шахриёр» (1976), «Маспатша» (1985), а также поэзия Хагани, Руми, Ж.Г. Байрона, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Абая, Бердаха, Рабиндраната Тагора и многих других поэтов. В 2009 году в узбекском журнале «Жаҳон адабиети» («Мировая литература») опубликованы такие переводы из поэзии Фридриха Шиллера, как «Ода радости», «Величие мира», «Раздел земель», известная баллада «Кубок».

Первые переводы из поэзии Роберта Бёрнса, сделанные Мухаммадом Али, начали выходить в августовских номерах 1968 года на страницах газеты «Тошкент оқшоми» («Вечерний Ташкент»). Стихотворения «Песня», «Вечером в ячменном поле», «Песня девушки» очень полюбились узбекским читателям.

Произведения Бёрнса переведены на русский язык многими поэтами. В ознакомлении читателей с творчеством великого шотландского поэта особая заслуга принадлежит Эдуарду Багрицкому и Самуилу Маршаку.

Русский текст служит для узбекского переводчика в качестве оригинала. Это делает честь и Самуилу Маршаку, который осуществил свой перевод на русский язык со староанглийского языка, избилуешего многими непереводаемыми словами и оборотами, реалиями древнего шотландского языка, литературы и культуры. Таким образом, этот процесс значительно облегчил труд узбекского переводчика, плохо разбирающегося в шотландском диалекте английского языка. Поэтому, сравнивая два перевода, можно прийти к убеждению, что оба текста идентичны по структуре, ритмике, простоте, образности и, конечно, юмористическому настрою с английским текстом Р. Бёрнса, который, как никто другой, обладает широким юмористическим арсеналом, что, разумеется, доказывает истинно народный дух поэта, его тесную связь с народной жизнью, с жизнью крестьян, среди которых он родился, жил и создавал свои произведения. Читатель еще раз убеждается в том, что поэт хорошо осведомлен об устном народном творчестве, владеет юмористическими приемами, искусством психологического изображения, мастерски передает душевный настрой своих героев.

Целый раздел посвятил журнал «Шарқ юлдузи»¹ («Звезда Востока») любовной лирике шотландского поэта. Впервые увидели свет стихотворения «В горах мое сердце», «Песня девушки», «Счастливый вдовец» и другие сокровища лирической поэзии.

Неопубликованный ранее на узбекском языке цикл стихотворений Роберта Бёрнса вышел теперь в ташкентской вечерней газете². В этом цикле мы читаем «Шотландскую славу», «Маленькую балладу», «Нет вокруг никого». Первое стихотворение о горемычном шотландском крае. Это крик души поэта-патриота, который с болью в сердце проклинает изменников родины, продавших родную землю противникам-колонизаторам «за горсть презренных денег» и выражает свою готовность пожертвовать собой за честь своей родины.

¹ Журнал «Шарқ юлдузи», №7, 1968..

² «Тошкент оқшоми» 1969 год, 19 февраля.

*Как жаль, что я не пал в бою,
Когда с врагом боролись
За честь и родину свою
Наш гордый Брюс, Уоллес,*

– писал поэт в стихотворении «Шотландская слава». Такой патриотический мотив близок и самому переводчику Мухаммаду Али. Среди его оригинальных стихотворений и прозаических произведений есть и такие, которые воспевают родной край, и подобных Брюсу и Уоллесу героических сынов родного края. Переводчик недаром выбрал для перевода стихи такого патриотического духа. Пламенные стихотворения Р. Бёрнса, овеянные самым искренним чувством и бескорыстной любовью к родине, гордые мысли, прозвучавшие в них, были близки свободолюбивым сынам родного Узбекистана. Поэтому такие перлы поэзии великого шотландца не могли не отозваться в сердцах узбекских поклонников поэзии.

Полное юмора стихотворение «Счастливый вдовец», две эпиграммы – «Нет, не обманут эти глаза», «В последнюю минуту над могилой» опубликованы в узбекском сатирическом журнале «Муштум»³.

Мы можем смело утверждать, что большой цикл стихотворений, опубликованный в газете «Ўзбекистон маданияти» («Культура Узбекистана») еще ближе познакомил узбекских читателей с поэзией Роберта Бёрнса. Переводы популярных в Шотландии стихотворений «Возвращение солдата», «...Вина мне пинту раздобудь...», «Перед разлукой» понравились узбекским читателям свойственной духу великого шотландца напевностью, богатым ритмом и содержанием. Впечатляют узбекского читателя выразительные картины встречи верной и преданной мужу возлюбленной, которая с нетерпением ждет возвращения солдата и читатель явно испытывает на себе горечь долгой разлуки. Читатель представляет перед собой солдата, который

*Бодро шагает в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что (ему) во тьме светила,*

«Под слоем серой пыли» подходит солдат к калитке неузнанный и просит взять «на постой усталого солдата». Верная своему мужу, она говорит:

*«Мой милый тоже был солдат. Что с ним?
Убит иль ранен?
Он не вернулся, но о нем,
Храню я память свято,*

И вдруг, «под слоем серой пыли» узнает черты своего мужа. Такие загадочные картины, возвращение героя домой неузнанным (как возвращение Одиссея к Пенелопе или Аламышу к Барчиной) – известный мотив во всем мировом эпосе. Такой поэтический прием, мастерски использованный Робертом Бёрнсом, так же умело воссоздан переводчиком. Описываемая картина в стихотворении «Возвращение солдата» очень близка сердцу узбекских девушек и жен, провожавших своих возлюбленных и мужей на фронт и встречавших после их возвращения.

Ташкентский журнал «Меҳнат ва турмуш», публикуя переводы некоторых стихов Роберта Бёрнса, во вступлении писал, что готовится к изданию книга стихов Р. Бёрнса в республиканском издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма.

Стихотворения Бёрнса «Строчки о войне и любви», «Робин», «Мэгги» также увидели свет в переводах Мухаммада Али на страницах журнала «Муштум»⁴. Если стихотворения «Над рекой Афтон», «Когда кончался сенокос» опубликованы на страницах газеты «Ўзбекистон маданияти», то журнал «Гулистон»⁵ («Цветник») це-

³ Журнал «Муштум», 1969 год, №24.

⁴ Журнал «Муштум», 1971 год, №12.

⁵ Журнал «Гулистон», 1971 год, №9.

лую страницу отвел новым образцам поэзии великого шотландца с его великолепным портретом. Публикуя переводы стихотворений «Подруга угольщика», «Кузнецу», «Плачь священника, написанный об умершей лошади Пэг Никольсон», «Только я не сплю...», «Поминальное стихотворение собственнику Вильяму Грехему», редакция сопровождала предисловием: «Бёрнс в прямом смысле выходец из народа. Такие солидные произведения поэта, как «Две собаки», «Тэм О'Шентер», «Веселые нищие», овеянные легким юмором песни, героические баллады и эпиграммы серьезного социального содержания представлены как зеркало жизни Шотландии XVIII века. В них нашли отражение тяжелая жизнь трудового народа, жизнь, полная трагедий, ненасытность, жестокость собственников и власть имущих. Независимость Шотландии, борьба за правду и справедливость, ненависть к продажным властителям, вера в будущее составляют лейтмотив поэзии Бёрнса. Эти произведения поистине неповторимы и оригинальны в своем народном характере, художественной простоте и своеобразии»⁶.

Наконец, в 1971 году впервые на узбекском языке увидела свет отдельная книга Роберта Бёрнса «Песни и баллады»⁷. Как признается его переводчик, у каждого народа бывает заветный поэт, приход которого он ждал с нетерпением, ждал, чтобы он выразил то, что сам народ выразить не в силах. Великий бард Шотландии и шотландского народа Роберт Бёрнс был именно таким поэтом, которого долго ждали. Родной край Роберта Бёрнса расположен на севере Великобритании. Шотландия раньше была независимым государством, но позже, захваченная Англией, она лишилась и самостоятельности, и родного языка. В начале XVIII века английский язык стал официальным языком для Шотландии, родной язык шотландцев остался только в песнях и в произведениях устного народного творчества. Даже поэты и ученые шотландского происхождения стали писать на английском языке.

Именно в такое время среди обездоленного и оскорбленного народа появился поэт, ставший разумом и совестью соотечественников. Роберт Бёрнс продолжал писать на родном языке пламенные стихи о своей жизни, о жизни поэта, который должен всегда говорить правду⁸.

Роберт Бёрнс создал своеобразную, самую искреннюю по своему характеру поэзию о созидательном труде, о труде своих земляков, во весь голос воспевал свободу, борьбу героических и самоотверженных сынов Шотландии, которые проливали кровь в боях за независимость своей родины. Любовь, воспетая в его стихах – это самая искренняя, бескорыстная любовь, побуждающая лирического героя на смелые, отважные шаги. Многие стихи Бёрнса написаны в духе истинно шотландской народной поэзии, в своем родном диалекте. Тем самым он демонстрировал свои патриотические чувства, любовь к своему народу. В книгу на узбекском языке вошли такие полные гражданского пафоса стихотворения, как «Джон Ячменное Зерно», «Шотландская слава», «Макферсон перед казнью», «Послание к собрату-поэту», «О памятнике, воздвигнутом Бёрнсом на могиле поэта Роберта Фергюссона», образцы любовной лирики, несколько эпиграмм и солидные по размерам стихотворения «Две собаки», «Веселые нищие».

Известный теоретик перевода, профессор Нажмиддин Комилов в своей статье «Мастерство переводчика» на богатых конкретных фактических материалах дает детальный анализ достижений современной узбекской поэзии и переводческого дела. Он оценивает перевод поэмы Аветика Исаакяна «Аль-Маарри», осуществленный Аскадом Мухтаром, гетевского «Фауста» в переводе Эркина Вахидова. Он по достоинству оценил поэзию Роберта Бёрнса, мастерски воссозданную Мухаммадом Али. «Роберт Бёрнс, – писал тогда Н. Комилов, – нашел в Мухаммаде Али своего переводчика. Удивительно страстный юмор, заунывно грустные песни, спокойные, но полные внутренними, душевными мотивами стихи простого поэта, выходца из крестьянской среды, нашли доброе воплощение в узбекском языке. *«Переводчик,*

⁶ Там же, стр. 28.

⁷ Роберт Бёрнс. «Қўшиқ ва балладалар». Гафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. Т., 1971.

⁸ Там же, стр. 5.

нашедший путь к сердцу Бёрнса, смог создать сильные поэтические строки и обогатил нашу узбекскую поэзию новыми красками и мотивами»⁹. Известный российский ученый, исследователь творчества Бёрнса профессор С.А. Орлов писал: «Мухаммад Али (Ахмедов Мухаммад-Али), автор двух поэтических сборников «Небесные грезы» (1967) и «Зарево» (1968), прислал свои переводы из Бёрнса на узбекском языке, опубликованные в журнале «Шарк юлдузи» (1968, №7). Это первые переводы из Бёрнса на узбекском языке. Среди них такие шедевры лирики Бёрнса, как «Песня девушки», «В горах мое сердце», «Счастливым вдовец», «Веселые нищие» и многие другие».

Известный литературовед Казакбай Юлдашев, анализируя переводы Мухаммада Али, писал: «Стихотворения английского (шотландского. Уточнение автора статьи. – Б.Х.) поэта Роберта Бёрнса, воссозданные на узбекском языке Мухаммадом Али, создают впечатление, словно Бёрнс написал их на узбекском языке»¹⁰.

Роберт Бёрнс стал поэтом, полюбившимся узбекским читателям. Мухаммад Али в своих переводах оставался преданным поэзии шотландского барда, с большой любовью к нему переводил на свой родной язык животворную поэзию Бёрнса. Благодаря ему шотландский поэт вошел в дом каждого почитателя его таланта, и тем самым помог обогатить узбекскую поэзию новыми мотивами. Переводы лирической поэзии великого шотландца считаются новыми достижениями узбекской литературы.

⁹ Газета «Узбекистон маданияти», 1978 год, 13 июня.

¹⁰ Қ. Йулдош. «Ёниқ сўз». «Янги аср авлоди». – Т., 2006, 454-бет.